

Владимир Шкаликов

ЛУЧИ СТРАХА

Фантастическая повесть

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЧИТАТЕЛЮ

Если ты читал сказочную повесть "Пегасик", то в "Лучах страха" кое-кого оттуда встретишь. Но это уже почти не сказка.

Пока Евгеша Малюхин был маленьким, полно было кругом сказочного. Кошка Сима научилась летать и ушла в леса. Его Быстрочитательство воробей Сёма владел сразу двумя русскими языками: литературным и казённым. Деревянная солонка с лошадиной головой и птичьим хвостом ожила и нашла себе работу сразу в двух местах. Нашёлся даже знакомый писатель, чтобы всё это описать в книге.

А когда Евгеша попрос, жизнь пострашнела.

Так бывает со всеми: чем взрослее, тем страшнее. И никуда не денешься. Изволь взрослеть, изучай жизнь и учись её не бояться. Зависит, конечно, многое от того, какие люди окажутся рядом, но главное - сам не зевай. И не забывай, для чего тебе даны мозги.

Евгеше после четвёртого класса выпали такие испытания, что на помощь не надейся: сам залез, сам и выпутывайся. Вот об этом и будет рассказано. Притом есть места до того страшные, что слабонервным читать не советую. Фантастика вам не сказка.

Для тех же, кто решится, будет ещё одно предупреждение - в конце книги. Но для проверки нервов постарайтесь в конец не заглядывать.

Счастливого пути!

Часть I ОДИН ПРОТИВ ВСЕХ

"Голос моря".

В гости пришёл великий Дорошенко. Всеволод Серафимович. Дядя Сева. Учёный из учёных. Почти уже кандидат технических наук. Ему в доме разрешалось делать что угодно, и он этим правом пользовался постоянно и широко. Для начала он мощно закричал:

- Малюхины! Вы счастливы, что я пришёл?

Папа и мама, улыбаясь, кивнули.

- Тогда почему никто не принимает мой бесценный портфель?

Портфель был действительно бесценным, потому что всегда содержал подарки и диковины. Мама приняла портфель и передала его папе, папа передал Евгеше, Евгеша бегом отнёс помятое и потёртое сокровище к большому креслу и мигом вернулся.

Дядя Сева, стряхнув с ног разбитые сандалии, продолжал ритуал своего появления. Он звучно целовал хозяев.

- Надюшка! М-м-мых! Володька, чёрт старый! М-м-мых! Где малец? Иди сюда! М-м-мых! Где моя любимая пепельница?

Он опустился в большое кресло, ворча, дождался, когда разыщут пепельницу, закурил отвратительную папиросу из мятой голубой пачки и снисходительно кивнул, разрешая открыть форточки. На вздохи хозяйки и покашливание старшего хозяина он грозно заявил:

- У меня в этом доме эдикт. Я единственный в мире имею право здесь курить, и мне приятно быть единственным. Для каждого человека это главная цель и главная радость - быть хоть в чём-нибудь единственным.

Рассуждать на подобные темы великий Дорошенко мог без конца, поэтому его не постеснялись перебить.

- Ты своей смертью не помрёшь, - сказала мама. - Курить вредно, правда, Евгеша?

Евгеша убеждённо кивнул.

- Вы даже не представляете, до чего это вредно! - вскричал дядя Сева. - И не только это!

Опустил руку, нащупал замок портфеля, произвёл нужные действия, и на столе появилась бутылка шампанского. За ней были извлечены яблоки, торт и цветы.

- Этими розами, - дядя Сева протянул букет маме, - я поздравляю хозяйку этого дома с прекрасным летним днём. Этот торт надо порезать, яблоки - помыть, а вино - давай-ка, Володька, фужеры - выпьем за меня, великого, ибо вот в этом портфеле находится изобретение века, а сделал его - я!

- Покажете? - сразу спросил Евгеша.

- А то как же! Иначе хвастать не стоило!

Дядя Сева жадно выкуривал свою папиросу, а хозяева тем временем, в ожидании сюрприза, спешно готовили стол к поздравительному действу. Был принесён чай, были поставлены фужеры, и дядя Сева, вдруг сделавшись задумчивым и медленно освобождая бутылочную головку от фольги, тихо сказал:

- Да-а, ребята... Если без шуток, то работа действительно получилась интересная, хотя и...

- Да что там у тебя? - спросила мама нетерпеливо.

- Ещё и названия по-настоящему нет, - сказал дядя Сева. - Может быть, вместе и придумаем...

Только сначала нужна маленькая преамбула, чтобы вы легче поняли.

- Что такое преамбула? - спросил Евгеша.

- Вводная лекция, мой любознательный друг. Ну, слушайте. Вам, разумеется, известно, что в океанах есть корабли-призраки...

- "Летучие голландцы"! - подсказал Евгеша.

- Гм, - дядя Сева прервал рассказ и посмотрел на него с почтением. - Слушай, ты в какой, бишь, класс перешёл?

- В пятый.

- Не по годам развитый ребёнок, - оценил дядя Сева. И, подумав секунду, скромно объяснил: - Моё влияние... Так вот, откуда берутся эти "летучие голландцы", вы, конечно, не знаете?.. И я не знаю. Вот, например, как это объяснить: все паруса подняты, на печке ещё тёплый борщ, а на всём судне - ни души, только помешанный кот кричит?

- Гигантский спрут, - спокойно объяснила мама. - Кракен. Суп ему не понравился, кот успел спрятаться...

- Борщ, - поправил Евгеша.

- А шлюпки? - вмешался папа. - Зачем твой кракен съел шлюпки и судовой журнал?

- Эти мелочи, - ответила мама с достоинством, - не имеют никакого значения.

- Малюхины, не спорьте, - дядя Сева снисходительно улыбнулся. - Я сейчас расскажу такое, что вы пожмёте друг другу руки и помиритесь.

И он рассказал, что при достаточно высоких волнах и достаточно ураганном ветре над океанами нередко возникает такое низкое гуденье, что человеческое ухо его не слышит. Это гуденье называется инфразвуком, имеет частоту примерно семь герц, то есть семь колебаний в секунду, и такая частота очень опасна для людей и животных, потому что вызывает у них чувство панического, то есть неодолимого страха. Обладая огромной мощностью, океанский штормовой инфразвук распространяется так далеко, что может застигнуть корабли, плывущие в тихом, безветренном районе. И тогда даже опытные моряки не помня себя спускают шлюпки и бросаются от корабля в неизвестность. Это не выдумка, потому что такое случилось в одном из театров. Для усиления ужаса, происходящего на сцене, были изготовлены огромные резонаторы, которые могли дать частоту, близкую к инфразвуку...

- Боже мой! - воскликнула мама. - Что же было?

- Был скандал, - ответил дядя Сева. - Когда аппаратуру включили, то зрители сразу бросились к выходу. Ломая мебель и давя друг друга... Но это нас уже не интересует. Я вижу, Володька всё понял!

- Неужели ты изготовил такое устройство? - спросила мама.

Дядя Сева развёл руками и поклонился.

- И оно в портфеле? - У папы недоверчиво сузились глаза. Великий Дорошенко погрузил руку в портфель, и рядом с бутылкой на столе оказался жёлтый латунный цилиндр, очень похожий на обыкновенный фонарик, который заряжается двумя круглыми батарейками. Там, где полагалось быть выключателю, выступала круглая головка, а место стекла занимала выпуклая чёрная поверхность с узкой щелью поперёк.

Евгеша и не заметил, как его рука дотронулась до аппарата. И тут же пальцы дяди Севы по ней шлёпнули. Евгеша отдернул руку и даже шагнул назад, чтобы не соблазняться.

- У человеческих детёнышей, - сказал дядя Сева, - руки всегда впереди головы. Но и взрослых прошу пока не прикасаться. Ибо архисерьёзная штука. Лучше издали покажу, а вы не обижайтесь. - Он покрутил головку "фонарика", в которой была щель. - Отсюда выходит луч. Его можно делать совсем точечным или широким, на всю комнату, на сто шестьдесят градусов. А вот эта кнопка - переключатель. Сейчас, конечно, выключено. И есть четыре рабочих положения. У трёх - картинки.

Все придвинулись - разглядеть.

- Мышь! - узнала мама. - Ничего приличнее не придумал...

- Так-так, - сказал папа. - Бежит - это понятно. Лежит - это нокаут, что ли?

- Да-да, - кивал дядя Сева. - Если немного менять частоту и силу излучения, можно свалить в обморок минут на пять или обратить в бегство. Или привести в оцепенение - вот в этом положении, где мышь сидит.

- Ничего себе, - сказал Евгеша.

- Ужас какой, - сказала мама. - Ты изготовил гадость.

- А четвертое положение? - спросил папа. - Без картинки.

- Это "фул пруф", - дядя Сева отвечал уже печально и виновато поглядывал на маму. - В переводе с английского технического слэнга - "защита от дурака". Если этот аппарат попадёт в руки человека случайного, но любознательного, и он двинет кнопку на себя, из щели выдвинется стержень, и сам этот человек, и всё вокруг будет поражено на расстоянии в полсотни метров. Потом отключить сможет только специалист.

- Значит, - сказал папа, - она только на пятьдесят метров работает?

- На пятьдесят - "фул пруф", - сказал дядя Сева, - а рабочий луч - на двести. И аккумулятор - моя гордость - на год непрерывной нагрузки.

- Изготовил оружие и гордится, - сказала мама с обидой. - Я-то думала - учё-о-оный...

- Он великий учёный, - возразил папа быстро и с уважением. - Не учёные используют открытия для убийства. И тут, видишь, не человек нарисован. Мышь...

- Она права, - сказал печально дядя Сева. - Не спорь, Володя, она всё правильно поняла. Учёный отвечает за всё, что делает. И совесть нужна не меньше, чем талант. И предвидеть надо всё... - Он оттолкнул своё изобретение и взялся за бутылку. - Выпьем, ребята, за моё очередное поражение. Помнится, интересно было работать над генератором шаровых молний, да чуть не сделал пушку. Хорошо шло дело и со сверхконденсатором, да чуть не получилась мина. Теперь хотел сделать электронного пастуха или защиту от грызунов, а получилось опять оружие... К чертям! Никому! Аккумулятор здесь хороший, безопасный, всем позарез нужный - я на нём академиком стану, если ещё чем-нибудь не увлекусь, а эту штуку - в сейф, под семь замков!

Выстрелил себе в ладонь пробкой, налил взрослым шампанского, чокнулся, быстро выпил, ещё налил себе, сразу же выпил, допил остальное из горлышка, прямо из бутылки, извинился, заплакал и закурил.

- Ах, Сева, - сказала мама, - зря ты так переживаешь.

- В самом деле, - сказал папа. - В хороших руках, под надежным контролем...

- Да не будет этого! - дядя Сева даже вскочил. - Один злодей может одним махом погубить старания целого человечества!

- Ну, Сева, мы не для злодеев стараемся, - начал папа, но тут ему пришлось тоже вскочить, чтобы подхватить дядю Севу, который вдруг стал валиться прямо на стол.

Глаза великого учёного сделались страшными, потому что налились кровью, правая рука повисла, а левая сильно прижалась к боку. Так он и сидел в кресле, пока не примчалась "скорая помощь". Благо в квартире телефон, и примчалась она через пять или шесть минут. За всё время ожидания никто не вымолвил ни слова. Все смотрели, как дядя Сева тяжело дышит открытым ртом и какое у него вдруг измученное лицо. Мама всё предлагала ему лечь, указывая глазами на диван, а он, глазами же, отказывался. Чтобы Евгеша не испугался, его послали встречать "скорую".

К дому подъехала новенькая машина, броско раскрашенная, какая-то двухэтажная и с надписью "Реанимационная" вдоль борта. Молодой врач, крепкий и высокий, уважительно последовал за Евгешей и, осмотрев дядю Севу, кивнул своему помощнику, тоже здоровяку в белом халате, тесном ему из-за его здоровья и всюду коротком:

- Давай носилки.

Сам же оглядел стол и, морщась, сердито сказал:

- Вино плюс табак равняется инфаркту. - Внимательно поглядел на Евгешу. - Запомни хорошенько.

Евгеша кивнул.

Взрослые, все вместе, унесли несчастного в машину.

А Евгеша взял со стола опасный аппарат, запер его в портфель и задвинул под большое кресло, чтобы завтра, когда великий Дорошенко вернётся из "скорой помощи", ему было достаточно протянуть руку... А вот к пепельнице и к бутылке его рукам больше тянуться не положено, поэтому и то, и другое - в мусорное ведро, вместе с помятой пачкой "Беломорканала", вот так...

Когда родители вернулись, Евгеша разогревал остывший чай. Он объяснил, куда пристроены вредные предметы со стола, и был похвален. Опасался, что пепельницу пожалеют, но не пожалели, оставили в ведре, долой эдикт.

Потом семья пила чай, и каждому хотелось покрепче, потому что было нервно, однако Евгеше не налили покрепче - из-за малого возраста. И были, наверно, правы, потому что, выбрасывая бутылку, он вылил в рот оставшиеся капли шампанского, но не получил никакого успокоения, а уж вино-то наверняка покрепче какого-то чая...

Принимаясь за второй кусок торта, Евгеша всё же почувствовал, что нервы начали приходить в порядок, и он решил отвлечь печальных родителей от их мрачных мыслей, ибо думали они наверняка о собственной смерти, как все старые люди, которым уже перевалило за тридцать лет. Он сказал:

- Как же этот лучеём назвать? Дядя Сева просил... Вот он вернётся...

Родители переглянулись, и мама со вздохом сказала, будто отмахнулась:

- Пусть так и называется.

- Как?

- Луче́мёт.

- Бластер или скорчер,- предложил папа. И было видно, что он понял Евгешу и хочет тоже маму растормошить.

- Глупости, - сказала мама.

Против этого слова Евгеша ещё ни разу в жизни не находил возражения. Он, как всегда, почувствовал, что глаза и щёки нагреваются, и сейчас от обиды захочется спать. Но папа не сдался:

- Между прочим, я читал об этом явлении.

- О каком? - спросил Евгеша, хотя вполне было ясно, о каком.

- Об этом океанском инфразвуке, - ответил папа. - Моряки называют его - "Голос моря". По-моему, довольно сурово.

- Страшно, - сказала мама. - Дальше пятидесяти метров от берега в море всё страшно.

Такое мнение она составила после единственного купания в Крыму, проездом на Кавказ. Медузы были большие и скользкие, да к тому же её ущипнула за ногу морская блоха.

- Ты права, - сказал папа дипломатично, - только такое название прибору не подходит.

- Такое поэтическое название, - сказала мама, - никакому неодушевлённому устройству подойти не может.

Было ясно, что её настроение не улучшается, но папа всё же ещё не сдавался. Он предложил:

- А если нам пойти от слова "устройство"? Например, "Пугающее Устройство" - ПУ.

- Говори уж прямо ПУП, - мама наконец усмехнулась, - "Пугающий прибор".

- А ведь точно, - папа обрадовался, - можно от каждого слова брать не по одной букве! Смотрите: "Лучевое устройство" - ЛУСТ. Как?

Они подумали, и мама сказала:

- А это, пожалуй, можно. Оно и склоняется? ЛУСТа, ЛУСТом...

- И ещё его можно по-другому расшифровать, - сказал Евгеша. -Тоже ЛУСТ, но другие слова.

Он подождал, не угадают ли они сами. Но они не угадали и хором спросили:

- Какие?

- "Лучи страха".

- Вот это да, - оценил папа. - Даже завидно, что не я додумался.

- Что ж, - сказала мама, - вот мы и дали имя мёртворождённому устройству. Оно будет вечно храниться в сейфе, но зато с собственным именем. Завтра пойдём к Дорошенке и всё ему скажем.

- А разве он сам не придёт? - Евгеша удивился.

- Ах, да, - папа нахмурился, - ты же не знаешь, что такое инфаркт... От него, сын, умирают. Это еще называется - "разрыв сердца" - по-народному. Слышал?

Евгеша вытаращил глаза. О разрыве сердца он, конечно, слышал и легко это представлял: как будто в сердце попадает разрывная пуля, верная смерть. И сразу же подло пришла к нему незваная, предательская мысль, будто чей-то голос: "Он умрёт, а ЛУСТ будет мой!" Он растоптал её, как таракана, прихлопнул, как моль, он даже тряхнул головой, но всё равно стал себе противен. Он ведь ни за что не хотел этой смерти, никогда не захотел бы её и ни в коем случае не взял бы этот ЛУСТ если бы дядя Сева, не дай бог, умер. Откуда же тогда пришла эта коварная мысль, как она родилась, из чего сложилась, если ничего такого не было в Евгешинной голове? Он решил, что ещё с этим разберётся, а пока надо спросить:

- Но он же не умрёт?

- А ты не хочешь? - спросил папа. Евгеша возмущённо мотнул головой.

- Тогда покрепче думай, чтобы не умер, и он не умрёт.

- Не забивай ребёнку голову мистикой, - сказала мама. И объяснила: - Дядя Сева ещё молодой, помощь оказана вовремя, поэтому он не умрёт. Завтра днём позвоним в больницу и, если разрешат, навестим, что-нибудь из еды передадим.

- И сколько он может пролежать? - спросил Евгеша.

- Долго, - ответил папа. - И месяц, и два.

- Ничего себе, - протянул Евгеша. А сам при этом тайно отбивался от того же коварного голоса, который почему-то шептал, что надо радоваться и чем-то воспользоваться.

- А ты на всякий случай послушайся отца, - мама улыбнулась. -Думай покрепче, чтобы дядя Сева скорее выздоровел.

- Вы тоже думайте, - сказал Евгеша.

Родители кивнули.

Евгеша думал об этом весь день, до самого сна. А во сне к нему пришла та самая Коварная Мысль - в виде гордой, красивой, но непонятной и очень чужой взрослой девушки, похожей всем, даже голосом, на одну десятиклассницу. Она даже не пришла, а прошла мимо, приостановилась и через плечо сказала: "Ты меня слушайся. Видишь, я ведь старше тебя намного". "А что ты от меня хочешь?" - спросил Евгеша. Она не ответила и ушла.

Искушение.

Утром родители, как обычно, ушли на работу, а Евгеша, им на диво, не стал валяться в постели, а вскочил вместе со всеми и начал перед телевизором делать зарядку.

Он не прекратил упражнений даже когда остался один. Он устал, но продолжал приседать и наклоняться, даже когда стали показывать мультик. На экране добрый Ваня выменивал змею Скарапею на новый пиджак с карманами, а рядом измученный Евгеша сорок девятый раз отжимался от коврика. Когда в сказке дело дошло до хрустального моста инженерной работы, мышцы отказались слушаться Евгешу и перетащили его в кресло. Там сказка была досмотрена, и больше не осталось причин обманывать самого себя.

Рука давно уже гладила портфель под креслом. А в ушах невнятно звучал вчерашний шёпот - "надо радоваться и пользоваться, надо, надо..."

"Почему руки впереди головы?" - прикрикнул на себя Евгеша и сложил руки на коленях. Но встать из кресла не хотелось, он решил что будет справедливо немного отдохнуть после зарядки. Сразу потянуло в сон. Он встал, выключил телевизор и снова сел в кресло. Только руки, для удобства, свесил по сторонам.

Наверно, он сильно задремал, потому что даже увидел сон. Очень большая белая мышь хотела проглотить телевизор. "Вот я тебя!" - сказал во сне Евгеша и начал расстёгивать под креслом портфель. Мышь это заметила и выпорхнула в форточку прямо сквозь сетку от мух. А Евгеша проснулся и обнаружил, что портфель под креслом расстёгнут. Он подумал, что, может быть, папа с мамой не решились оставлять ЛУСТ в портфеле и спрятали куда-нибудь. Это было бы правильно. Но, сунув руку - для проверки - в портфель, Евгеша нащупал знакомое металлическое тело среди бумаг и проводов.

"И правильно, - подумал Евгеша. - От кого у нас прятать? От меня, что ли? Так я бы сам ещё дальше спрятал".

Правая рука его продолжала катать в портфеле ЛУСТ, когда в комнату влетела огромная муха. Видно, влетела через дверь, когда уходили родители, и послал её не иначе как злой дух, потому что муха немедленно устремилась к Евгеше. Он отмахнулся левой рукой несколько раз, но муха настойчиво повторяла атаки, и сама собой возникла идея - сбить её лучом.

Правая рука послушно и проворно выхватила заветное оружие из портфеля, большой палец удобно лёг на кнопку. Тут же Евгеша подумал, что будет неблагородно применять против одиночной мухи широкий луч. Он заглянул в щель, покрутил головку и без труда разобрался, как регулируется ширина луча. Затем он перевёл кнопку в положение "обморок" и вообразил себя зенитчиком, сбивающим вражеский самолёт... Не попал ни разу, даже когда муха села на окно. В азарте Евгеша делал самый широкий луч и водил им сверху вниз по мухе, но всё бесполезно. Тогда он свернул в трубку газету, и муха была повержена одним точным ударом.

Выключенный ЛУСТ лежал на столе и вместо надежд внушал недоверие: работает ли он вообще? не пошутит ли дядя Сева?

Евгеша взял прибор и сел в кресло. Положить обратно в портфель и - забыть... Можно, конечно, испытать на себе. И даже весьма хотелось бы. Но если на людей эта штука всё же действует, то неизвестно, как поведёт себя Евгеша после лучевого удара. И кто тогда выключит?

Скорее всего, эти размышления кончились бы мирным положением ЛУСТА в портфель, и тебе, читатель, не о чем было бы дальше читать. Но три года назад ушла из дому Сима, а другую кошку верные хозяева заводить не стали. И поэтому теперь какая-то мышь почти без опаски пошла вдоль стены у Евгеша на виду.

Руки Евгеша, уже привыкшие к ЛУСТу, действовали, как всегда, быстрее головы: опрокинутая лучевым ударом, мышь застыла кверху лапками в точно такой позе, как на гравированной картинке слева от кнопки.

- Ничего себе, - пробормотал Евгеша и почувствовал беспощадную жалость. Он выключил прибор и подбежал к несчастной мышке. Светлое брюшко часто дышало, а из открытого рта при каждом выдохе вырывался жалобный испуганный писк, будто бедняга видела страшный сон. Она дёргалась из стороны в сторону и так перебирала лапками, будто во сне удирала сразу от многих котов.

Победив руки, надо было теперь справиться и с бесполезной жалостью. Евгеша вспомнил, как дядя Сева говорил когда-то о жертвах, которых требует наука. И он сумел заставить себя вернуться в кресло и даже взять ЛУСТ наизготовку, чтобы довести исследование до конца.

Ещё несколько раз повторил: "Влево - обморок, вправо - замри, прямо - беги, на себя - нельзя", он дождался, когда мышшь очнётся и побежит, и сдвинул кнопку вправо. Мышь послушно остановилась. Не отводя луча, Евгеша встал и приблизился вплотную. Круглые ушки дрожали, в круглых блестящих глазах ему померещился ужас. "Наверно, я похож на удава",- подумал Евгеша без удовольствия. И поспешил передвинуть кнопку вперёд. Мышь немедленно подпрыгнула и молниеносно умчалась в угол, под телевизор.

- Ничего себе, - повторил Евгеша. Он выключил прибор и снова сел в кресло.

Да, думал Евгеша, вот это вещь. Хотя и жалко мышшь, зато ка-акая мощь! А с мышшкой ведь ничего не сделалось... Он, правда, ни разу не видел, чтобы мышшь так быстро бегала. Может быть, теперь её такую ни одна кошка не сможет догнать. А дальше - хорошо бы всё-таки испытать лучи страха на себе. Тогда и перед мышшкой не стыдно, и вообще - научно интересно. Только нужен надёжный человек, который направил бы луч на Евгешу, а потом вовремя отключил. Кто?

Разумеется, мама и даже папа для такого дела не подходят. Евгеша и сам бы ни за что не направил такое оружие на собственного ребёнка. Для такого дела не подходят вообще никакие родственники. Любой родственник начнёт рассуждать о каком-то неизвестном "голосе крови", которого, конечно, никто никогда не слышал и не услышит, но он, как "голос моря", может заставить человека что-то делать и чего-то не делать. Сплошная, в общем, мистика, если говорить маминими словами. Но когда дойдёт до дела, то и мама будет вести себя не лучше других.

Поэтому нужен друг. И друг ближайший. Не просто какой-то одноклассник, с которым одинаково учишься и рядом живёшь. Нужен такой, с которым есть общие тайны, желательно страшные, но не позорные. Нужен такой друг, чтобы себя не пожалел для тебя, чтобы верил в тебя, как в гром и молнию, и чтобы даже мог тебя добить, если спасти невозможно. Разумеется, такой друг есть не у каждого, и счастлив, кто его имеет. Евгеша - счастлив. Сейчас он позвонит и, если Иван дома, тогда всё ура.

Страшная тайна у них с Иваном была. Недавно вечером, когда Иван провожал Евгешу до троллейбусной остановки, они увидели взрослого парня, который шёл по пустой улице, слегка покачиваясь. Напротив остановилась вытрезвительская машина, и два милиционера попытались втащить парня в клетку. Он стал вырываться. Милиционеры начали колотить его ногами. Тогда парень без труда отнял у них свои руки, двумя ударами уложил обоих и, подмигнув мальчишкам, убежал. Милиционеры через минуту очнулись, догнали ребят и спросили, куда побежал преступник. "Какой преступник?" - ответил Иван. "А вы что же, ничего не видели?" "Нет, - ответил Евгеша, - мы ничего не видели". Милиционеры выругались и уехали, и тогда Иван сказал, что этот парень живёт здесь недалеко, что он всегда возится с пацанами, а выпивает он из-за раны, которую получил, когда воевал в десанте... Об этом случае они решили не говорить никому. Ни Ивановой маме, которая служит в милиции, ни Евгешину папе, который служил в десанте.

Евгеша набрал номер квартиры Тереховых и услышал в трубке голос Ивана:

- Ментовка на проводе!

Мама-капитан запрещала так шутить, но Иван не слушался.

- Примите информацию, - сказал Евгеша.

- Записываю, - сказал Иван.

- Срочно ко мне, - сказал Евгеша. - Аллюр три креста, секретность два нуля.

- Не могу, - Иван вздохнул. - Приказано сидеть и ждать. Газ привезут.

Баллоны для газовой плиты привозили "в течение дня" - более точного срока на станции не представляли. Значит, день мог пропасть целиком. А загадывать на завтра в таком деле, какое затеял Евгеша, было рискованно: вдруг папа вздумает завтра же отвезти ЛУСТ в институт, где работает дядя Сева.

- А ты ко мне? - спросил Иван.

- Очень рискованно, - теперь вздохнул Евгеша.

- Кто не рискует, тот не пьёт шампанского! - отрезал Иван.

- Один выпил, - пробормотал Евгеша, соображая, какой же из двух рисков меньше: отложить на завтра или ехать сейчас? Он покачал опасный прибор на ладони, и ЛУСТ перевесил опасения. - Жди через полчаса, - приказал Евгеша. - Бегу напрямую.

- Понято, - был ответ. И Иван отключился. Сборы заняли две минуты. Правда, хотелось бы идти в лёгких летних джинсах, но ради глубоких карманов пришлось надеть нелюбимые шерстяные школьные брюки. Вместо лёгких сандалий на босу ногу пришлось натянуть носки и крепкие кожаные туфли - на случай обороны и убегания. Только белая футболка спасала от жары.

Евгеша опустил ЛУСТ в карман брюк и, придерживая его рукой, двинулся в путь. О том, что дома его не хватятся до вечера, он не беспокоился - все на работе.

Он прошёл длинный заводской забор, за которым работала мама, и оказался в Михайловской роще, которую ещё при царе насадил один из местных купцов. При купце в роще были скамейки и фонтан,

вечерами горели фонари и гуляла публика, а теперь только ухал мяч на вытоптанной поляне да изнывали комары - от голода и жары. Проверив ЛУСТ на комарах и убедившись окончательно, что насекомых луч не берёт, Евгеша побежал во все лопатки, чтоб не съели, и скоро спустился в неширокую долину, которая разделяла город Томск на два округа - Северный и Южный. По долине струилась узенькая речка Ушайка, когда-то рыбная, а теперь жертва пяти городских бань и двух заводов. Купаться в ней было нельзя, даже перебегать её по камням - лучше не дышать. Евгеша, не дыша, в десять прыжков преодолел Ушайку, промчался среди огородов и поднялся в Южный район.

Предстояло пройти ещё с километр, но - самого опасного пути. Здесь южные мальчишки ловили северных и, случалось, бивали. Как, впрочем, и на северной стороне, где жил Евгеша, бивали южных.

Он дошёл до половины опасного пути, но всё ещё не решил, честно ли применять ЛУСТ, если южные нападут. Вдруг он перепутает и вместо бегства включит обморок? Таммыш было жалко, а тут люди, да ещё - дети....

Тут-то на него и напали.

Собачонка была - пустяк. Маленькая, чёрная и очень лохматая. Шотландский терьер сибирских кровей или что-то в этом роде, только наоборот. Делал вид, что нюхает травку у калитки, а сам, враг, следил в щёлку сквозь густую чёлку... Едва Евгеша поравнялся, зверь заревел и бросился. Голос ему достался явно не по росту, и он, конечно, воображал себя львом. Но и зубы там, конечно, имелись. Евгеша даже не успел повернуться, чтобы ногой отбить атаку. Да и жалко бить кожаным ботинком такого маленького. Он оставил в зубах хищника несколько ниток из нелюбимых брюк, прыгнул на лавочку у забора, а с лавочки - на забор. Злодей внизу торжествовал и заливался львиным рёвом, прыгая на лавочку и обратно.

А с той стороны забора спешила с тяпкой ветхая старушка. Она спросила: - За цветами? - И замахнулась тяпкой.

- Нужны мне ваши цветы, - пробормотал Евгеша. И добавил погромче: - Собака вон напала.

- Ах, Тузик, - старушка засмеялась. - Ну, ладно, сейчас.

Пока она шла к своей калитке, Евгеша размышлял, не прогнать ли Тузика лучом страха. Но было неловко перед старушкой.

Да и доставать ЛУСТ в таком положении неудобно. Старушка вышла к Тузику и замахнулась тяпкой.

- Уходи, бесстыжая морда! Наладилась людей страшить...

Пёс укоризненно покачал головой, потом подмигнул Евгеше и вразвалку не спеша удалился под калитку. Евгеша своими глазами видел - пёс подмигнул!

- Ты, поди, из Северного района? - спросила старушка. Евгеша кивнул.

- Наши соседские пацаны тут приловчились, - сказала старушка. - Поймают вашего и заставляют воровать для них цветы. А не полезешь - побьют.

- А зачем им цветы?

- Альке дарить. Вон, соседке моей. Тузик - это её собака. Он вас не любит и гоняет. А ей, дурочке, смешно... Ну, иди.

Уже близко была троллейбусная линия. Там заборы кончались и громоздились многоэтажные дома, в одном из которых жили Тереховы. Оставшиеся три квартала Евгеша прошёл без приключений. Взбежал на второй этаж и, нажимая кнопку звонка, подумал: "Вот испытаем, отвезу домой - и всё, тишина, никаких приключений".

Подумать бы ему об этом раньше, до выхода из дома. Знай Евгеша, какими страхами и страстями обернётся его поход к Ивану, лежать бы ЛУСТу в портфеле, а потом в сейфе, где ему самое место.

Испытание.

Сразу после звонка за дверью раздался шорох, и она распахнулась. Иван стоял в боевой позе и в наряде индейца: перья, ленты и ремешки. В живот Евгеше смотрело дуло кольца, который специально для Ивана вырезал Малюхин-старший.

- Руки на голову, бледнолицый! - рявкнул Иван и страшно оскалился. Но страшный оскал у него не получился, потому что он ещё за дверью начал хохотать.

- Как ты угадал, что это я? - спросил Евгеша.

- Это элементарно, Ватсон! Такой вопрос мог задать только зелёный чечак! Подходя к моему дому, ты поленился поднять глаза на балкон, а я всё время стоял там и мог сто раз превратить тебя в решето. Пиф-ф-ф!

После этого Иван стал обыкновенным мальчишкой из дружественной семьи, отступил, пропуская Евгешу в прихожую, и они обнялись, потому что не виделись целых три дня.

- Какие новости? - спросил Евгеша.

- Во какие! - был ответ, и на диван легла огромная, тяжеленная книжища с иностранным названием. Евгеше только с сентября предстояло изучать французский, а Иван уже четыре года проучился в

специальной школе, где с первого класса преподавали на немецком, и отец покупал ему ТАКИЕ книги для общего развития.

На голубой обложке был выдавлен контур самолёта, вид сверху.

- Что это?

- "ТИПЫ САМОЛЁТОВ", - Иван перевёл название книги. И они на целый час забыли обо всём на свете. Это была вещь: весь летающий мир - в одном томе! Старинные "Ньюпоры" и современные "Миражи", крылья Лилиенталя и проклятые "Юнкерсы", шведский "Дракон", израильский "Кфир" (- Это поихнему "Львёнок", - сказал Иван), американский самолёт-шпион "Локхид У-2" и знаменитый советский крошка "У-2", на котором наши девушки бомбили фашистов ночами... Посмеялись над экспериментальными моделями, которые летали хвостом вперёд, сравнили наш "СУ-29" с американским "Иглом", поудивлялись "Боингу", который имеет три этажа и может везти сразу полтысячи пассажиров... Все эти данные Иван запросто переводил с немецких подписей к снимкам. Наконец решили, что наши самолёты лучше всех, потому что симпатичнее. Потом Иван спросил, какие новости у Евгеша.

Евгеша молча достал из кармана "фонарик" и подал, предупредив, что ничего включать и крутить пока нельзя. Иван взвесил аппарат на ладони, заглянул во все щёлки, всяко к нему примерился и устался на Евгешу.

- Понял, что это? - спросил Евгеша. Иван коротко мотнул головой и вернул ему ЛУСТ. За что любил Евгеша Ивана, так это за серьёзность. Как бы он ни играл, как бы ни бесился, а заговори с ним о деле - и он уже всё бросил и смотрит, как на уроке на учителя. И не ответит сразу "да" или "нет", пускай даже всё ясно. Он сперва скажет: "Подумать надо", спросит: "А если?.." Но когда все возможности переберёт, тут уж его не остановишь и не свернёшь. Одно слово - серьёзный.

Подперев голову кулаками и почти не моргая, он выслушал всё, что выложил Евгеша - и про "голос моря", и про инфаркт великого дяди Севы, и про испытание ЛУСТа на мышке и насекомых.

О позорной встрече с Тузиком, разумеется, рассказано не было. Эту встречу Евгеша намеревался победно повторить на обратном пути. Решение было простое: обмотать ЛУСТ газетой, заранее включить на паническое бегство и идти себе, помахивая... Иван обдумал Евгешино сообщение и сказал:

- Очень опасная штука. Можно захватить любую страну. Без боя.

- А авиация? - не согласился Евгеша.

- Ерунда, - сказал Иван. - Повесить над этой страной спутники и оттуда всех оцепенить. По мере захвата сдвигать лучи, вот и всё.

Евгеша согласился, что при нынешней технике такое дело ничего не стоит, и предложил испытать на себе: что могли бы чувствовать люди в той стране, которую облучают ЛУСТом.

Иван немедленно предложил первым себя:

- Кресло поставим здесь, а ты отойди к балконной двери и ударь в меня через две комнаты.

- Нет, - сказал твёрдо Евгеша. - У меня рука не поднимется. Давай сначала ты.

Иван подумал несколько секунд, вообразил, как будет корчиться на полу потрясённый ударом друг, и - тоже отказался. Призвали на помощь судьбу, и в воздух полетела копеечная монетка, найденная на телефонном столике. Выпало стрелять Ивану.

Открыли дверь между комнатами, передвинули кресло к книжному шкафу.

Иван отошёл к самой балконной двери, а Евгеша расположился в кресле. Испытывать решили останавливающий луч, потому что терять сознание обоим не хотелось, а "луч бегства" мог привести к прыжку со второго этажа.

- Считай до десяти, потом выключай, - велел Евгеша. Иван сдвинул кнопку и стал опускать луч.

Евгеша попытался представить, что его расстреливают. Ничего не получилось. Даже взрослому человеку трудно представить, что его расстреливает ближайший друг. Игра да и всё.

Луч опустился.

И Евгеша вдруг перестал видеть Ивана. Он перестал видеть комнату. Ни телевизора, ни дивана, ни книжных шкафов. Только пропасти со всех сторон. Чёрное космическое пространство, в котором на кончике иглы стоит его кресло. Одно движение - и он полетит в бездну и будет падать туда вечно. Вместе с креслом.

Плотная тишина давила на уши - не больно, но сильно и неприятно.

- Вставай! - прогремел со всех сторон чей-то знакомый голос. Евгешино сердце забилося ещё сильнее, чем тогда, на заборе, когда вырвался из пасти разъярённого терьера. Только теперь было в миллион, в миллиард, в бесконечность раз страшнее. Там, в бездне - холод, мрак и вечное падение. Без людей. Без дыхания. И без конца.

- Мама! - это сами собой прошептали Евгешины губы. Он понял, что надо сжаться, превратиться в маленькую-маленькую точку, пока кто-нибудь не придёт и не спасёт его отсюда. Но кто и как может прийти в этой чёрной пустоте? Откуда и когда? Отчаяние наполнило Евгешины глаза и потекло по щекам.

Оно было тёплым, но тут же остывало и холодило щёки - это уходила из Евгеша его молодая жизнь, утекало последнее тепло, и когда оно всё выйдет наружу и рассеется в пространстве - тогда конец.

Он начал дрожать от холода и стал медленно, чтобы не нарушить равновесия, подтягивать руки и ноги, чтобы сжаться в точку...

Тут резкий звон грянул со всех сторон, и Евгеша увидел своё отражение в стекле открытой двери: маленький человечек с мокрым лицом, скрюченный в уголке большого кресла.

Над входной дверью заливался звонок, а Ивана нигде не было. Но он появился в ту же секунду со стороны балкона.

- Это мама!

- Где аппарат? - вяло спросил Евгеша,

- На балконе! Когда выйдешь, спусти на верёвочке.

Иван бросился открывать входную дверь.

Мама у него работает в уголовном розыске. Но не гоняется за преступниками и не бросается на них из засады. Они к ней приходят сами. Потому что малолетние. На двери у неё табличка: "Инспекция по делам несовершеннолетних". Она, короче говоря, перевоспитывает малолетних хулиганов.

- Почему так долго не открывал? - сразу, с порога, по-милиейски. - А-а-а, здесь Евгеша! Вот в чём дело! Вы занимались самбо и превысили необходимую самооборону! Слезы, конечно, сами потекли. Ничего, бывает. Как родители? Как там наш больной, дядя Сева Дорошенко?

Всё это она говорила энергичной скороговоркой, пока переобувалась в комнатные тапки, водружала сумку с продуктами на стол и на ходу опоясывала мундир кухонным фартуком.

- Сейчас вас накормлю и побегу.

Евгеша тем временем слез на пол и почти пришёл в себя.

- Евгений, не вздумай удрать! - командовала из кухни капитан тётя Света. - Голодным не отпущу!

- Работает! - прошептал, подкравшись, Иван. - Страшно?

Евгеша молча кивнул.

- Очень?

Евгеша снова кивнул.

- Ты говорить разучился? - испугался Иван.

Евгеша этого не знал и пожал плечами.

- Скажи тогда что-нибудь, - затормошил его Иван.

- Здорово работает, - прошептал Евгеша. - Умереть можно.

- А что с тобой было? - спросил Иван. - Я всего до семи успел досчитать. Потом тебя позвал и сразу выключил. И сразу мама позвонила. Что ты чувствовал?

- Великое одиночество, - сказал Евгеша. - Хуже быть не может. Одно движение - и конец...

- Эй, мужики! - позвала тётя Света. - Помощь нужна!

Они резали колбасу и хлеб, раскладывали всё по тарелкам, доставали сахар, печенье, ложки, вилки и прочее. Евгеша прикасался к каждому предмету с великой радостью, оттого что всё это существовало, и не было вокруг леденящей пустоты и черноты. Потом обедали и обсуждали новый фильм про кота Леопольда. Потом тётя Света сняла фартук, снова превратилась в капитана милиции и позвонила в редакцию. Попросила Юрия Николаевича, выслушала ответ и бросила трубку.

- Иван! Отец, как всегда, на задании. Когда придёт, скажи, чтоб не беспокоился: у меня сегодня рейд.

- Без стрельбы? - спросил Иван.

- Без, - тётя Света засмеялась, переобулась, пожала Евгеше руку, передала всем привет и убежала.

Иван принёс аппарат с балкона, подал Евгеше и упал в кресло.

- Ну-ка, давай теперь меня.

- Может, не надо? - Евгеша вспомнил и содрогнулся.

- А может, мне поплакать захотелось?! - Иван засмеялся. - Давай-давай, а то так нечестно.

Евгеша проверил, заперта ли входная дверь, вернулся к балконной двери и навёл на друга ЛУСТ.

Мгновенно глаза Ивана наполнила пустота, они стали расширяться, потом зажмурились, и он сжался в комок.

Не досчитав и до семи, Евгеша выключил аппарат. Он стоял неподвижно и смотрел. Иван не двигался тоже. Он всё так же был сжат и напряжён, как испуганный котёнок.

Евгеша неслышно подошёл и подул ему в лицо. Иван блаженно улыбнулся и стал расслабляться. Раскрыл наконец глаза и тихо сказал:

- Вот это да-а-а!

- Что видел? - спросил Евгеша.

- Огонь! Со всех сторон огонь, а откуда взялся - не понять. И где я - тоже не разберёшь. Огонь наступает, бежать некуда... А потом вдруг всё исчезло и в лицо - холодный ветерок.

- Это я подул, - сказал Евгеша.

- Спасибо, - сказал Иван. - До сколько считал?
- До шести.
- Если б до десяти, я бы, наверно, сгорел.
- А я бы замёрз, - сказал Евгеша.
- Надо бы испытать на дальность, - сказал Иван. - Но ещё лучше - положи его на место... Жуткая штука.
- Твоей бы маме такую, - сказал Евгеша. - Все хулиганы были бы как шёлковые.

Визит мести.

Поскольку баллон с газом ещё не привезли, Иван не мог проводить друга даже до троллейбуса. Кстати, не нашлось и денег на проезд, кроме той единственной копейки, которой они испытывали судьбу.

- Суета, - сказал Иван. - Привыкать, что ли, зайцем ездить.

Евгеша кивнул, чтобы его успокоить, но сам подумал, что с ЛУСТом даже этот риск нельзя допустить. Вдруг попадётся такой контролёр, что потащит в контору, начнёт выяснять твою личность, а то ещё вздумает обыскать, нет ли денег на штраф. Тогда поневоле применяй лучи страха, наваливай горы человеческих тел...

Нет уж, додумал Евгеша, минув троллейбусную остановку. Надо возвращаться пешком той же дорогой... Ах, забыл взять у Ивана газетку! Ну, не беда. При нужде выхватим из кармана - кто там что поймёт...

Ему всё ещё хотелось отомстить хищному Тузику за унижение, особенно за издевательское подмигивание. Ишь, ведь сам всё понимает!.. И тут же становилось заранее жалко бедного терьера. Может быть, если так умён, он выйдет к Евгеше мириться, а Евгеша его - лучом...

Однако была и ещё одна мысль, которую Евгеша старался не замечать за всеми прочими, но которая всё время выглядывала и коварно усмеялась. Она имела вид той самой десятиклассницы, красивой и очень чужой. Она держалась незаметно, но стоило Евгеше всмотреться в её лицо, и остальных мыслей сразу не стало. А ЭТА, усмехаясь доверительно, сказала: "Ты мог бы пойти по другим улицам. Но разве не интересно узнать, что это за такая девчонка, которой все мальчишки стараются подарить цветы?" "Суета, - возразил Евгеша. - Девчонка меня не интересует". "Нет, интересует! - Коварная Мысль улыбнулась обворожительно. - И ты будешь взрослым, и она будет, как я. Готовиться к этому надо уже сейчас". "Суета! - повторил Евгеша. - Я пойду по другой улице". "Уже пришли! - Коварная Мысль засмеялась и пропала.

Евгеша только теперь обнаружил свою ошибку. Он позволил себе задуматься, и опять его застали врасплох. Опять на том же месте, но не Тузик, а четверо таких же, как Евгеша, местных жителей. "Они стояли молча в ряд", - Евгеша вспомнил песню любимого поэта. Крайний справа - рыжий, крайний слева - стриженный под машинку, а двое в середине - на одно лицо, но с разным цветом волос: блондин и брюнет. "Со мною нож. Решил я: "Что ж, меня так просто не возьмёшь..." Было достаточно времени, чтобы выхватить ЛУСТ и ударить первым...

Но ноги сами повернули к калитке левая рука повернула кольцо, звякнула щеколда с той стороны, и калитка открылась. Это, безусловно, была проделка Коварной Мысли. Под изумлённые восклицания ошеломлённых противников Евгеша уверенно вошёл на мощённый кирпичом двор и захлопнул калитку.

Правая рука сжимала в кармане ЛУСТ, ноги были готовы к бою, глаза видели всё, но Коварная Мысль невидимо и нежно шептала:

"Не бойся, ничего не будет".

И выбежал добродушнейший терьер, и дружески подмигнул, и взбежал на крыльцо, и заскрёбся, и залаял весело под дверь. И вышла на крыльцо спокойная девчонка в светлом платье, со светлыми волосами и светлыми глазами. Вся какая-то светлая и ростом с Евгешу - ничего он больше разглядеть не смог. Она спустилась с крыльца, и он не видел, во что она обута, потому что смотрел в глаза и кроме глаз уже совсем ничего не видел. И она смотрела только в глаза и, подойдя, сказала:

- Привет.

- Привет, - сказал Евгеша.

- Ты ко мне?

Евгеша кивнул. Он чувствовал, что всеми его действиями управляет Коварная Мысль, но не убежать же было со двора.

- Заходи.

Она качнула головой в сторону крыльца, и Евгеша вслед за ней вошёл в дом. Он никогда не бывал в частных бревенчатых домах, но не мог даже соскочить в сторону глаза. Он и с девчонкой наедине оказался впервые, и почему-то это было стыдно, и мерещилось, будто отовсюду подглядывают. Из-за этой неловкости хотелось говорить грубости.

- Садись.

Он сел куда-то.

- Жарко. Квасу хочешь?

Он хотел отказаться, но кивнул.

Она достала две чашки, взяла с подоконника тяжёлую банку, накрытую марлей, и прямо через марлю стала наливать.

- У нас квас-самопал.

- Моя мама тоже делает сама.

- Попробуй, у кого лучше.

Он выпил и сказал, что одинаково.

Она чему-то засмеялась, потом сказала:

- Давай знакомиться. Аля.

И протянула руку.

Он никогда не пожимал девчонкам рук, только отражал удары, когда они лезли драться.

Он взял её ладонь в свою. Это было стыдно, но здорово. А рука у неё была крепкая и всё же ласковая. Эти новые чувства сбили Евгешу с толку, и он забыл назваться.

- Как же тебя зовут? - Аля потрясла его руку и засмеялась. У неё был красивый смех. У неё была красивая рука. У неё были бархатные серые глаза. Евгеша вдруг понял, на что похоже происходящее. Коварная Мысль поместила его с девчонкой под стеклянный колпак и любитесь своим злодейством. Но бежать всё равно некуда, и надо жить дальше.

- Женя, - сказал он.

Она мягко выпустила его руку, и он почувствовал от этого облегчение и потерю.

- Евгеша, - сказала она. - Как в сказке.

- В какой? - спросил Евгеша, хотя сразу всё понял.

- Про Пегасика. Неужели не читал?

Она вскочила и мигом принесла голубую книжку.

- Я знаю, - сказал Евгеша. - Это папин друг написал.

- Так это про тебя?

Евгеша кивнул.

- Вот так ну! - сказала Аля. - А мне что-то такое сразу показалось, когда ты первый раз кивнул.

Евгеша молчал и смущался всё больше. Он жалел, что похвастался, потому что не он же написал эту сказку. Ещё он злился, что надел эти нелюбимые шерстяные брюки. Он не знал, как прикрыть руками оттопыренный ЛУСТом карман. И стеклянный колпак всё ещё мерещился ему. Девчонке, конечно, легче: у себя дома всегда интересно поразглядывать живую диковинку. Он стал бояться, что она начнёт задавать глупые вопросы, а он начнёт грубить, как грубил девчонкам в классе. И он приготовился сдерживать свою грубость всеми силами. Но Аля сказала:

- Как всё здорово... Только тебя, наверно, все замучили вопросами? Да?

Он смущённо улыбнулся и кивнул.

- И мне очень хочется, - сказала Аля, - но я ничего не буду спрашивать. Когда сам захочешь, тогда что-нибудь сам расскажешь, ладно? Потом-потом, не скоро, ладно?

"Ничего себе! - подумал Евгеша, кивая. - Вот это да!"

- Только не говори, что в этой сказке всё неправда, - сказала Аля. - Звери нас понимают. Вот смотри!

- Она открыла дверь и впустила Тузика, который вежливо ждал на крыльце. - Тузилочка, ты ведь меня понимаешь?

Пёс кивнул хозяйке и подмигнул Евгеше.

- И воробьев, и кошек понимаешь?

Пёс опять кивнул и посмотрел на Евгешу умно и серьёзно.

- Посмотри, - попросила Аля, - что там делают ухажёры?

Тузик перебежал к окну, которое выходило в палисадник, вспрыгнул на стул, поставил передние лапы на подоконник и выглянул. За черёмуховыми ветками на улице угадывалось движение четырёх голов - рыжей, белой, чёрной и стриженной. Тузилочка по-львиному заревел, отбежал к дальней от входа стене, с разгону прыгнул на тяжёлую дверь, и она распахнулась. Его рёв достиг калитки, раздался топот, и на соседнем заборе замаячили четыре фигуры, а из огорода к ним заспешила старушка с тяпкой.

Тузила с победным видом вернулся, мотнул хозяйке головой, чтобы закрыла дверь, и подошёл к Евгеше, глядя в глаза и виляя хвостом - впрочем, вполне независимо. Евгеша понял и погладил его по голове. Пёс удовлетворённо что-то проворчал и отошёл, чтобы лечь на коврик.

- Они теперь уйдут? - спросила Аля. Пёс, не поднимая головы, моргнул обоими глазами. Евгеша почувствовал, что пора заканчивать визит. Он встал, и Аля тут же сказала:

- Тебе пора?

Евгеша кивнул. Она спросила:

- Когда придёшь?

- А ты когда бываешь? - спросил Евгеша.

- Весь день и всё лето. Никуда не едем. На мне огород, куры, дом и обед. Мама с папой в институте. Очень заняты всегда. Расту, как сорняк.

И замечательно засмеялась.

- Я приду, - сказал Евгеша. - Может, тебе какую-нибудь книжку?

- А у тебя есть фантастика? Или что-нибудь по истории?

Евгеша кивнул. Он сказал:

- У меня есть про чайку по имени Джонатан Ливингстон. Хочешь?

Аля улыбнулась и кивнула.

- Тузила, проводи Евгешу маленько.

- Да я не боюсь, - сказал Евгеша.

- На всякий случай, - сказала Аля твердо и протянула руку. И напомнила: - Я всегда дома.

Опасная встреча.

Улица была пуста, но тузик проводил гостя до ближайшего угла и только тогда, подмигнув, отправился домой.

Евгеша не спеша пошёл дальше один. Не то чтобы он совсем перестал бояться Алиных ухажёров, он просто о них забыл.

"Вот ты и влюбился по-настоящему", - шептала Коварная Мысль. "Суета", - возражал Евгеша, но без всякой уверенности. Честно говоря, он до этого влюблялся дважды. Первый раз - в первом классе. В Люсю Гордееву. Нежное имя, гордая фамилия, ямочки на щеках. Рисовал для неё картинки и подписывал их глупыми уличными стихами: "Под деревом банана сидели два болвана..." и тому подобное. Хорошо, что ни одной из этих бумажек не подарил, а потом все уничтожил - целых полдня резал ножницами на мелкие кусочки. Люся оказалась беспросветной душой. В третьем классе, когда все прочитали эту проклятую голубую книгу про ожившую деревянную безделушку, Люся задразнила Евгешу Пегасиком, и он её возненавидел.

Вторично он влюбился год назад. В ту самую десятиклассницу, на которую похожа его Коварная Мысль. Издали любовался её фигурой, даже снилось, что прикасается, хотя наяву не решился бы на такое ни за что. Его очень волновала её походка и как вся она при этом колыхалась и подрагивала, но за все эти движения он считал её развратной и распутной, хотя до конца и не представлял, что эти звучные слова обозначают. А тот худой десятиклассник, с которым она не стеснялась ходить по улице в обнимку, представлялся Евгеше растленным типом, и было странно, что вблизи он не издаёт дурного запаха, обязательного для растленных типов. Евгеша возненавидел обоих, но не мог оторвать глаз от развратной и распутной красавицы с растленным именем Милиза... Весной очень кстати она сдала выпускные экзамены и покинула школу навсегда. Только совсем некстати стала являться в виде Коварной Мысли и развращать Евгешу откровенными разговорами о запретных вещах. В ночь, когда заболел дядя Сева, даже приснилась, притом в совершенно непотребном виде...

"Да ты не бойся, - шептала она теперь спотыкающемуся Евгеше. - Эта девчонка тебе как раз, не то что я".

Евгеша остановился и замотал головой: "Отвяжись ты, ну чего тебе?"

"Ты красивый!" - сказала она жарко, сделала большие глаза, отвернулась, махнув волосами, как хвостом, и пропала.

Ф-фу, подумал Евгеша. Нельзя быть одному. Всякая дрянь лезет в голову.

Он огляделся и увидел себя уже у речки. Не заметил, как дошел, потому что с Коварной беседовал.

Перебежал Ушайку по камням и, размышляя о книгах, которые могут быть интересны такой умнице, как Аля, углубился в Михайловскую рощу.

И опять его застали врасплох.

Оказалось, четыре ухажёра не стали напрасно рисковать в своем районе, а пришли в чужую рощу и засели в кустах. Отмахиваясь ветками от комаров, они слегка просмотрели Евгешу и выскочили из засады, когда он уже прошел мимо. Злые и свежие, они с самого начала имели преимущество в скорости.

Как всегда бывает в подобных случаях, Евгеша сначала бросился наутёк, а уж потом начал обдумывать план боя.

Не то чтобы он устал, ни тем более испугался, а просто по науке древних спартанцев одного противника следовало победить, на двух - нападать, от трех - защищаться, а от четырех - бежать. Притом, по науке древних фракийцев, бежать надлежало так, чтобы растянуть их в цепочку и затем победить по одному. От папы Евгеша уже перенял некоторые приемы рукопашного боя, вдобавок целый год отзанимался в секции бокса и, в общем, был готов применить науку древних. Но, во-первых, ЛУСТ порядочно мешал бежать, а во-вторых, нельзя было подвергать бесценный прибор ни малейшему риску.

Если хоть один противник окажется равным или хотя бы подвернётся нога, Евгешу сомнут и, конечно, обшарят карманы. Если же действовать наверняка и свалить их ЛУСТом, пока позволяет расстояние, то это могло бы иметь такие последствия, о которых не подозревает и сам дядя Сева. Обморок на себе не испытан. А вдруг он смертелен - ну, хоть для одного? А паническое бегство - чем закончится оно? Свёрнутыми на кручах шеями? Или гибелью под машиной - вон оно, шоссе, гудит совсем рядом. Простой же "стоп" может ничего не дать. Они не поймут, откуда страх, отпустят на двести метров и поплетутся следом, до самого дома. А что дальше? В любом случае - неприятности для дяди Севы. Заявят в милицию, та дороеется до великого учёного - ничего себе развлечение при его здоровье...

Успев за десяток шагов исследовать все варианты обороны, Евгеша выбрал самый героический, но с оговорками. Точнее, с дополнительной хитростью. Одоле л подъём раньше налётчиков, во всю мочь разогнался по поляне, выиграл еще с пяток метров и в подходящее время достиг поворота тропинки. На несколько секунд его скрывали кусты, а среди кустов имелся боковой спуск в овраг, совсем в обратную сторону от дома, но это и было нужно. Если потеряют из виду - хорошо, а заметят - тогда он им покажет, что такое кросс по Михайловской роще с боями местного значения...

Евгеша нырнул за поворотом в кусты, мгновенно выхватил ЛУСТ, сунул его в незаметное место под корни лопухов и с лёгкой душой помчался вниз по оврагу, заботясь теперь только о том, чтобы не наступить на бутылку или банку, ибо соседи рощи жители частного сектора не постеснялись устроить в овраге свалку. Он слышал, как стая загонщиков проскочила поворот, загалдела, потеряв след, и вдруг, увидев его белую футболку, обрушилась в овраг.

Не беда, размышлял на бегу Евгеша, вы опоздали, господа пираты.

Он знал внизу узкую тропинку по обрыву вверх. Там один воин может удержать целую армию. Он достиг этой тропинки, но тут же понял, что недооценил противника. Только трое гнались следом. Четвёртый, рыжий, побежал в обход, по краю оврага. Он, наверно, тоже знал о тропинке и надеялся налететь на Евгешу сверху. Ладно же! Трое в овраге растянулись, их можно будет сбросить с перевала, как сказал любимый поэт. Только не посреди тропы, а на самом верху, чтобы не проглядеть четвёртого.

Евгеша приостановился наверху, но и погоня сразу пустила корни. Трое трусливых гуронов ждали своего рыжего героя. Евгеша понял, что античная боевая тактика у него не пройдёт: противники тоже читали "Спартака". Тогда он бросился навстречу рыжему, надеясь хоть ему врезать как следует один на один. Но рыжий тоже не был героем: он укрылся за берёзой до подхода основных сил. Евгеша решил больше не искать выходов и бросился за троих. Они расступились и взяли его в кольцо. Началась свалка. Точнее - карусель. Евгеша знал, что больше получит, чем раздаст, но он вырос при заводе и повидал разные драки. Он улыбался, как это принято в морской пехоте, и радовался, что ещё не упал, что на нём такие крепкие ботинки и что ЛУСТ ему удалось спасти.

Уже у всех бойцов были синяки, уже Евгешу оттеснили к самому краю оврага, намереваясь спустить его туда и этим окончить расправу, как вдруг неслышанной силы свист заставил всех на секунду замереть, и в эту секунду на них налетел невысокий крепыш, который что-то выкрикивал хриплым голосом и молотил кулаками с быстротой вентилятора.

В хриплых выкриках Евгеша различил: "Давай, Малюхин!", из чего следовало, что нападает свой. Евгеша, разумеется, дал, и ошеломлённые южане были быстро и с позором сброшены в овраг, по которому и двинулись вниз, к Ушайке, обещая хозяевам рощи всяческую месть.

Когда остались вдвоём, Евгеша окончательно разглядел, что перед ним - Пенёк. Легендарная личность: бывший отличник, а теперь дважды второгодник, шестиклассник в пятнадцать лет и первый в школе драчун, особенно враг тех, кто хорошо учится.

- Благодарю, - сказал Евгеша сдержанно. Он сказал это самым независимым тоном, потому что учился прилично и вполне мог быть у Пенька на примете как кандидат в отличники. Двоечники всех классов охотно служили Пеньку агентами, и на Евгешу, конечно, тоже был донос.

- Не ожидал, - ответил Пенёк. - Достоин держишься.

- А почему я не должен держаться? - Евгеша пожал плечами и потрогал ссадину на кулаке.

- Отличники такими не бывают.

- А я не отличник.

- Но тянешь.

- Ну и что? - спросил Евгеша с вызовом. - Мне интересно, я и учусь.

Пенёк не стал спорить. Он огляделся и спросил:

- Тебе куда?

Евгеша подумал, что не надо ему ничего знать о ЛУСТе, что надо с ним расстаться как-нибудь поприличнее, тогда забрать аппарат из лопухов да бежать попроворнее домой. Он сказал:

- Спустишь к ручью, помоюсь, тогда, наверно, домой...

- Да пойдём ко мне! - Пенёк говорил с явной симпатией. - Я тут рядом, за дорогой. Почистим тебе перышки.

Евгеша знал эти две короткие улочки частных домов, зажатые между автотрассой, гаражным кооперативом и девятиэтажными общежитиями строительного института. Папа говорил, что через несколько лет их снесут и проложат там трамвайную линию, которая напрямую, через Ушайку, соединит Северный район с Южным и, может быть, помирят пацанву.

Идти к Пеньку предстояло мимо заветных лопухов, и Евгеша, надеясь забрать аппарат незаметно, согласился.

У начала оврага он присел, будто бы поправляя ботинок, и сумел извлечь из тайника ЛУСТ. Сунув его в карман, Евгеша совсем успокоился и готов был безмятежно осмотреть второе за день частное домовладение.

Катастрофа.

Они постояли у дороги, пережидая транспорт. Машины шли в обе стороны непрерывными дымящими потоками. Что-то бубнили огромные вараны-"Ураганы", звенели чем-то в моторах "Москвичи", свистели и взрыкивали жёлтые "Кировцы", нервничали "Волги" - такси, пытаясь в этой тесноте хоть кого-нибудь обогнать.

- Дыш-ш-шать нечем, параз-з-зиты, - процедил Пенёк. - Пом-м-мойка!..

Коварная Мысль Милиза, давно наблюдавшая за Евгешей молча, а в бою - ещё и одобрительно, тут же прошептала: "Ж-ж-жахнуть бы по ним из ЛУСТа!" Евгеша представил и ужаснулся. "А ничего, - продолжала Милиза беспечно, - в суматохе никто бы не заметил". Евгешины пальцы в кармане трогали грозную кнопчку, и ЛУСТ, как будто сам собой, тихонько пополз кверху, к выходу, к свободе. "Руки впереди головы!" Кто это сказал? Не Милиза же! Нет, Милиза была рядом и ждала, улыбаясь дружески. А сказано это было голосом Али. Вот так ну, подумал Евгеша. И Милиза ответила: "Да, это занятно". Головой качнула и удалилась. Евгеша напряг воображение и уже совсем было увидел Алю, но тут Пенёк толкнул его в ботинок:

- Пошли!

Поток машин, который полз наверх, остановился, а во встречном образовался разрыв. Пенёк с Евгешей перебежали дорогу и двинулись по тихой зелёной улице, толкаемые в спину гулом моторов.

- Ненавижу их! - сказал Пенёк.

- Зато теперь никто отсюда не носит мусор в рошу.

- Носят, гады, - Пенёк зло оскалился. - По ночам машин мало.

Он разговаривал взросло. Не так, как надо в его возрасте. Евгеша подумал, что, наверно, таким взрослым был Гаврош, французский герой.

- Уютно живём? - Пенёк имел в виду свою улицу. Евгеша оглядел зелёные дворы, цветущие палисадники и кивнул. Потом спросил:

- А как тебя зовут?

- Пенёк.

- По-настоящему?

- А по-настоящему - Игнат Николаевич Эвкалиптов. Так что я хоть и Пенёк, зато от очень высокого дерева.

- Это пройдёт, - утешил Евгеша.

- Я знаю, - Игнат уверенно улыбнулся. - Через год начну расти. Я чувствую.

Подошли к последнему дому. Дальше был пустырь, а на нём - длинные ряды кооперативных гаражей.

- Видал? - Игнат кивнул на гаражи. - Росла черёмуха, теперь только вонь от их бензина, я их подожду.

Вошли в калитку последнего дома. Небольшой двор под навесом был чист, у самодельного верстака стоял велосипед. В маленьком огороде Евгеша разглядел ухоженные грядки с морковкой и луком, а дальше росла хорошо окученная картошка. Там же, совсем рядом с домом, был колодец - с крышкой, с блестящей рукояткой, с ведром на цепи. От колодца в глубину огорода тянулся жёлоб из досок, а на дальнем его конце - бочка.

Игнат налил колодезной воды в умывальник, принёс из дома полотенце, а когда Евгеша отмылся и отчистился, он уже заваривал на кухне чай - сыпал из зелёной пачки, добавлял щепотку сушёной травы и накрывал чайник небольшой дощечкой, коричневой от постоянного употребления. Про дощечку объяснил:

- Это тоже для запаха. Получается чисто таёжный букет: мята, душица, смородина, кипрей, белоголовник и кедровая смола - она в смеси с чайным духом - уникальна! Понюхай.

Он снял дощечку с чайника, и Евгеша мог оценить, что да, букет.

Пока заварка зрела под дощечкой, Игнат показал Евгеше свою комнату.

Едва шагнув через порог, Евгеша ощутил робость. Это никак не было похоже на комнату лентяя, хулигана и дважды второгодника. Это было даже больше, чем комната отличника. Две стены до потолка занимали книжные полки. Названия книг почти сплошь незнакомые. Между полками у окна стоял

самодельный письменный стол, который мог быстро превращаться в верстак. Об этом свидетельствовали следы разных инструментов на толстой столешнице, а также прикрученные к ней сбоку тиски, самодельный переплётный пресс, блеск металла в полувыдвинутом ящике и множество других признаков, известных Евгеше по отцовскому верстаку. Дальний угол комнаты занимала боксёрская груша, под ней на резиновом коврике лежали тяжёлые разборные гантели, над ней перекрывала угол труба-поручень от троллейбуса - явно турник, и там же была повешена на гвоздь массивная доска со следами ножа - хозяин упражнялся в метании.

Но особенно бросалась в глаза свободная стена над самодельным топчаном. Её сплошь покрывали фотографии, вырезанные из журналов и газет. Они были очень разные и НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД никакой связи друг с другом не имели.

Евгеша бывал в разных квартирах и видывал различные наборы картинок на стенах. Букеты мускулистых тел, женских или мужских красивых лиц, выставки автомобилей, целые зверинцы. Иван, например, собирал всё о самолётах, хотя из-за наследственно малого роста мог не пройти в пилоты...

Евгеша подошёл к Игнатову топчану и стал размышлять над картинками, пытаясь найти между ними единство. Игнат сделал вид, что работает по груше, но искоса подглядывал за гостем.

Центр композиции на удивительной стене отсутствовал. Самой большой была пейзажная фотография с редкостно многоцветным небом. Подпись под ней гласила: "Красоту неба создаёт пыль". Тут же рядом были реактивные самолёты, карьерные самосвалы, нефтяные вышки, ядерный взрыв, ударный крейсер, какая-то грязная птица на берегу моря, горящая свалка, плотина гидростанции, вездеход в тундре, горелый лес, ветряная мельница, худой печальный рыцарь на высоком костлявом коне, старт космического корабля, школьники за партами, лесоповал, учёные с какими-то приборами, цветущее поле кипрея с несколькими не розовыми, а белыми кистями цветов, нерпа с пластмассовым кольцом вместо намордника, рыболовные сейнеры в песчаной пустыне без признаков воды и ещё множество и множество разного. Над всем этим одиноко висел портрет седого длинноволосого старика с большими выпуклыми глазами и высунутым языком. Это было странно, но старик чем-то объединял все картинки. Об ЭТОМ Евгеша и размышлял, пока не услышал голос Игната:

- Ну, чай, пожалуй, готов.

Игнат наливал бледножёлтую заварку и объяснял, что в жару лучше всего пить зелёный чай. А сам поглядывал на Евгешу, будто чего-то ждал. Но Евгеша не знал, что сказать, и пил молча.

- Как чай? - спросил Игнат.

- Очень душистый.

- А как тебе моя галерея?

- Какая?

- Над топчаном.

- А почему галерея? Это же не картины...

- Это победы, - сказал Игнат. - "Галерея побед".

- Каких побед?

- Ты пей. И печеньё пробуй, папка делал. У меня такое не получается... Каких побед? наших, человеческих. Над природой.

И Евгеша сразу понял. И вспомнил вслух слова, которые каждый день слышал по радио и отовсюду:

- "Мы слишком увлеклись покорением природы".

- Мы?! - вот тут Игнат и взвился. Он забежал перед Евгешей, ударяя по всем предметам, которых не мог разрушить его кулак.

- Мы с тобой?! - Удар по дверному косяку. - И наши родители тоже? - Удар по подоконнику. - Кто твои родители? - Удар по двери. - Ах, да, я в книжке читал. Отец твой - резчик по дереву. - Удар по табуретке. - А мать? - Ещё удар по табуретке.

- Она русский язык преподаёт. В заводской школе.

- Ага! Значит, это она "слишком увлеклась покорением природы"?! - Удар по двери. - Или мой папка? - Удар по табуретке. - Он грузчик на хлебозаводе. - Удар по табуретке. - Наверно, это моя мамка: она была пьяница и пропала пять лет назад! - Страшный удар по подоконнику, упало блюдо, но Игнат его поймал. - Не-ет! Ты мне точно покажи, КТО ИМЕННО увлёкся покорением природы! Ты только покажи, а уж я с ним поговорю!

Игнат сел.

- Все люди, - сказал Евгеша неуверенно.

- Опять нет! - рявкнул Игнат. - Все - это значит НИКТО! И запретить некому, и наказать некого. - Он впился в табуретку пальцами, а в Евгешу - бешеными глазами. - Пусть КАЖДЫЙ ответит за СВОИ дела! И никаких поблажек! Сейчас так: если больше прибыли, чем убытка, значит - всё можно. А ведь нельзя! Ни малейшего вреда нельзя! МОЖНО - ТОЛЬКО ПОЛЬЗУ! А если есть хоть какой-то вред, то и пользы не надо! Согласен?

Евгеша кивнул и тут же спросил:

- А кто всё это сделает?

Игнат опустил голову и долго молчал. Потом вздохнул:

- Не знаю. Пока не придумал... Ругать, конечно, легче... Но если бы знал, уже бы сам начал!

Посидели молча. Евгеша размышлял о какой-нибудь хитрой машине, которая с детства обучала бы людей не творить никакого вреда.

Или построить огромные ЛУСТы, чтобы через них внушать всем людям: только польза, только польза... Он как раз вспомнил, что во время испытания слышал сквозь страх громовой голос Ивана: "Вставай!"

- Вообще-то, - сказал Игнат задумчиво, - одна идея у меня есть. Даже две. Только не знаю, как их выполнить... Вот смотри. От чего все беды? От того, что человек почувствовал себя слишком могучим. Горы сворачивать, реки поворачивать... Был слаб - было меньше вреда. А стал силен - ума не надо. Значит, если сделать человека опять слабым, у него ума прибавится. Научится думать.

- А как же сделаешь?

- Это самое трудное, - Игнат вздохнул. - В чём сила человека?

- В знании, - ответил Евгеша без запинки.

- Вот! Значит, надо знаний поубавить. Я, как это понял, так и перестал учиться.

- Зачем тогда столько книг? Или это не твои?

- Мои. Мне папка на книги денег не жалел. Но я тогда всё и понял, когда все эти книги прочёл! Вот психология - по всем разделам, особенно социальная. Экология. Библия. Свод законов. Конституции разных стран... Я очень быстро читаю. Чем быстрее читаю, тем лучше запоминаю.

- Так что же, - спросил Евгеша, - никому не учиться?

- Именно! - Игнат кивнул целых три раза. - Но не только. Не производить машин и не делать открытий, пока наш ум не догонит наши знания.

Евгеша не понял. Он всю жизнь был уверен: чем больше знаний, тем человек умнее.

- Ничего подобного! - вскричал Игнат. - Неграмотный крестьянин берёт своё поле, давал ему отдыхать, по ветру не пускал, а пришли очень грамотные начальники, которые распылили весь российский чернозём и казахстанские степи. Можешь мне верить, я изучал вопрос.

Он говорил языком академиков. Спорить Евгеша был не в силах, но и согласиться не мог.

- Что же, - сказал он, - надо, по-твоему, всех учёных...

- Да! - подхватил Игнат. - Именно всех!

Конечно, подумал Евгеша, изобретения дяди Севы получились военные, но он же не виноват. Если бы не было армии, никто бы и не подумал делать пушку с шаровыми молниями. И он сказал:

- Ты неправ. Я знаю одного учёного. Он ни в чём не виноват. Он из-за этого даже попал в больницу.

- Из-за чего? - Игнат сощурился так презрительно, что у Евгеша даже нога зачесалась под ЛУСТом.

- Да он сделал такие изобретения, что природе только польза!

Евгеша рассказал о генераторе шаровых молний, которому из-за чьей-то злой воли надо стать пушкой, о сверхконденсаторе, из которого чуть не сделали мину, о маленьком-маленьком аккумуляторе... И осёкся, чтобы не рассказывать о ЛУСТе.

- Вот видишь, - Игнат возражал невозмутимо. - Что бы ни изобрёл порядочный учёный, всегда найдутся неумные люди и всё испортят. Лучше уж пускай все будут неучёными, чем дураками.

- Куда же дураки денутся? - не понял Евгеша.

- А никуда, - Игнат усмехнулся мудро и презрительно. - Когда некем станет командовать, дураки должны будут работать руками, чтобы не умереть с голоду. Вот тогда умные и начнут потихоньку, с самого начала, не покоряя природу, развивать культурное хозяйство.

- А как же кино?

- Господи, кто о чём, - Игнат покачал головой. - Тут планета гибнет, а ему - кино. Да оно сейчас - как наркотик! Природа рушится, а вы запрётесь в подземном бункере и будете кино смотреть. Бороться надо! Планету спасать! А восстановим природу, тогда можно и кино, и что хотите...

Вдруг Евгеша услышал горячий шёпот Милизы: "Теперь я поняла, для чего нужен ЛУСТ! Если всем умным вооружиться ЛУСТАми, то дураков можно отовсюду - вон!" Евгеша почувствовал, как рука его спокойно и уверенно извлекает из кармана прибор и кладёт его на стол.

- Что это? - спросил Игнат спокойно.

И Евгеша услышал собственный голос, который подробно рассказывал о "лучах страха", о возможностях ЛУСТА, об испытании на себе...

- Во-о-о! - сказал Игнат. - Неужто?

- Что, не веришь?

Игнат яростно думал, аж раскачивался и водил взглядом из стороны в сторону, будто косил врагов из пулемёта. Потом вскочил, схватил со стола прибор и приказал:

- Пошли!

Они вышли в сени, и Евгеша увидел лестницу на чердак.

- Пошли! - повторил Игнат, и они оказались на чердаке. В глухую стенку фронтона было совсем недавно врезано небольшое окошко. Ещё не потемнели срезы досок, ещё не сдуло опилки, ещё не было вставлено стекло. Сюда и устремился Игнат.

- Для голубей? - спросил Евгеша.

- Ещё этой грязи не хватало, - буркнул Игнат, примеривая ЛУСТ к подоконнику. - Для винтовки! Смотри! - Он кивнул в окно. Сквозь ветки черёмухи целиком были видны гаражи.

- Хотел сделать пневматическое ружьё, - объяснил Игнат. - Стрелял бы им гвоздями по колёсам. Но теперь...

Евгеша начинал понимать. До гаражей не было и ста метров. Игнат наклонился к оставленному у стенки ящику с инструментами, извлёк молоток и большой гвоздь. Отметил по толщине ЛУСТА и, не выпуская прибора из рук, забил гвоздь в подоконник, загнул его к боковой доске, и получилось гнездо, куда излучатель ужаса надёжно вставлялся.

- А теперь... - Игнат сноровисто установил нужную ему ширину луча, включил аппарат на паническое бегство и вставил в гнездо.

- Пусть отдохнут! Сто машин не пустим сегодня в лес. - Он хлопнул Евгешу по плечу. - Вот и польза от учёного! А там ещё что-нибудь придумаем. Смотри!

Из проезда между гаражами выбежали солидные мужчина и женщина, оба в брезентовых костюмах и ярких цветастых кепочках.

- За грибами пешком надо ходить, - сказал Игнат сурово. Синяя "Нива" пытавшаяся подъехать к гаражам, остановилась, будто налетела на стену, энергично развернулась и умчалась, как на пожар.

- А если это вредно? - сказал Евгеша.

- Побежали! - Игнат схватил его под руку. - Проверим на себе! Ты же на себе только "столбняк" проверял?

Евгеша спустился по лестнице первым и увидел, что Игнат запирает чердак на крепкий висячий замок:

- Для сохранности! Побежали!

Они бегом обогнули зону облучения и двинулись к гаражам со стороны общежитий. В десятке метров от цели Игнат остановился:

- Чувствуешь?.. Уже есть...

Да, Евгеша чувствовал неприятное беспокойство. Ещё через три шага остро захотелось вернуться.

- Вернёмся, - предложил Игнат. А когда отошли в безопасное пространство, вдруг велел: - Давай пробежим!

И бросился вперёд. Евгеша последовал за ним.

Сначала он наблюдал за клетчатой рубашкой Игната, но уже через десяток шагов обо всём забыл, потому что начал спасаться.

До этого рывка Евгеша ожидал, что будут мерещиться бешеные собаки или что-либо в этом роде, а оказалось совсем непонятно: вдруг отовсюду, НЕЗРИМО, на него уставились сотни кровожадных глаз. Он не видел их, а только чувствовал взгляды. Со всех сторон, даже сверху!

Когда ноги вынесли его к общежитиям, Игнат был уже там.

- Ну? - спросил он, отдуваясь. - Что видел?

- Ничего. Меня видели.

- Точно! Страшные взгляды со всех сторон.

- А чьи - непонятно.

- Точно. Пошли отсюда.

Когда вернулись в дом, Игнат спросил:

- Как себя чувствуешь?

- Нормально.

- Ну, вот и всё! Пускай до зимы отдохнут.

- До зимы? - Евгеша вдруг понял, что у него отобрали ЛУСТ. Заперли под замок и до зимы не отдадут. А там хитрый Пенёк придумает что-нибудь ещё! Он сказал твердо: - Так нельзя. Аппарат надо положить на место.

- Чтобы от него не было никакой пользы? - Игнат, конечно, давно приготовил такой ответ. - А потом в сейф - и конец? Зачем было делать?

- Не мы делали, не нам и распоряжаться, - возразил Евгеша.

- О нет, ты неправ, - Игнат опять поставил чайник на огонь. - Любой поэт, композитор, изобретатель теряет власть над своим произведением, как только оно попадает к людям. Ведь когда все поют песню - разве отберешь? Или - ты изобрёл колесо: все начнут пользоваться, сколько ни запрещай!

Евгеша чувствовал, что Игнат тоже в чём-то неправ, хотя и говорит верно. Не хватало слов, пришлось подумать и, когда Пенёк уже торжествовал победу, Евгеша заявил:

- Срисуй устройство, сам себе сделай и пользуйся, а это отдай: ЧУЖАЯ вещь!

Но и к этому был готов Игнат!

- Но ты ведь взял чужую вещь! Почему нельзя мне? Притом, тебе она - для баловства, а мне - для дела. Для полезного дела!

- Ничего себе - полезного! - Евгеша знал, что ключа ему не отнять, и со стыдом чувствовал, как глаза наполняются слезами.

- Людям, может быть, не только в лес! В аэропорт успеть, больному помочь...

- Есть такси и "скорая помощь".

- А если у кого-нибудь от страха сделается инфаркт?

- Возле гаражей-то? Не сделается. Мы ж там были. Там всё постепенно, по-божески.

- А если у дяди Севы будет из-за нас второй инфаркт?

Вот когда Пенёк задумался! Всё-таки он был порядочным человеком. Думал основательно, и лицо его хмурилось заботой.

- Та-ак, - сказал он наконец. - Второй инфаркт - это почти верная смерть. Такой цены нам не надо...

Евгеша решительно кивнул.

- Вот что сделаем, - продолжал Игнат. - Нельзя, чтобы аппарат пропал совсем бесславно. Согласен? Евгеша промолчал и отвёл глаза.

- Дядя Сева пролежит в больнице не меньше месяца, - рассуждал Игнат. - О том, когда его выпустят, ты всяко узнаешь заранее. Верно? Никто, кроме него, аппарат не потребует. Значит, можно спокойно пользоваться до... Ну, хотя бы до первого сентября.

Евгеша понимал, что ничего тут не поделаешь: силы не равны. Но он мог побороться за ЛУСТ ещё немного.

- А если тебя как-нибудь засекут?

- Кто? - Игнат засмеялся. - Как? Никто о таком аппарате не знает, зарегистрировать такие лучи никто не умеет... Словом, не бойсь! - Тут его глаза сверкнули. - Разве что ты побежишь в милицию?..

- Я не побегу, - быстро ответил Евгеша. - Если б было нужно, я бы дождался твоего отца - вот и ура.

- Ого, - сказал Игнат. - Это верно.

- Но может мой папа хватиться, - Евгеша пошёл в последнюю атаку. - Что я ему скажу? Я ему не вру.

Игнат посоображал немного и вздохнул:

- Ну, тогда скажешь ему правду, придёте вместе, набьёте меня и заберёте ЛУСТ. Своих подводить нельзя.

Последними словами он Евгешу обезоружил. Евгеша тоже не подводит своих. У папы сейчас срочные заказы, у него до проверки руки не дойдут, а если уж дойдут, то Евгеша имеет от СВОЕГО Игната разрешение признаться во всём. Молчание - не обман. А передача тайны от своего к своему - не предательство. Неистовый Пенёк был симпатичен, а его боль за планету, хоть и не передалась Евгеше целиком, но стала понятна и приблизилась.

- Ладно, - сказал Евгеша. - Мой папа, конечно, не пойдёт к тебе сам, но если приду и скажу, что он велел, ты должен поверить.

- Конечно, - сказал Пенёк. - Своих не обманывают.

Они попили чаю, поговорили ещё о разном, чтобы познакомиться поближе, и расстались СВОИМИ. Игнат записал Евгешин телефон (квартиру, оказалось, знал) и настойчиво звал в гости в любое время дня и ночи - хоть одного, хоть с отцом:

- Мой папка был бы знаешь, как рад. Он ведь тоже маленько столярничает. Только твой не поддаёт, нет?

- Непьющий. Меня воспитывает.

- А мой закладывает крепко. Особенно стал, когда мамка пропала.

Евгеше было неловко спрашивать, как это она пропала, а сам Игнат вдаваться в подробности не стал. Только повторил:

- Вот и хорошо бы наших отцов познакомить. - И добавил, уже пожимая руку: - А об учёбе подумай. Вредное это дело.

Евгеша возвращался домой в странном, похоронно-праздничном настроении. Потеря ЛУСТа - это, конечно, была катастрофа. Она сулила неприятности: Евгеше - от родителей и дяде Севе - от сердца. Но очень всё же здорово, мудро и мгновенно, Игнат нашёл аппарату применение. И вообще знакомство с таким человеком - потрясало. Профессор - второгодник! Человек, готовый на преступление (уничтожение машин! отказ от образования!) ради спасения планеты!

"Ерунда, - раздался знакомый шёпот. - Даже ради спасения дома никто не станет терпеть в квартире крыс, мышей, клопов и тараканов. Твой Игнат - пустой фантазёр, он никогда ничего не добьётся".

Коварная Милиза со своими обманчивыми истинами. "Отвяжись, пожалуйста, - ответил Евгеша. - Он мне нравится - и ура".

Спасти преступника.

Прошла неделя.

Стало известно, что Всеволода Серафимовича продержат в кардиоцентре до середины сентября.

О ЛУСТе среди Малюхиных разговор не заходил. Портфель великого Дорошенко так и валялся под креслом.

Среди этой недели Евгеша побывал у Игната. Пенёк был одинаково рад и тому, что жизнь дяди Севы в безопасности, и тому, что он ещё порядочно проваляется в больнице, назло автомобилистам.

- Самая грибная пора! Вот пусть и ходят пешком, это полезно.

По рассказу Игната, в районе гаражей наблюдается некоторая суеда, один раз появлялся милицейский мотоцикл с коляской, в основном же всё тихо. Один раз было, правда, собрание этих гаражников. Что-то галдели, махали руками, а Игнат установил аппарат на "столбняк" да и навёл на них. Пока стояли в оцепенении, он им сделал внушение: надо, мол, восстановить вырубленные заросли черёмухи, а то воздуха мало и детям негде играть. Потом, когда переставил аппарат в прежнее положение, они ещё с полчаса не расходились, о чём-то размахивали руками.

- Прошёл бы мимо да подслушал, - сказал Евгеша.

- Не стоило засвечиваться, - был ответ. - Мы-то знаем, что они всё услышали, а какие примут меры - поглядим. Заходи почаще.

- Я заходил вчера, - сказал Евгеша. - И позавчера. Тебя не было.

- Странно, - протянул Игнат задумчиво. - Где ж я мог быть? Может, за продуктами в магазин?.. А так я всё время дома.

- Ну, ладно, - сказал Евгеша. - Схожу теперь к Ивану.

Он звонил Ивану утром, чтобы позвать на аэродром, но оказалось, что другу опять велено сидеть дома.

- За что его так? - поинтересовался Игнат.

Но в Евгешину душу уже вползло какое-то не то подозрение, не предчувствие, и он не стал вдаваться в подробности. Просто сказал, что родители у Ивана больно строгие, и тут же откланялся.

- Забегай завтра, - позвал профессор-второгодник. - Я отберу для тебя кое-что почитать по экологии.

- Сегодня зайду, - пообещал Евгеша. - На обратном пути.

- Да вот сегодня меня как раз не будет, - Игнат был очень огорчён этим обстоятельством. - Папка просил кое в чём помочь.

- Ну, что ж...

- Завтра утром, ладно?

- Ладно.

К Ивану он пошёл, конечно, по Алиной улице. И конечно, у самого её дома путь ему заступили четыре ухажёра. Они встали со скамейки и выстроились поперёк дощатого тротуара стеночкой, как футболисты. Рыжему не хватило места, он стоял на траве.

Евгеша, почему-то совсем забывший об их существовании, ощутил досаду: то, что в первый раз может показаться культурному человеку занятым, при назойливом повторении легко надоедает.

"Одного - победы, на двух - нападай, от трёх - защищайся, от четырёх - беги". Нет уж, подумал Евгеша, хватит бегать. Не время и не место. Он подошёл к "стенке" вплотную и остановился, заложив большие пальцы рук за пояс. (Когда рука заранее согнута, удар получается быстрее). Четверо молчали. Их "фонари" уже почти не были заметны.

- Ну? - спросил Евгеша.

- Согну, - ответил рыжий. Судя по остаткам "фонарей", ему в той драке попало больше всех. - Ты к ней?

- Вообще-то дальше, - сказал Евгеша. - К ней - на обратном пути.

- А мы тебе ещё дадим, - пообещал стриженный.

- Я буду не один, - соврал Евгеша.

- Тогда прямо сейчас, - предложил с угрозой рыжий.

- А я и сейчас не один.

Четверо заглядывались.

- Где он? - спросил рыжий.

- У неё во дворе, - сообщил Евгеша. - Такой чёрный, лохматый. Позвать?

Сказав так, он тут же двинулся на "стенку"

И его пропустили.

Обернувшись, стриженный занёс было ногу, чтобы проводить гостя пинком, но рыжий слегка его дёрнул за рукав. Стриженный стал падать, трое его подхватили и засмеялись.

Евгеша не оглянулся. Он сделал пружинистую походку супермена и боялся только одного - что в случае нападения сзади голос может отказаться, и вместо воинственного клича получится петушинный крик. Через два шага он принял решение драться молча, но обошлось, и за углом он перешёл с утомительной суперменской походки на обыкновенную.

Потом хмурый Иван открыл ему дверь и сообщил, что у мамы очень опасный рейд по детским лагерям "Зелёной республики". А его, Ивана, как всегда, не взяли да ещё велели не выходить из дома.

- Погодите, - Иван скрежетал зубами, как старый велосипед, - когда-нибудь и я буду капитаном!..

- Тогда твоя мама уже будет генерал! - Евгеша рассмеялся. - А что опасного может быть в детских лагерях?

- Кое-что знакомое, - сообщил Иван таинственно. И пересказал разговор мамы-милиционера с папой-журналистом, подслушанный вчера вечером. Родители беседовали на кухне, а Иван стоял на краешке ванны в соседнем помещении, делал вид, что плещется, и держал ухо возле треснувшего окошка.

Беседа родителей выглядела так:

МАМА. - Что-то я перестаю понимать. Одно и то же третий день, ни смысла, ни цели, если не считать паники.

ПАПА: - Всё "Зелёная республика"? И текст - один и тот же? Как там?..

МАМА: - Текст везде один: "Не ходи в школу, спасай свою планету, ещё не поздно". Бессмыслица какая-то.

ПАПА: - Да, бессвязно. Как спасти планету, не учась? И главное - от чего спасать? Или от кого?

МАМА: - Ну, а нам пока что приказано спасать "Зелёную республику" от этих диверсантов.

ПАПА: - Уже известно, что их несколько? Их видели?

МАМА: - Никто ничего не видел. Ничего не известно. Сидит себе отряд, что-то там делают, вдруг на всех находит оцепенение, все испытывают ужас и при этом слышат громовой голос: "Не ходи в школу!.." Представляешь?

ПАПА. - Нет, не представляю.

- А ты представляешь? - спросил Ивана Евгеша.

- Я подумал, что это мог бы ты хулиганить... Но ведь ты не стал бы...

Евгеша размышлял, говорить или не говорить. Не будет ли здесь предательства? Решил, что всё в порядке, потому что Иван - тоже СВОЙ, и сказал:

- Я подозреваю одного человека, но на всякий случай - смотри!

- Могила! - заверил Иван. И провёл большим пальцем от зубов к шее.

- Особенно матери, - уточнил Евгеша.

- Горбатым быть, - поклялся Иван. - Никому!

Чем дальше Евгеша рассказывал об Игнате, тем сильнее охватывало его беспокойство. Под конец рассказа он уже дрожал от нетерпения, как от холода:

- Ванька! Он мне сегодня сказал, что дома не будет. Понял?

- Его там сцапают! - сказал Иван. - Вся милиция там. Надо спасать!

- Я поехал! - Евгеша вскочил.

- Я тоже! - Иван стал обуваться.

- Тебе нельзя!

- Без меня нельзя! Кто же мою маму уговорит? Она там старшая.

- Только бы она тебя не засекала раньше срока, - говорил Евгеша уже на бегу. - И народу бы нам побольше. Там тринадцать лагерей, все вдоль дороги. Если бы во все разом, тогда больше надежды, что не упустим.

- Ладно, - Иван на что-то решился. - Давай добежим до одного тут места. Есть надёжные люди...

У Алиного дома их встретили ухажёры, вооружённые молотками.

- Ты, Ванька, отойди, - сказал рыжий.

- И смотри, чтоб мать не узнала, - добавил стриженный.

- Погоди, Витюшка, - Иван подошёл к рыжему без малейшего страха, как положено сыну капитана милиции. - Есть разговор.

Они отошли вдвоём и сели на лавочку, а Евгеша стоял перед тремя вооружёнными противниками и равнодушно слушал, как шепчет Милиза: "Удирать надо! И больше по этой улице не ходить, только и всего. Им ведь просто нужно, чтобы ты не водился с ИХ девчонкой. Это нормально". Евгеша даже не стал ей отвечать. Пусть для кого-то и нормально, когда трое против одного, да ещё с молотками, но он, раз такое дело, попросит дядю Севу сделать ему маленький ЛУСТик, чтобы работал всего на десять метров и только на панику...

Иван и рыжий Витюшка покинули лавочку и подошли.

- Перемирие, - сказал своим Витюшка. - Там один пацан, - он оттопырил вверх большой палец, - вот такой пацан, гоняет деток в лагерях.

- Где? - спросили хором.

- В "Зелёной республике".

- На пятом автобусе, - начал объяснять Иван.

- Знаем, - перебил стриженный. - Надо деньги на дорогу, там кондуктор.

Как раз в эту секунду знакомый рёв вырвался из-под Алиной калитки, а следом появился Тузик и устремился к заговорщикам, не скрывая горячего желания всех разорвать.

Четверо ужасёров забыли о своих молотках и метнулись кто куда. Иван сделал то же самое. Один Евгеша не тронулся с места. Он сказал:

- Здравствуй, Тузилочка.

Грозный кивнул, подмигнул, провёл боком по его штанине и сел рядом, глядя на калитку. Оттуда уже выходила Аля.

- Привет, - сказала она Евгеше. - Что стоишь, не заходишь?

- Да вот, - пробормотал Евгеша, - тут разговор...

- Не пускают? - Аля огляделась.

- Да нет.

Аля попросила Тузика никого не трогать и обеими руками стала сзывать разбежавшихся.

Первым подошёл Иван. За ним - остальные, все без молотков.

- Ну как вам не стыдно? - спросила Аля.

- Он у тебя людоед, - сказал рыжий Витюшка.

- Он ЛЮДЕЙ не трогает, - возразила Аля. - Правда, Тузилочка?

Пёс, не оборачиваясь, кивнул. Он наблюдал за кошкой, которая шла по забору.

- Ясно, - сказал Витюшка независимым тоном. - Только нам сейчас некогда.

- Ну и привет, - сказала Аля и посмотрела на Евгешу: - Пойдём?

Отвернулась и пошла к своей калитке.

Тузик сорвался с места и молча помчался за кошкой, которая спустилась с забора.

Пятеро смотрели на Евгешу. Они его презирали, хотя было видно, что каждый хотел бы оказаться на его месте.

"Плюнь на них. Игнату уже не поможешь, а тут - ГЛАВНОЕ".

Ах, Милиза! Ну куда от неё не денешься!

Евгеша сказал всем: "Я сейчас" и догнал Алю у калитки. Достал из кармана свёрнутую трубочкой тонкую книжку:

- Погоди! Я принёс... про чайку...

- Не зайдёшь? - она взяла трубочку и посмотрела грустно.

- Одно дело надо сделать, - сказал Евгеша.

- Они драться хотят? - её бархатные глаза сначала испугались, но сразу же рассердились.

- Нет, - сказал быстро Евгеша. - Потом расскажу.

- Сегодня?

Евгеша кивнул.

- Ну, иди, - Аля прикрыла глаза, потом они распахнулись, как две бабочки, и она засмеялась: - Ну как ты с книгами обращаешься?!

И скрылась во дворе. Евгеша вернулся к своей бригаде.

- Ты что ей принёс? - спросил стриженный.

- Да так, - ответил Евгеша.

- Кончай суету, Веник, - сказал стриженному рыжий Витюшка. - Деньги есть, мужики. Надо ехать.

На двух троллейбусах проехали бесплатно, и никто из пассажиров не привязался. Это был знак удачи. Потом вошли в "пятёрку", пожилая кондукторша тут же закричала погромче: "Сели шестеро, готовьте расчёт!" А они прошли мимо неё на переднюю площадку, и ей пришлось сначала кричать, потом подойти, и все по очереди рылись в карманах, только Евгеша рыться не стал, а сразу сказал: "Нету". "Вот ты и поедешь!" - сказала кондукторша. - А остальные - сходите и там изгаляйтесь! Максимыч! Остановика!" Автобус начал тормозить, и тогда очень довольный Витюшка расплатился за всех.

Когда въехали в лес, Веник сказал:

- Ну, сейчас погоняем пай-детушек!

- Ой, - спохватился Витюшка, - я же вам не сказал! Слушай, Венька, и вы, братья. Никого гонять не надо.

- А зачем едем? - черноволосый брат нахмурился.

- Едем, Валера, человека спасать, - сказал Витюшка.

- Понял, Вадя? - спросил Валера у беловолосого брата.
- Нет, - сказал брат. - Он гоняет, как его спасти? Или деток от него спасти?
- Там везде милиция в засаде, - сказал Витюшка.
- А-а-а! - Вадя сразу понял: - Его - от милиции! Годится! Как будем?
- Сойдём по двое, - сказал Витюшка. - Будем его искать.
- Найдём - предупредим, - сказал Иван.
- А он какой из себя? - спросил Вадя.
- Да тот, - напомнил Витюшка, - с которым в роще дрались. Вот с ним, - он кивнул на Евгешу, - и с ним. Зовут его Игнат.
- Ни себе фига, - сказал Валера. - А я его моську и не запомнил.
- Я запомнил, - сказал Вадя.

Автобус начал тормозить на остановке. - Сходите здесь, - предложил братьям Витюшка. - А мы - дальше. Встретимся у ресторана.

Братья засмеялись и выпрыгнули в душистый воздух соснового бора.

На следующей остановке сошли рыжий со стриженным.

Иван и Евгеша вступили в "Зелёную республику" с противоположного конца.

Лагеря располагались по обеим сторонам шоссе, и трудностей в работе бригада не испытала. Двое выходили из автобуса, один перепрыгивал через забор и сразу оказывался у дела, другой перебежал шоссе и делал то же самое в другом лагере.

Прошёл час, и все шестеро встретились у ресторана "Кедр", у его фасада, на котором кто-то огромными буквами намалевал:

"Пьянь! Долой из детской зоны!". Обменялись сведениями. Никто не встретил Игната, но в "Восходе" все отряды гудели: кто спешил с вещами к выходу, кто плакал, кто хохотал - обсуждали "сеанс гипноза". Кто-то проделал над ними такой же фокус, как вчера в "Заре", а позавчера - в "Рассвете": всех привёл в состояние столбняка и громовым голосом внушал, чтобы бросали учиться. В "Заре" и "Рассвете" просто велел бросать, а в "Восходе" ещё добавил: "А то хуже будет". Этим отличием "восходовцы" гордились перед "зарёвцами" и "рассветовцами" и в большинстве, не подверженном панике, хотели, чтобы "сеанс" повторялся почаще - очень уж интересно видеть, как пугаются вожатые и воспитатели.

На вопросы о мальчике, который "сбежал из дома и может искать пристанища по лагерям", всюду отвечали, что такого не встречали, даже похожего не видели.

Тут из ресторана вышла молодая, но уже толстая бывшая красавица в переднике и кокошнике и стала кричать, чтобы шестеро остолопов убирались, а то вот такие стоят и втихаря пачкают стены. Ей ответили вполне спокойно, что, мол, есть и пить надо меньше, а двигаться больше, и волноваться при этом полезно, и пошли на автобус.

Когда стояли на остановке, подъехала милицейская машина, высунулся сержант и спросил, из какого они лагеря.

- Мы свою собачку ищем, - ответил Иван. - Черный шотландский терьер. Не видели?

Сержант захлопнул дверцу, и машина укатила в сторону города. Скоро подошёл автобус. Проехали на нём с километр и увидели милицейскую машину, влипшую в толстую сосну перед воротами лагеря "Авангард". Ни в машине, ни рядом никого не было.

- Это он! - тихо сказал Иван.

- Выходим! - сказал Евгеша.

"Ну зачем? - прошептала Милиза. - Поискали, не нашли, можно домой, там Аля ждёт..."

"Отнюдь! - ответил Евгеша. - Отнюдь от меня!"

Выбежали из автобуса, вошли в лагерь через ворота, потому что там не оказалось дежурных, прошли от забора до забора, заглянули в несколько строений - ни души. Лагерь был покинут в дикой спешке. Текла вода в брошенную у крана мыльницу и брызгала на полотенце, оброненное рядом. Дымился включённый паяльник. Жужжала, болтаясь на шнуре, электробритва, которую забыли, не успели или не смогли выдернуть из розетки. Вертелись на ветру какие-то бумажки, выдуваемые из беседки, посвистывали струны бадминтонной ракетки, которая застряла в волейбольной сетке. Ещё три ракетки валялись тут же на площадке.

- Ребята, поехали домой, - сказал тревожно Веник. Ему было не по себе.

- Пожалуй, - сказал Иван, - ему помощь не нужна. И все посмотрели на Евгешу. "Вот видишь, - прошептала Милиза с облегчением. - Зря не послушал". Евгеша мрачно кивнул и двинулся к воротам. Ребята потянулись следом.

Хорошо, что в воротах Витюшка оглянулся.

- Менты! - сказал он резко. - Отрыв!

Через дальний забор перелезали в лагерь два милиционера. За ними виднелось множество детских голов.

Витюшка первым добежал до остановки. Евгеша мог бы и обогнать его, но было неудобно - удирать первым, когда сам втянул всех в это дело. К тому же Иван, хотя и был намного сильнее Евгеша, бежал совсем медленно.

Автобус, на счастье, подошёл сразу. Когда милиционеры добежали до ворот, шестеро преследуемых уже ехали и тихо, пока не подошла кондукторша, спорили, заведётся или не заведётся милицейская "Волга". Витюшка отдал оставшуюся мелочь, не глядя на кондукторшу, а наблюдая через заднее стекло за дорогой.

Проехали бор. Погони не было.

У старого кладбища, когда до троллейбусного кольца оставалась всего одна остановка, Иван предложил выйти от греха и дойти пешком, среди мира и покоя. Но Веник, которому комары нажгли стриженую макушку, заявил, что боится покойников. Решили не бросать его одного и рискнуть, раз уж с начала везёт. Доехали до кольца, сели в троллейбус и тут увидели знакомую "Волгу". Она незаметно подкралась и шла рядом с окном, у которого они стояли. Сержант выглядывал и манил пальчиком.

- Отвернулись! - скомандовал Витюшка, и все отошли от окна.

- Сейчас остановит троллейбус и перегрузит нас к себе, - сказал Валера.

- Боишься, - определил Веник.

- Это ты боишься, - сказал Вадя.

- Если будут брать, - сказал Иван, - разбегайтесь. Я их задержу, мне ничего не будет. Я маму искал.

Но брать их не стали. Бригада благополучно пересела па второй троллейбус, не видя никакой милиции, и только когда сошли на своей остановке, стало ясно, что их провели. Серая "Волга" с синей полосой выскочила откуда-то, как Тузик из подворотни, а из неё выскочили сержант с напарником.

"Аля спрячет!" - шепнула Евгеше Милиза. Он кивнул, крикнул:

"За мной!" и побежал к дому Али. Он никогда не водил за собой народы и не собирался, поэтому не был уверен, что ребята побегут следом. Но они побежали. Евгеша почувствовал себя вождем. "Это приятно, правда?" - шепнула Милиза. "Не знаю, - ответил Евгеша. - Удирать надо". "Во двор!" - потребовала Милиза, когда он добежал до Алиной калитки, но Евгеша даже не задержался. Он закричал:

"Тузилочка, спасай!" и припустил изо всей мочи.

Прошло несколько ужасно длинных секунд, наполненных топотом и сопением, но наконец раздался львиный рёв, и беглецы разом оглянулись. У Алиного двора два рослых мужчины отбивались от маленькой собачки. Можно было удирать уже без спешки.

Добежав трусцой до угла, бригада оглянулась ещё раз. Их ловцы, спасая форменную одежду, уже влезли на забор. Тузика из-за кустов видно не было. Но было слышно.

За углом остановились.

- Куда пойдём? - спросил Витюшка. При этом все посмотрели на Евгешу. Он посмотрел на Ивана. Тот пожал плечами: мол, надо подумать. Однако думать было недосуг: милиция находчива и к тому же на машине.

- На пару часов надо разойтись, - сказал Евгеша. - Потом встретимся там же, где утром.

Он хотел сказать: "Возле Алиного дома", но в мужской компании надо было бы назвать Алю - Алькой, а ему не хотелось. Конечно, его и так поняли.

- Давай все ко мне, - предложил Веник. И показал рукой через улицу.

- Мне надо быть дома, - сказал Иван.

- Вы - здесь, мы - к Ивану, - решил Евгеша.

И разбежались.

Дома Евгеша спросил:

- Ты с ними в одном классе, что ли?

- С Алькой - в одном, в "а", а пацаны - "вэшники" и "гэшники".

Потом Иван достал с полки нож и пистолет, которые Евгеша очень похоже вырезал из берёзы, и они долго отработывали приёмы самозащиты без оружия. Ножом наставили друг другу синяков, пистолетом чуть не повыламывали пальцы, зато работали всерьёз, как в рукопашной, и несколько раз приёмы настоящего удавались. Потом забежала ненадолго мама-капитан. Похвалила:

- Ну, вот, молодцы, сегодня без слёз. - И ободрила: - Вся отечественная милиция только на вас и надеется. Вырастайте скорей. - И сделала вывод: - А для этого есть надо побольше. Ну-ка!

За столом Иван попытался что-нибудь разведать:

- Ну, как там у вас?

- Да вашими молитвами. А что?

- Так просто. Преступников ловите?

- Всех не переловишь, но стараться надо.

- Сегодня кого-нибудь поймали?

- Да пока нет, - Светлана Георгиевна посмотрела на сына рентгеновскими глазами. - Но поймаем. А что?

- Ничего. Просто интересно.

- Ну-ну, - Светлана Георгиевна сняла фартук, напомнила, что мытьё посуды поднимает мужское достоинство, если при этом напевать, и уехала на работу. Между прочим, на той самой "Волге", что охотилась за её сыном и Евгешей. Спутать было невозможно: передняя решётка помята, а за рулём - тот самый милиционер. Не было только сержанта: видно, ещё переодевался после близкого знакомства с Тузиком.

- А может быть, остался в засаде... там, - предположил Евгеша. Иван мыл посуду и напевал: "Мы рождены, чтоб сказку сделать былью..."

- Помогает? - спросил Евгеша.

- "Воздушный флот сумеет дать ответ!" - пропел Иван.

Этому Евгеша не поверил. Он точно знал, что к мытью посуды воздушный флот не может иметь никакого отношения, и нечего притворяться, что героическая песня помогает в такой немужской работе. И чтобы Ивану действительно жилось легче, Евгеша заговорил о деле:

- По-моему, они его не поймали.

- Игната?

- А кого же? - Евгеша всегда удивлялся, до чего отупляет человека тупая работа.

Иван - будто услышал его мысль - бросил в раковине недомытую тарелку и стал вытирать руки.

- Потом домою. Нас там ждут. Пошли.

Они добежали до места встречи и нашли там одну Алю. Она безмятежно играла с Тузиком.

- Ну, вот и пришли, наконец!

Было видно, что она всё знает. Иван спросил:

- А где ребята?

- В доме сидят. Мало ли. Пошлите.

Иван, войдя в дом, озирался, будто ни разу здесь не был. Евгеша это понравилось. Но сразу стало обидно, что теперь Тузик пускает сюда всех, и он понял, что хочет быть здесь единственным. И почувствовал, что уши стали горячими, и сел к стене, чтобы не заметили.

Но никто ничего замечать не собирался. Аля подтвердила, что уже знает, кто такой Игнат и что он натворил. Попросила рассказать о приборе и о том, как он попал к Игнату.

Евгеша рассказал всё подробно, только запнулся, когда дошёл до драки. Но тут мужественный Витюшка помог:

- Так что же, ЛУСТ у тебя был с собой, когда мы тебя дождались?

Евгеша кивнул.

- Где дождались? - Аля распахнула глаза.

- Да мы ему поддать хотели, - объяснил простодушный Витюшка. - Дождались в Михайловской роще.

Он сначала побежал, потом помахались маленько, потом Игнат ему помог - он здо-ор-ровый, собака!

Тузик зарычал. Все засмеялись, а он встал, обиженно покачал головой, с разбегу толкнул дверь и убежал во двор.

- Что же ты нас не пугнул? - спросил Витюшка с укором.

Евгеша пожал плечами.

- Он вас пожалел, - объяснила Аля. Она смотрела на Евгешу исподлобья и как-то ТАК, что он опять покраснел.

Стриженный Веник и Вадя с Валерой покраснели тоже. Не смутился один Витюшка. Он заявил:

- Ну и зря. Теперь не узнаем, как он действует.

- Да почему же? - Евгеша снова пожал плечами. - Пойдемте к гаражам, всё узнаете.

И он рассказал до конца - и об Игнате с его "Галереей побед", и о гаражном кооперативе.

- Надо идти к нему, - сказал Витюшка.

- Отбирать! - сказал Веник.

- Он всех нас положит, - сказал Вадя.

- Можешь не ходить, - сказал ему Веник. - Ну, что, пошли?

- Не надо, - сказала Аля. - Пусть к нему идет один Евгеша.

- А мы что, боимся, что ли? - сказал Веник.

- Вы ему враги, - сказала Аля. - Он с вами не захочет разговаривать.

- Заставим! - рявкнул Веник голосом матёрого наёмника. Аля покачала головой.

- Заставить можно слабого и трусливого... Он целую планету собирается спасти, он НИЧЕГО не испугается.

- А Женька должен за него отвечать? - подал голос Иван.

- Ладно, всё! - сказал Евгеша. - Я пойду к нему один. Я знаю...

Он быстро посмотрел на Алю. Она кивнула.

- Спасибо, что помогли, - сказал Евгеша и встал.

Вышли во двор все вместе.

- Приходи, не бойся, - сказал Валера Евгеше. Витюшка усмехнулся и молча протянул руку. У калитки Аля сказала:

- Я твою книжку уже прочла. Только не забирай пока. Я ее ещё почитаю... А ты... поосторожнее там...

На троллейбусной остановке Иван шепнул:

- Если что разведаяю, позвоню сразу. И ты звони.

Зачем человеку небо?

Евгеша был уверен, что преступник уже дома. Однако путь от троллейбусной остановки к жилищу Эвкалиптовых лежал мимо гаражного кооператива, и наличие ЛУСТа на рабочем месте легко было проверить.

Евгеша поравнялся с гаражами и сразу ощутил тревогу и отметил безлюдье. Ещё несколько шагов к запретной зоне убедили его, что да, лучи страха уже здесь. Подтвердила это и распахнутая дверь одного из гаражей, и "Лада", которая успела оттуда выехать, да так и застыла, врезавшись в стену напротив.

- Ничего себе, - пробормотал Евгеша. - Наш пострел везде успел.

Когда садился в троллейбус, он и примерно не представлял, как разговаривать с этим головорезом. Коварная Милиза подсказывала вообще не ходить, но он не мог с ней согласиться: не хватало только струсить. Тогда Милиза шепнула, что самый правильный выход - воздействовать на Игната через отца. Но предательство улыбалось Евгеше ещё меньше трусости. "Это не предательство, - Милиза убеждала терпеливо и спокойно. - Это ВЗРОСЛОЕ поведение". "Не хочу - и всё". Евгеша собрался требовать ЛУСТ немедленно, в крайнем случае - довериться кулакам. И настолько успокоился таким решением, что забыл ненадолго об Игнате и засмотрелся на облака. На аэродроме за рекой планеристы рады этим облакам... Вот тут-то и пришла идея.

Отвлечь! Аэроклубом! Да кто же устоит?!

Игнат увидел его через окно и вышел навстречу, очень приветливый.

- Всё же зашёл! Вот молодец! А я только что вернулся!

- Помог? - спросил Евгеша.

- Хорошо помог, - ответил Игнат и сразу стал слегка озабоченным.

- Что, - спросил Евгеша, - и завтра пойдёшь помогать?

- Завтра - нет, - Игнат даже немного нахмурился. - А что?

- Да есть одно дело.

- Ну, заходи. Чай только что заварил.

Они вошли в дом, и Игнат, будто не доспорил, потряс перед Евгешей газетным листом.

- Во-о-о! Смотри, что умные пишут! Слушай!

И Евгеша узнал, что умные собрались на международную конференцию и разрабатывают всемирный договор о мерах против промышленного влияния на климат.

- "Американский жизненный уровень ни в коем случае не должен распространиться на весь мир", - читал профессор-второгодник. - Понял? "Триллионы тонн двуокиси углерода, получаемые во всём мире от сжигания угля, нефти, природного газа и древесины, ... э-э-э миллионы тонн метана, скапливаясь в атмосфере, становятся ловушкой для тепла. Они не выпускают обратно в космос солнечное тепло, и климат планеты быстро теплеет"! Понял?

"Но ведь это хорошо! - прошептала Милиза. - Зимой будет не так: холодно!"

- Это явление, - продолжал Игнат, - называется "парниковым "эффектом". А ещё к нему прибавляются "озоновые дыры". Слышал? Слушай: "Гигантские массы фторхлоруглеродов, используемые в холодильниках, растворителях и распылителях, разрушают верхний слой атмосферы, состоящий из озона и защищающий жизнь на Земле от губительных ультрафиолетовых лучей".

"Почему губительных? - возмутилась Милиза. - Ерунда! Ультрафиолетовые лучи - это загар. Земля станет парником, где можно загорать! Притом среди парниковых растений - помнишь, по ботанике?"

- Чем же это плохо? - спросил Евгеша. - Тепло, загар...

- Это гибель! Слушай дальше, вот, только что подчеркнул:

"Участь засухи и наводнения, из-за потепления поднимется уровень океанов, будут затоплены плодородные, густонаселённые земли в Италии, Индии, Китае, Индокитае..." Понял?

- А у нас? - спросил Евгеша с тревогой.

- Про нас не написано. Но можно прикинуть. Заладно-Сибирская равнина будет затоплена, это наверняка. Море дойдёт до самых нас. Томск будет на берегу моря. Если не на дне, конечно. Колхиду может и не залить, там нет связи с океаном. Там, скорее, всё высохнет... А долину Амазонки зальёт точно... В общем, Всеми́рный потоп.

- А люди?

- В том-то и дело! Слушай, что ещё пишут: "Границы роста, когда-то предсказанные Римским клубом учёных, уже давно достигнуты человечеством"! Понимаешь, что это значит? Всемирный потоп и - всё опять с самого начала! От каменного топора, от сохи!.. Если сейчас же не прекратим развитие, человечеству крышка!

Евгеша только однажды был на море. А Римский клуб учёных обещает, что море придёт к Евгеше само. Вместе с теплом и загаром. Но потоп...

- Сразу всех затопит? - спросил Евгеша с недоверием.

- Нет, конечно. За несколько лет. Может быть, за пятьдесят, семьдесят...

"Жаль, - шепнула Милиза. - Не доживёшь".

Вдруг Игнат засмеялся:

- Давай чаю попьём, а то у тебя вид испуганный. - Наливая чай, он рассуждал: - Хорошо, что испугался. Значит, тебе жалко человечество... Но пока об этом хватит. Ты ещё не привык. Расскажи мне лучше, как этот ваш знакомый сочинял про Пегасика.

- Ничего он не сочинял.

- Ну, как не сочинял? Это же сказка!

- Все так думают, - Евгеша засмеялся. - А на самом деле ничего там не выдуманно. Папа вырезал солонку - лошадиная голова и птичий хвост. Я ей потихоньку вырезал рот, глаза, лапки утиные, крылья...

- И она ожила, - подсказал Игнат с улыбкой. - И дружила с воробьем, и удирала от сиамской кошки, а кошка научилась летать...

Евгеша спокойно кивнул.

- Но это же сказка! - твердо сказал Игнат.

- Это не сказка! - возопил Евгеша. - Это сказочно правдивая история! Дядя Володя, который её писал, работал тогда сторожем на нефтепромысле! Взрывчатку охранял! Он жил рядом с газовым факелом и сам видел, как четыре ночные птички отработывали "ромбом" групповой пилотаж!

- Ага, - подхватил Игнат уже с ехидством. - А теперь Пегасик работает в театре диковинкой...

- В театре - во время сезона, - ответил Евгеша, вдруг успокоившись, - с сентября по май. А летом он в аэроклубе, на аэродроме.

- И это можно увидеть?

Евгеша кивнул. Всё получалось, как он хотел.

- Во-о-о! - Игнат захохотал от удовольствия. - Во врёт! И не краснеет!

- А чего краснеть? Я правду говорю. Хочешь, пойдём завтра? И на планере покатаемся.

- Да ты что? - Игнат даже нахмурился. - Правда, не шутишь?

Евгеша кивнул. Он слышал, как Милиза шепчет: "Ну что ты: "Покатаемся"? Сказал бы: "В зону слетаем" - он бы сразу поверил! И Евгеша с ней согласился.

- В зону слетаем, - сказал он важно.

- Это как? - выдохнул Игнат. Пара пустяковых слов действительно его ошеломила.

- В пилотажную зону, - объяснил Евгеша значительно. - На парение Виш обещал свозить.

- Тебя?

- Нас с Иваном. Это друг мой. Ну, вместо него ты слетаешь. Я ему позвоню.

- А Виш - это кто?

- Лётчик. Вот такой лётчик!

- А он согласится - меня?

- Раз обещал - всё, - Евгеша встал. - Ну, пора домой.

Игнат проводил его до калитки. Напомнил вслед:

- Позвонить не забудь!

"Ключуло! - подумал Евгеша. - Ну, ура".

Совещание в ОКОПе.

Пока Евгеша звонил Ивану и сообщал новости, пока Игнат готовил ужин к приходу отца с работы, пока Аля выписывала в свой дневник интересные места из книги про чайку Джонатана, пока Алины ухажёры, сидя на лавочке, обсуждали приключения дня и не очень верили рассказам об оружии, которого сами так и не увидели, - в одну из дверей в здании горсовета входили озабоченные взрослые, чем-то схожие меж собой - скорее всего, озабоченностью. На двери была табличка с коротким словом "ОКОП", но за дверью не было ни ходов сообщения, ни брустверов, ни пулемётных гнезд. Озабоченные люди рассаживались в обыкновенные кресла лицом к столу, за которым задумчиво разглядывал какую-то бумажку молодой человек с очень подтянутой внешностью и пронизательным взглядом.

Через зал быстро прошёл заведующий ГОДУ - городским отделом детских учреждений - Сталоцин Павел Ефимович. Он пожал руку задумчивому молодому человеку и обратился к собравшимся запросто, из чего следовало, что он со всеми хорошо знаком.

- Вот, коллеги, у нас в ГОДУ сегодня ОКОП.

Никто не улыбнулся смешному созвучию. Красивая женщина средних лет в первом ряду сдержанно всхлипнула.

- Ах, Елена Олеговна, - сказал Сталоцин, - я вас умоляю!

- Ну надо же что-то делать, Павел Ефимович! - воскликнули из середины зала. - У нас разбегаются лагеря!

- А через неделю разбегутся школы, - добавила Елена Олеговна, властно удерживая слезы.

- Вот как раз поэтому, - торжественно сказал Павел Ефимович, - к нам пришёл сегодня начальник ОКОПа товарищ Дружбин Владимир... э-э-э...

- Можно без отчества, - сказал Дружбин и встал. Он заговорил без предисловий, сразу о деле: - В ОКОПе уже известно обо всех ваших беспорядках...

Но его прервали из зала:

- Извините, а что такое ОКОП?

- Это куда прячутся, - ответил кто-то из заднего ряда.

- Это откуда ходят в атаку, - поправил Дружбин. - Общественный комитет охраны порядка.

- А милиция от нас отказалась? - спросили из зала.

- Милиция - по своей линии, - ответил Дружбин, - а мы - по своей.

- Лучше бы по нашей, - сказали из зала. - Хоть кто-нибудь.

- Давайте работать, - предложил Дружбин.

- Вот мы и работаем, - Елена Олеговна всхлипнула. - С вами тут. А там дети...

- Ну Елена Олеговна! - воззвал Сталоцин. Зал начал шуметь, некоторые встали. Тогда Дружбин сильно ударил ладонью по столу и в ту же секунду, на которую все вздрогнули и осеклись, начал негромко говорить.

- На своих предприятиях все работники ОКОПа переведены во вторую смену и дежурят сейчас возле ваших лагерей. Милиции такую работу не охватить.

Внимание в зале воцарилось.

- Нам известно следующее, - продолжал Дружбин. - Преступники действуют только днём и только в "Зелёной республике". Отсюда вытекает, что своего транспорта у них нет, ездят на рейсовом автобусе. Установлено наблюдение за всеми автобусными остановками, договорено с водителями и кондукторами, чтобы присматривались к пассажирам.

- Значит, вы охватите все лагеря? - спросила с надеждой Елена Олеговна.

- Всю "Зелёную республику", - подтвердил Дружбин. - И даже круглосуточно. Но к вам будет две просьбы. Первая: организуйте своими силами, из мальчиков, патрулирование лагерей.

- Уже организовали, - ответили из зала. - Ловим всех посторонних и допрашиваем.

- Допрашивать не надо, - строго сказал Дружбин. - Посторонних задерживайте и вызывайте нас. Вот по этому телефону. - Он назвал номер. - Или сдавайте нашим людям. Они все вам представляются с удостоверениями.

- Окопные люди, - пошутил кто-то.

Все засмеялись шутке, а Дружбин усмехнулся тому, что у людей поднялось настроение - благодаря его комитету. Но тут же новые заботы согнали улыбку с его лица.

- Наша вторая просьба, - сказал Дружбин, - касается близкого начала занятий в школах.

Зал мгновенно погрузился.

- Для предупреждения диверсий, - продолжал Дружбин, - просим вас уже сегодня озаботиться патрулированием школ. Это будет много сложнее, чем в лагерях. Рекомендаций пока дать не можем. Надо думать вместе. Главное, нужны надёжные ребята, которые всех знают. По нашему телефону, если будут идеи или вопросы, звоните в любое время суток. А сейчас нам надо по местам. Вопросы есть?

Вопросов не было. Начали вставать.

- Тогда у меня вопрос, - остановил всех Дружбин. - Кто-нибудь из вас имеет кооперативный гараж на Партизанской?

Люди запереглядывались, потом раздался смех.

- Молодой человек, - сказала Елена Олеговна. - Чтобы иметь гараж, надо иметь автомобиль. А где вы видели учителя с автомобилем? В кино?

И все гордо направились к выходу.

- На учительскую зарплату, - тихо сказал Дружбину Павел Ефимович, - машину не купишь и гараж не построишь. Да и некогда...

- Что ж, - сказал Дружбин, - будем знать.

- Кстати, - продолжал Сталоцин, - у моего соседа там гараж. Он туда уже несколько дней не может попасть.

- Чем объясняет? - Дружбин насторожился.

- Необъяснимым страхом. Как только приблизится... - Глаза Павла Ефимовича вдруг округлились. - Вы это связываете...

- Вот именно, - ответил Дружбин тихо. - Если есть два массовых страха, то так и хочется поискать между ними связь. И кстати, во время паники в лагерях подходы к гаражам были разблокированы.

Теперь глаза Павла Ефимовича сузились.

- Значит, - сказал он сурово, - нам следует обратить главное внимание на школы этого района!

- Именно! - Дружбин решительно кивнул. - Работает дилетант, задача которого нам пока неясна.

- Одну минуту! - спохватился Павел Ефимович. - Я кое-что вспомнил! На днях пришла из министерства интереснейшая бумага. О новом учебном заведении... Пойдёмте-ка в мой кабинет, это на втором этаже. Не беспокойтесь, время зря не потеряете.

Зачем человеку небо? (Продолжение).

Наутро Евгеша зашёл за Игнатом. Игнат ждал у калитки. Он не скрывал волнения. Он спросил:

- Ну, как?

И всю дорогу разговаривал об авиации. И показал немалые знания. Он запросто отличал "Бланик" от "Приморца", сравнивал польского "Фоку" с нашими парителями серии "А", хвалил спортивные самолёты суховского КБ, восхищался "коброй" Пугачёва и даже знал формулу качества крыла, о чём Евгеша и представления не имел.

- А на чём ты уже летал? - спросил Евгеша.

- Я в жизни не поднимался выше четвёртого этажа, - был ответ. - И никуда никогда не ездил из Томска.

Было видно, что Игнату жалко себя за это. И Евгеша тоже его пожалел.

- Вот сегодня и полетаешь. Не боишься?

- Боюсь. Но из-за этого хочу ещё сильнее. Так что не испугаюсь, будь спокоен.

Они спускались от Лагерного сада к мосту через Томь. За рекой гудели самолётные моторы, и сверху было видно, как от зелёного поля отделился самолёт и стал полого набирать высоту, увлекая за собой изящно длиннокрылый планер.

- Як-12 и "Бланик", - сказал Евгеша.

- Точно, - подтвердил Игнат.

- Если в планере Виш, то это плохо, - сказал Евгеша. - Он может парить весь день. Недавно поставил рекорд Сибири - восемь часов две минуты.

Игнат помрачнел и предложил добраться до аэродрома бегом.

Оказалось, что бегают он превосходно, и вскоре, преодолев редкий лесок меж двух озёр, они добежали до картофельного поля. За высокой ботвой густо росли аэродромные травы.

Осторожно перешли через картофельные ряды и остановились по пояс в этих диких травах.

- Вон туда! - Евгеша указал на полосатую "колбасу", надутую ветром, которая покачивалась на шесте рядом с небольшим домиком на другой стороне лётного поля.

Они побежали прямо через поле.

- Куда? Ложись! - раздался громовой голос. Это высокий мужчина в синем схватил мегафон.

Мальчишки упали в траву, а была она в этом месте уже не высокая и как бы притоптанная. Над самыми их головами проревел мотор, ударил воздух, и по траве, где они лежали, метнулась широкая тень. Они проводили глазами взмывший в небо самолёт и услышали тот же голос:

- А теперь бегом ко мне!

И вот они стоят возле стеклянной будочки, перед столом. На столе шипит в зелёном ящике радиостанция, антенна у неё сделана из маленьких металлических катушек. Краска на многих катушках облупилась, видно, что они алюминиевые. Совсем рядом, почти над головами, покачивается черно-белая "колбаса", указывающая всем, кто в небе, направление ветра. Тут же развевается голубое полотнище с жёлтым лучистым солнцем - флаг ВВС. Огромный седой мужчина сердится, а они смотрят ему в рот, потому что это и есть Василий Иванович, начальник клуба, с которым все здесь разговаривают на "вы".

- Разгильдяи! - говорит начальник клуба. - Если бы Виш не заметил вас, он бы винтом сделал из вас заячью капусту. Вы это понимаете?

Храбрый Игнат молчал и чуть не плакал. Евгеша ответил за двоих:

- Понимаем. А почему заячью?

- Потому что вы бегаєте по ВПП, как зайцы. Поняли?

- Поняли, - к Игнату вернулся дар речи. - А что такое ВПП?

- Вот эта взлётно-посадочная полоса, на которой вы чуть не погибли. Хорошо, что Виш был в кабине, ваше счастье.

- Почему?

- Потому что у него реакция лучше всех... Как тебя зовут, задающий столько вопросов?

- Игнат.

- Ага. А мне говорили, что будет Иван.

- Иван не смог, - сказал Евгеша. - Это мой второй друг. Можно ему?

- Даже нужно, - сказал Василий Иванович. - Где ж ещё он станет человеком?.. А теперь, - Василий Иванович повернулся к ВПП, - смотрите, как надо садиться.

Самолёт Виша, сделав круг, уже шёл с приглушённым мотором круто вниз. У самой травы он перестал снижаться и как бы завис, почти касаясь её колёсами. Так он летел до самых посадочных полотнищ, подрагивающих на траве под слабым ветром. Едва самолёт приземлился, как снова взревел мотор, но уже не так сильно, флаг, нарисованный на хвосте, сложился пополам, и машина повернула поперёк полосы, покатила туда, где стояло ещё несколько таких же "яков".

Глаза Игната горели.

- Видали? - Василий Иванович улыбался. - Не посадил, а притёр. Вот такие на фронте героями становились!

Лётчик заглушил мотор и вылез на крыло. Что-то сказал подбежавшему в таком же синем костюме и поспешил к столу начальника. На ходу он снял кожаный шлемофон с выпуклыми очками и остался в белом матерчатом подшлемнике с дырками для ушей. Совсем будто не заметив мальчишек, вытянулся перед Василием Ивановичем. Он был совсем молодой и очень крепкий.

- Товарищ полковник! Сегодняшний план на самолёте выполнил. При посадке имел помеху на полосе, вынужден был уйти на второй круг. Разрешите получить замечания.

- Нормально, Коля, - сказал Василий Иванович. - И в зоне хорошо отработал, и на посадке среагировал отлично.

- Пора Евгешу приобщать, - Виш повернулся к нарушителям. - А это и есть Иван?

- Это Игнат, - сказал Евгеша и положил руку Игнату на плечо. - Мой друг.

- Коля, - сказал Василий Иванович, - давай разознёмся с тобой на "Приморцах" - слетаем парой в зону, заодно дадим этим ребятам ознакомительные.

Ах, какие это были необыкновенные, неземные слова: "зона", "пара", "ознакомительные"!.. Мальчишки перестали дышать.

Строгий Виш улыбнулся вдруг ярко и стал похож на солнышко с флага ВВС.

- Они не побоятся? - он спросил это так, что даже как бы не спросил, а ответил за них: - Они не побоятся!

- Нет-нет! - Игнат решил снова заговорить, а то всё кивал и мотал головой. - Мы очень-очень хотим, пожалуйста!

Потом они помогали выкатывать на полосу два планера, не таких красиво-серебристых, как улетевший "Бланик", а голубых, немного ребристых, угловатых, зато и не таких больших, а как бы детских. Было даже странно слышать от Василия Ивановича, что ему в маленьком "Приморце" не так тесно, как в "Бланике". Оказалось, что там кабина пониже, а тут не надо втягивать голову в плечи.

Потом на них надевали большие наспинные парашюты. Потом Евгешу усадили в переднюю кабину правого планера, а Игната увели к левому. Чтобы сидел выше, под Евгешу подсунили брезентовую подушку, туго набитую чем-то лёгким. Виш сам защёлкнул на его животе привязные ремни и велел не трогать скобу круглого замка, чтобы они не расстегнулись.

- Значит, так, друг Малюхин, - сказал он весело. - За ручку пока не берись. Я скажу, когда можно. Вот на этом приборе увидишь нашу скорость. А вот на этом - высоту. Остальные тебе пока не нужны.

Виш сел в заднюю кабину, щёлкнул пряжками ремней.

- Зачем мне парашют? - спросил Евгеша. Лишние ремни ему мешали.

- Чтобы потолок был! - Виш засмеялся. - А то вывалишься из ремней.

Он осторожно захлопнул стеклянную крышу.

И тут Евгеша почувствовал, что попался! До этой секунды он как-то не думал, что всё всерьёз. Казалось, как раньше, ему дадут подержаться за ручку, пристегнут, отстегнут и отпустят. Но пристегнули накрепко и захлопнули по-настоящему. И уже, крутнув хвостом, впереди остановился зелёный ЯК-12, похожий издали на стрекозу, а вблизи - скорее на старинный грузовик-полуполторку, но с крыльями. "Вылезай!" - это встревоженная Милиза крикнула откуда-то снаружи. Поздно! Уже расторопные ребята в белых подшлемниках прицепили к хвосту "полуполторки" два тонких белых каната, и Виш по-свойски объяснил, что эти канаты капроновые и каждый из них называется фал. Вот уже щёлкнул замок, и фал связал "Приморца" с самолётом. Вот подняли правое крыло, которым планер опирался на траву...

- Ты раньше летал? - это сзади Виш его спросил.

Евгеша мотнул головой. Словами ответить он не мог, потому что, когда волновался, у него перехватывало горло, будто там что-то надо проглотить, а оно не глотается.

- Не летал?! Так это же замечательно! В первый раз всегда интереснее всего!

Тем временем трава позади самолёта полегла, воздух туго ударил по планеру, и он напрягся перед взлётом. Самолёт немного прокатился вперёд, фал натянулся, планер чуть дёрнулся и напрягся ещё сильнее.

- Это он выбрал слабинку, - сказал Виш. - Сейчас полетим.

Евгеша поглядел влево и увидел, что второй фал тоже натянут, а в передней кабине соседнего планера хохочет от радости и машет ему Игнат.

Только тогда Евгеша вспомнил, что у него тоже есть руки. Ага, вот они, лежат на коленях. Он тоже помахал Игнату и сразу забыл о нём, потому что услышал сзади голос, но не Виша, а чей-то другой, далёкий и невнятный, по радио. Оглянуться было неудобно из-за множества ремней, и Евгеша попробовал разглядеть Виша, как в зеркале, в одном из круглых приборных стёкол. И в ярком солнечном свете хорошо различил на его голове наушники.

- Шестой готов, - быстро ответил Виш тому голосу на его невнятный вопрос. И добавил: - Понял, взлетаем.

До этой секунды Евгеша точно знал, что ему страшно. Даже в одну самую маленькую секундочку захотелось послушаться Милизы и попроситься на волю. Но теперь - ВЗЛЕТАЕМ! - он забыл, что ему страшно. Ему стало некогда бояться!

- Взлетаем, друг Малюхин! - сказал Виш. - Возьмись за ручку, только не очень крепко. Сможешь?

- Да! - звонко сказал Евгеша и осторожно взял правой рукой эту знаменитую ручку, которая торчала из пола меж ЕГО колен - близкая, домашняя, и двигалась, как живая.

- Не страшно?

- Нет!!

Теперь место страха занял восторг!

Планер катился за самолётом на своём единственном колесе. Он катился всё быстрее, и парень, который поддерживал правое крыло, смог пробежать рядом всего несколько шагов. Трава впереди вся, до единой травинки, легла перед Евгешей ниц и подрагивала, прижатая ураганом от самолётного винта. Планер звенел от напряжения, дрожал от нетерпения и уже пытался взвиться в воздух, хотя самолёт всё ещё бежал по земле, становясь на бегу всё стремительнее и легче.

Евгеша почувствовал, как ручка управления двинулась вперёд, и понял, нет, не понял, а почувствовал телом, что это Виш борется с нетерпеливым скакуном, удерживая его от поспешного прыжка в небо.

Трава мчалась навстречу всё быстрее, она уже лилась сплошным зелёным потоком! Хвост самолёта стал приподниматься. Евгеша мельком посмотрел влево и увидел, что Игнат, весь вытянувшись вперёд, уже взлетает. В тот же миг ручка чуть-чуть двинулась на Евгешу, и планер опёрся крыльями о воздух.

Евгеша не понимал, как это получилось, что столько событий произошло всего за пять секунд, а может быть, и меньше. Он видел, как увеличивается вокруг зелёная планета, слышал пение воздуха вокруг себя, будто сидел внутри большой скрипки. Видел слева ликующего Игната и огромного, под самый потолок, Василия Ивановича.

Он видел, как бежали навстречу первые кучевые облачка, белые и пушистые, видел, как мелькали мимо пушинки цветов, занесённые на высоту потоками воздуха.

- Курсант, какая высота? - спросил Виш. - По длинной стрелке смотри: каждая цифра - сто метров.

Длинная стрелка проходила белую тройку.

- Триста? - спросил Евгеша неуверенно.

- Молодец! Смотри вниз, запоминай высоту на глаз.

Евгеша посмотрел и запомнил: деревья напоминали высокую траву.

Дзынь-нь-нь! По всему планеру пошёл звон удара, а на стекле остался длинный, в две Евгешины ладони, чёрно-жёлтый след. Евгеша вздрогнул.

- Это бабочку занесло восходящим потоком, - объяснил Виш. - Ну-ка, быстро ли мы летим? Посмотри.

- Ого, сто тридцать!

С такой скоростью Евгеша никогда не ездил, но здесь она не чувствовалась, хотелось лететь всё быстрее и дальше. В стекло прибора Евгеша увидел, что Виш улыбается, довольный впечатлением.

Едва успев пожалеть бабочку, Евгеша уже не мог удержать её в памяти: всё новые впечатления вытесняли друг друга. Он пытался понять, как управляют планером. И не успевал.

Ручка в его руке всё время двигалась. Он читал, конечно, что "на себя" - это вверх, "от себя" - вниз, "ручка вправо" - это крен вправо... Но Виш всё делал как-то не так, как-то слишком быстро. Едва потянув ручку на себя, он тут же толкал её немного вперёд. Так же устранял крены вправо и влево. Самолёт

вперед все время покачивало, и было непонятно, то ли это планер мечется на привязи, то ли воздушные потоки играют самолётом. Мир вокруг стал огромным, а самолёт и два маленьких планера на тонких ниточках совсем потерялись в его бесконечном пространстве.

Дело шло к полудню, когда воздушные потоки усиливают своё движение вверх. Бросало, конечно, и планеры, и самолет одинаково, и лётчикам пришлось потрудиться, пока наконец длинная стрелка высотомера не застыла на пятёрке, а короткая - на единице.

- Тысяча пятьсот метров, - доложил Евгеша уже уверенно.

- Молодец, - опять похвалил Виш и вдруг сказал: - Полтора километра.

Полтора километра?! Только после этих слов до Евгеша дошло, что это такое - 1500 метров! Он полетел впервые в жизни и сразу забрался на такую высоту!

В эту секунду в наушниках Виша раздался голос, и он ответил:

"Понял, отцепка".

Самолёт качнул крыльями и вдруг провалился вниз. Это Виш сделал ручкой какое-то непонятное движение. Тут же слегка щёлкнуло впереди, и Евгеша увидел, что они больше не привязаны к самолёту. "Як" завалился на правое крыло и круто пошёл вниз. Две ниточки, схлёстываясь, потянулись за его хвостом. Евгеша представил страшное и спросил:

- А если он этими канатами за дерево зацепится?

- Фалами? - Виш его вежливо поправил. - Не зацепится. Он полетит ниже облака ходячего, зато выше леса стоячего, а как войдёт в полосу воздушных подходов, так там и леса нет, одни пеньки. Давай, друг Малюхин, лучше оглядимся с высоты. Хорошо, правда? Красиво, да? И тишина-а-а, не то что в самолёте.

- Тут он смешно запел на мотив авиационного марша: - Нам ДОСААФ дал дюралевые крылья, но пожалел он денег на мотор!.. И хорошо, что пожалел, а то в самолёте так не поговоришь, кричать надо. Ты смотри, смотри по сторонам, а я пока облачко выберу.

Евгеша огляделся.

Он увидел полуденную поверхность земного шара, покрытую всего лишь полями, холмами, растительностью и водоёмами, окрашенную всего в три краски - голубую, зелёную и жёлтую, но и через много лет, рассказывая о своём первом полёте, он не найдёт для этого слов. "Миллион раз видел, а описать не могу. И никто не сможет. Красоту Земли никакому гению не описать"

Однако совсем не обязательно быть гением, чтобы ОЦЕНИТЬ настоящую красоту. Евгеша её оценил. Он снова забыл, что у него есть руки (о ногах не помнил с самого взлёта), и с открытым ртом, широко распахнутыми глазами смотрел на крохотную часть планеты, которую неукротимый Игнат вознамерился спасти даже ценой собственной жизни. ОНА БЕЗУСЛОВНО СТОИЛА ТОГО.

- Друг Малюхин! Ногами до педалей достаёшь?

Онемевший от красоты Евгеша на миг вспомнил про ноги и мотнул головой: нет, мол, не достаю. Подумаешь, ноги, педали, когда кругом такое... Виш понял его по-своему.

- А не страшно? - спросил он самым весёлым и беззаботным тоном.

В крылатой скрипке было совсем тихо, если не считать ветра, но Евгеша так звонко выкрикнул: "Нет!", что весь музыкальный фюзеляж планера вздрогнул от восторга, и пропитанная скользким авиационным лаком перкалевая его обтяжка на разные голоса, до самого хвоста донесла Евгешин голос и вернула его ослабевшим, но твёрдым: "Нет! Нет! Нет!"

- Правильно, - согласился Виш, на этот раз очень серьёзно. - Страшно, когда низко, а ВЫСОТА - ЗАЛОГ ЗДОРОВЬЯ. Верно, друг Малюхин?

- Верно, - сказал Евгеша тихонько и ещё тише повторил про себя: - Высота - залог здоровья... Здорово!

Ручка управления тем временем крутилась, будто старалась вырваться, и Евгеша её отпустил. Смотреть краем глаза было даже интереснее, чем держаться за неё и мешать Вишу рулить.

(Знатоки авиации могут насмешливо заметить, что правильнее - не "рулить", а "управлять". Но они не будут до конца правы. Чем управляется летательный аппарат? Рулём поворота, рулём высоты, элеронами, триммерами и различными щитками, которые все похожи между собой: они плоские, как перо корабельного руля. Но не "пером перят" и не "управляюмо управляют", а рулём рулят, вот как обстоит дело. Впрочем, это не главное).

Главное началось, когда Виш выбрал подходящее облако. Он направил планер под это облако, и снизу вдруг сильно толкнуло и стало давить, будто они были глубоко в океане, на подводной лодке, а огромный кашалот Моби Дик своим тупым и мягким носом старался вытолкнуть их на поверхность.

- Видал? - воскликнул Виш. - Это восходящий поток! На нём держится облако, а оно весит несколько тонн... Посмотри на вариометр. Вон тот, у которого одинаковые цифры вверх и вниз. Видишь, где стрелка?

- Выше десятки, - сказал Евгеша.

- Вот! Это значит, что нас тащит вверх примерно на двенадцать метров каждую секунду. Представляешь? За секунду - на третий. этаж! И без всякого мотора, только под облако залезь! И путешествуй с ним сколько хочешь!

Виш опустил левое крыло, и земля, покрытая пятнами солнечного света и облачных теней, завертелась вокруг него.

- Посмотри на вариометр!

- Десять ровно!

- А теперь посмотри вверх!

В таком положении смотреть вверх надо было вдоль правого крыла. И Евгеша увидел, что кончик крыла цепляет "потолок" - желтоватую облачную вату, которая вблизи уже не так плотна и красива, как со стороны. Ещё секунда - и крыло ушло в вату до половины.

- Нет, - сказал Виш, - это нам не годится.

Он выровнял планер, и ручка придвинулась к самому Евгешину животу, ровное гуденье ветра в плоскостях стало гаснуть. Вокруг за клубился пар, земля внизу исчезла, и Евгеша вдруг потерял все направления. То казалось ему, что планер валится набок, то будто они пикируют, то вообще висят вниз головой.

Тело планера слегка задрожало.

- Курсант, скорость? - Голос у Виша был очень весёлый.

- Шестьдесят, - Евгеша быстро нашёл этот прибор, соединённый с блестящей "пушечкой" на носу планера.

- Молодец! Быть тебе пилотом! Берись за ручку и запоминай. "Штопор" будем делать. Научись вводить и выводить... Даём левую ногу...

Планер резко завалился вперёд и непонятно закувыркался. Но тут же из ваты выскочила земля, и стало ясно, что они несутся носом вниз, а всё внизу бешено вращается, куда быстрее, чем во время спирали. Евгешу прижало к сиденью, он вспомнил Иваново кресло и лучи страха.

- Ручку от себя, - сказал Виш спокойно. - Пра-а-авую ножку, а теперь ставим ноги ровно...

Вращение разом прекратилось. Ручка энергично пошла на Евгешу, а земля метнулась под ноги и быстро исчезла. Лицо Евгешино неприятно обвисло, рука начала сползать с ручки управления, тело окаменело от тяжести. В глаза летело небо, мелькали облака, потом ручка метнулась в сторону, тяжесть прошла, мир крутанулся вокруг "пушечки" и встал на место.

- Полупетля, - сказал Виш. - Не страшно?

- Нет! - Евгеша ответил хрипло. - Ещё!

- Давай!

И они повторили "штопор", и Евгеша старался делать ручкой то, что нужно.

Потом Виш дал ему попробовать "спираль". Потом они вместе сделали поворот через крыло - любимый приём воробья Сёмы для спасения от крылатых врагов. Потом поймали крылом восходящий поток-термик, вошли в него, "наскребли" ещё полкилометра высоты и опять покувыркались.

- Нравится? - спросил Виш.

- Да!

- Ну, тогда полетели домой.

- У-у-у-у, - загудел Евгеша.

- Пора, друг Евгеша. Ребятам внизу тоже полетать охота. - И тут же Виш сказал в микрофон: - Я "шестой". Работу в зоне закончил, разрешите садиться.

Только теперь Евгеша вспомнил про Игната и стал оглядываться.

- Вон они, - показал Виш, - уже почти сели.

Посадка - дело интересное и ответственное. Но грустное.

Что, в самом деле, за радость - после блестящей победы над земным притяжением признать в конце концов неизбежное: земля сильнее, земля всегда возьмёт тебя обратно и поставит на место. А если, не дай Бог, ты слишком заупрямишься, она может и наказать, швырнуть на деревья и камни, изломать хрупкие крылышки, рули-пёрышки, разбить в щепки музыкальное тело летательного аппарата. У лётчиков это называется "спортить причёску" - кто имеет постоянные дела с опасностью, всегда не прочь над ней позубоскалить... Поневоле будешь завидовать Альбатросу, который всю жизнь летает над океаном, почти никогда не садится на воду и даже спит на лету!

Когда Евгеша ступил на землю, Игнат ходил вокруг своего "Приморца" и гладил его в разных местах.

- Эй, небесные братья! - прогремел голос Василия Ивановича. - Докладывать кто за вас будет?

И они подошли к столу, который для них назывался уже СКП - стартовый командный пункт, доложили, что ознакомительный полёт ими выполнен, и попросили разрешения получить замечания, как это делал Виш.

Николай стоял тут же, у стола, подсказывал и улыбался.

- Из Малюхина лётчик выйдет, - сказал он. - Даже планерист!
- А разве планерист выше лётчика? - спросил Евгеша.
- Конечно, - заверил Виш. - Лётчик, если неточно зайдёт на посадку, может дать газ и уйти на второй круг. А планеристу ошибаться при расчёте нельзя - мотора-то нет! У нас так и говорят: "Принял решение - садись".
- М-да-с! - Василий Иванович улыбнулся. - Ты, Коля, конечно, в этом прав, но скажу тебе: после штурмовика летать на этой технике попроще... А вообще - молодцы, ребята. Игнат у меня всё ручку отобрать норовил. Наверно, если бы до педалей доставал так совсем выгнал бы из кабины. Да, Игнат?
Игнат опустил голову, и Евгеша узнал, что он тоже умеет краснеть.
- Как леталось, Игнат? - спросил Виш.
- Здорово, - Игнат ответил почти шёпотом.
- Кем же ты будешь после школы? - Василий Иванович спросил Игната и повернулся к Вишу: - Сейчас скажет, что лётчиком.
- Да, - Игнат посмотрел смело. - Если планету спасу, буду над ней летать и охранять.
- Гм, - сказал Василий Иванович. - Помнится, однажды мы уже спасали планету. От фашизма. А теперь от кого-чего?
- Вы спасали человечество, - это был уже прежний Игнат, совсем не тот, который час назад боялся, что его не прокатят на планере. - А планета - это совсем другое.
- Вот как? - Василий Иванович поднял брови.
- Да. Планета - это природа. А люди и природа - это не одно и то же. Люди и в журналах вон пишут: "МЫ И ПРИРОДА".
- Гм, - повторил Василий Иванович. - Тут сразу и не ответишь.
- Верно, друг Игнат, - сказал Виш. - Люди губят природу - тема острая. Как же ты намерен её спасти? Евгеша весь напрягся, опасаясь, что тайна ЛУСТА сейчас будет раскрыта.
- Пока я этого не могу сказать, - ответил Игнат спокойно. - Пока это секрет. Но возможно, что скоро потребуется ваша помощь.
"Вот это загнул!" Сказать такое взрослым Евгеша не решился бы.
- Ну что же, - Василий Иванович едва заметно усмехнулся. - Если дело правое - поможем.
Потом они пообедали вместе с курсантами, как равные, за одним столом, отмахиваясь от комаров и принимая участие в споре: считать ли комара мясом, если он попадает в тарелку.
Потом Виш пошёл выпускать в небо новичков, а Василий Иванович предложил гостям дожидаться конца полётов и ехать вместе со всеми на аэроклубовском автобусе, а не ходить в город пешком. Евгеша был не против, но Игнат сказал, что у него срочные дела, и стал прощаться. Тогда Евгеша вспомнил, что его ждут у Али ребята, и ушёл вместе с Игнатом.
Только в последний момент Игнат спросил Евгешу, где же Пегасик.
- Я узнавал, - спокойно ответил Евгеша. - Он в командировке. Пригласили съездить на соревнования по высшему пилотажу. Судьёй. Для него даже изобрели новую должность - "судья в кабине".
- Я чего-нибудь такого и ожидал, - сказал Игнат без всякого доверия.
Евгеша не стал его разубеждать, у всякого свои сказки. И в каждой сказке столько правды, сколько у тебя к ней доверия.
Дошли молча до моста.
- О чём ты сейчас так сильно думал?
- Я ещё не до конца додумал, - Игнат ответил хмуро. - Это сейчас очень важно. Может быть, самое для меня важное.
- А я не могу помочь?
- Ладно. Подумай тоже. Может, вместе поймём... Я вот полетал и понял, что человек без полёта жить не может. И не сможет. Он всегда будет стараться полететь. Даже если у него отобрать самолёты, если даже уничтожить в голове память о самолётах - чтобы ничего такого вообще не знал. Он снова изобретёт крылья и снова научится летать. Будет разбиваться, а всё равно полетит. Но ЗАЧЕМ ЕМУ ЭТО? Ведь природа не такая глупая. Если сделала кого без крыльев, значит они ему не нужны. А то и вовсе вредны... Зачем человеку полёт, ты можешь мне сказать?
- Сразу не скажешь, - согласился Евгеша. - Надо подумать.
Потом Евгеша несколько раз пытался ответить на этот вопрос. Он ездил на аэродром, напрашивался пассажиром к Вишу или ещё к кому-нибудь и прямо на месте, в небесах, размышлял о значении полёта для человека. Понял только одно: летать приятно, хотя и бывает страшновато.
Игнат, же, хотя и восхищался своим единственным полётом, больше с Евгешей на аэродроме не бывал, а сидел дома, что-то читал и записывал.
Накануне первого сентября он сам зашёл к Малюхиным. Явился под предлогом попросить для своего отца по одному экземпляру основных резчицких инструментов - дескать, его отец, Николай Игнатьевич,

захотел отковать себе такие же и заняться резьбой по дереву. А пока обрадованный Владимир Матвеевич отбирал всякие там гейсмусы, клюкарзы и ложечники, состоялся короткий разговор.

- Вот что, друг Евгеша. Завтра вечером я тебе ЛУСТ верну. Сам принесу. Только ты после первого урока отойди от школы метров на двести. Договорились?

- Ты сошёл с ума, - сказал, подумав, Евгеша.

- Я не нашёл выхода, - возразил Игнат. - А с ума сошло человечество. Я понял: его не остановишь и не своротишь. Так я его хотя бы огорчу.

Владимир Матвеевич вынес из мастерской брезентовую сумочку, подал её Игнату.

- Отцу передавай привет. Пусть сам заходит.

- Он вас еще маленько стесняется, - ответил Игнат. И откланялся, отказавшись от чая.

Евгеша проводил его до угла и пытался отговорить от преступления.

- Бесполезно, - был ответ. - Я буду погибать, как капитан Гастелло. - Тут Игнат усмехнулся.- Кстати, ты понял, для чего человеку небо?

Видно, он много об этом думал, если спрашивал уже не про полёт, а про небо.

- Летать приятно, - Евгеша пожал плечами.

- Не то. Все человеческие стремления, все открытия - от жадности. Человек - самое жадное существо на свете. БЕССМЫСЛЕННО ЖАДНОЕ существо. Он всё хочет сделать своим. И землю, и моря, и небо, и космос, и дальше, если там ещё что-нибудь есть... Этой жадности надо бы человеку поубавить... Ну, пока. Не забудь: сразу после первого урока!

Игнат убежал. Удрал от разговора, самоубийца. Оставил Евгеше ночь на раздумья: нет ли ещё какого выхода?

"Большая охота".

Евгеша не спал всю ночь. Такого с ним не бывало. Он знал, как работают лучи страха, и они мерещились ему во всём своём безумии. Едва начинал задрёмывать, как рушились стены, врвался огонь, разламывалась земная твердь, со всех сторон бросались саблезубые, закручивал ледяной космический водоворот, в воронке которого бесконечной волной вертелся винт огромной мясорубки...

Понятно, что в школу он пришёл весь разбитый и без единой мысли.

Все кругом здоровались, хлопали по плечам, и это злило Евгешу. От фартуков, бантов и букетов рябило и резало в глазах. Солнце било слишком ярко. Звонок ударил по ушам, отдался болью в голове. Несколько раз Евгешу случайно толкнули, ему захотелось дать сдачи, хотя и было не за что. Сразу после звонка он пошёл в класс.

На лестнице его догнал Игнат - портфель чем-то набит, карман оттопырен ЛУСТом. Сообщил тихо:

- Вот умора! Директор сейчас предлагал мне ловить диверсанта-гипнотизёра. А что, я согласился. - Игнат засмеялся и напомнил: - Смотри же, сразу после первого урока.

- Брось! - Евгеша вяло вцепился в его одежду.

- Врагу не сдаётся наш гордый "Варяг"! - Игнат без улыбки, но бережно вырвался и убежал - свежий, выспавшийся, готовый к последнему параду.

Проходя мимо учительской, Евгеша увидел там Милизу. Не Коварную Мысль, а живую и настоящую, прошлогоднюю выпускницу. Вспомнил, что ведь это она поздравляла только что на линейке с началом учебного года. Располнела за лето, стала противная. Если дождётся в родимой школе первой перемены, придется ей пострадать... Ещё противнее станет... А интересно, какие лучи применит Игнат? Обморок или столбняк? Панику нельзя: школа-то четырёхэтажная, начнут прыгать в окна... Хорошо, что Аля учится не здесь... Мысли мешались в Евгешинной голове.

Он дошёл до своего класса, и ему явилась теперь та Милиза, которая последнее время давала коварные советы. "Чего ещё?" - Евгеша сердито опередил её вопросом. "Быстро, быстро в учительскую! - Милиза смотрела с испугом, даже с ужасом и осуждающе. - Вернись и скажи всё директору! Он ведь уже всё знает, ты понял. И беду остановишь, и прославишься". "Нужна мне слава..." "Уважать будут! А Игнат и не узнает. Войдут, схватят - вон те двое, они здесь специально, подойди к ним..." "Я не предатель!" - Евгеша сердито тряхнул головой и вошёл в класс. Он сел за передний стол и уныло решил, что пусть будет как будет. Игната с ЛУСТом взять никто не сможет, даже не увидят, так что пусть отведёт свою смятенную святую душу в праведном и несправедливом гневе, а вечером они спрячут прибор в портфель - и ура, дяди Севино сердце может биться спокойно.

Вошла классная руководительница, начался "урок мира", отличники и активисты произносили заранее подготовленные, на каникулах заученные речи. Евгеша их не слушал, а думал об Игнате: вот кто действительно думает о Мире! Что-то он делает сейчас на уроке? Для чего принёс такой толстый портфель?..

А Игнат провёл "урок мира" весьма активно и продуктивно. Едва учитель закончил вводную речь и спросил, не желает ли кто высказаться, едва поднял руку кто-то из отличников, как Игнат вскочил и вместе с портфелем вышел к доске. Класс притих и насторожился, ибо все знали, что грозный хулиган-второгодник при желании заткнёт за пояс любого - и в переносном, и даже в прямом смысле.

Игнат произнёс замечательную речь о том, что у каждого человека есть несколько родин. Первая, маленькая родина - это дом, где он вырос. Родина побольше - это его город или деревня. Есть большая Родина, которую он должен защищать от врагов, - страна, в которой он гражданин. Но есть на всех людей одна, самая главная РОДИНА - планета Земля. И вот эту РОДИНУ, эту планету, этот очень маленький очаг живой природы во Вселенной (именно ТАК и сказал!) каждый обязан беречь и защищать прежде всего от самого себя и от других людей, не умеющих ПРАВИЛЬНО ЖИТЬ В ПРИРОДЕ, не желающих сдерживать свою жадность. Игнат привёл множество примеров и развесил на доске картинки из своей "Галереи побед", которые принёс в портфеле. Он говорил до самого звонка, и классный руководитель не решился его остановить, а одноклассники, в том числе и отличники, слушали с открытыми ртами. Когда он кончил говорить и стал торопливо собирать свои наглядные пособия, раздались аплодисменты. Громче всех хлопал классный руководитель, которому почудилось безоблачное поведение Игната во всём обозримом будущем.

Когда началась перемена, Евгеша увидел Игната ещё раз. Маленький и печальный, с пузатым портфелем в руке, он поднимался на четвёртый этаж, чтобы начать своё злодейство с самого верха.

Заподозрив самое худшее и горько вздыхая, Евгеша вышел во двор, сел на борт хоккейной коробки напротив парадной двери и стал ждать. Он плакал от бессилия, и эти слезы надо ему простить, потому что в жизни каждого мужчины бывают моменты, когда он ничего не может поделать, а бессилие для мужчины - самая страшная беда, ибо каждый мужчина считает, что создан для подвигов.

Евгеша обязан был помочь всей школе, но для этого пришлось бы предать Игната. А Игнат, как оказалось, стал для Евгеша дорожкой целой школы.

За минуту до скандала, а может быть, и до катастрофы, Евгеша вспомнил те немногие дни августа, которые так сдружили его с Игнатом.

Они виделись почти каждый день. Конечно, поначалу Евгешу больше всего заботила сохранность ЛУСТА, он каждый раз приходил со стороны гаражей, чтобы проверить собственным страхом, что аппарат на месте. Видел печальных автолюбителей, видел "окоповцев". Кооперативщики страдали и кучковались, чтобы облегчить страдания друг друга. Сыщики держались по одному и старались не привлекать внимания. Автолюбители поглядывали на сыщиков с укором, а те не подавали вида, будто это их касается.

Постепенно Евгеша привык видеть всех на своих местах и стал больше времени уделять книгам и мыслям, которыми оделял его Игнат. Он поражался тому, как много Игнат работает: роется в специальных книгах и журналах, что-то там выкапывает по словечку и переписывает в общую тетрадь. Потом из всего этого делает потрясающие выводы, даже прогнозы.

Для отдыха они занимались боксом и борьбой и стали настолько нужны друг другу, что однажды вместе пострадали от Игнатова отца. Николай Игнатьевич пришёл пьяный, почти в беспамятстве, жалобно звал из пространства беглую Игнатову мать и плакал. Потом он придрался к супу, сваренному Игнатом, полез драться и был с огромным трудом связан. Правда, в последний момент помог Малюхин-старший. Он пришёл посмотреть, что это за новое увлечение у сына, и попал в самую свалку. Потом, назавтра, был разговор двух отцов, и Николай Игнатьевич решил заняться резьбой по дереву...

Евгеша на это время даже перестал бывать у Ивана. Только и успел, что раза три-четыре добежать до Али: обменяться книгами, передать новости да погладить Тузика...

Теперь же, сидя на борту хоккейной коробки, он плакал от бессилия, потому что коварная Милиза нашёптывала: "Радуйся спасению", а он никому не мог помочь, только позорно спасал собственную шкуру, помогая своим бездействием преступлению друга.

Это становилось невыносимым. С самой вершины мучений Евгеша соскочил на землю и совсем уже решился броситься в школу и хотя бы пострадать вместе со всеми...

Но тут последняя минута кончилась. Начался скандал.

Зазвенели оконные стёкла на четвёртом этаже, и Евгеша подумал, что сейчас оттуда начнут выпрыгивать первоклашки. Но Игнат, видимо, водил узким лучом из стороны в сторону и не доводил ужас до предела.

Замелькали белые фартучки на лестничных площадках.

Зазвенели стёкла третьего этажа. Вылетело несколько ранцев и портфелей.

Начали выскакивать первые испуганные из парадной двери. Теперь уже в школу не пробьёшься - сомнут.

Когда портфели начали вылетать из окон второго этажа, луч, кажется, зацепил и Евгешу, потому что он вдруг увидел несущихся на него со всех сторон бешеных собак и понял, что с ними не договоришься. Он метнулся к борту хоккейной коробки, перемахнул через него... Но тут страх прошёл, собаки исчезли. На всякий случай Евгеша отбежал в сторону и, вытирая бессильные слезы, поклялся всё-таки расквасить Игнату нос за его глупость. Пусть только уцелеет и появится.

Но Игнат не появился. Учителя, дети, уборщица, родители, фотограф, зарёванная Милиза - все ломились в двери и окна первого этажа, а когда школа опустела, не оказалось в ней и победителя.

Обойдя зря всю школу, Евгеша почувствовал беду и побежал к Игнату домой. Там прождал до темноты, но Игнат не появился. По двору метался чем-то взволнованный Игнатов отец, но быстро куда-то ушёл. Наконец и Евгеша поспешил домой - запоздало сознаться и вместе с папой что-нибудь придумать.

Через полчаса по городу мчалось такси. Слишком спокойное лицо водителя говорило о том, что пассажиры сообщили ему какую-то жуткую новость, и он готов мчаться куда угодно, не разбирая дороги и не обращая внимания на светофоры.

У городской кардиологической клиники машина с визгом остановилась, один из пассажиров бросился внутрь приёмного покоя. Обратно он вскоре выбежал в сопровождении крупного мужчины, одетого в больничную пижаму и с парой подушек под мышкой. Автомобиль помчался дальше почти на бреющем полёте и вскоре приземлился у драмтеатра. Трое бросились к парадной двери. Впереди через три ступеньки прыгал Малюхин-старший, за ним мчался Малюхин-младший, а последним, забыв запахнуть пижаму, широко и тяжело шагала великий учёный дядя Сева Дорошенко, прижимая к левому боку две подушки.

Папа рванул парадную дверь - она оказалась заперта. Евгеша заколотил кулаками - никто не подходил.

- Служебный вход! - выкрикнул дядя Сева, засовывая под подушки правую руку и задыхаясь. Папа подхватил его сбоку, и они бросились вокруг здания, которое занимало целый квартал. Во всю длину этого квартала над их головами тянулся гигантский транспарант: "Привет участникам областного совещания педагогической общественности!"

Но спасатели опоздали. Несколько минутами раньше этот же путь проделал малорослый понурый мальчишка с болтающимся в левой руке пузатым портфелем и оттопыренным правым карманом. Он шагала как заведённый, будто не хотел, будто кто-то неумолимый и злой толкал его в спину. Он вяло дёрнул парадную дверь и побрёл вокруг театра. Вахтёр открыл ему служебный вход, заранее жалея бедного ребёнка, чьи родители, наверно, унесли единственный ключ и заседают сейчас в уютном зале, а дитя голодное. Но едва распахнулась дверь, дитя уложило на месте вахтёра, потом - оперативника из ОКОПа и побрело в боковой проход, опустив луч к полу.

В полутёмных коридорах мальчишка немного поблуждал, пока нашёл нужную дверь, и наконец пробрался за кулисы, оставив позади лежащими ещё троих, по чьим постам он и нащупывал верный путь. Он остановился, никем не замеченный, уперев луч в пол, и слушал выступление социолога. Ему очень понравились слова о необходимости как можно раньше приобщать детей к общественно полезному труду. Он кивнул, когда социолог сказал об ответственности нынешнего молодого поколения за будущее планеты. А когда раздались аплодисменты и социолог сошёл с трибуны, мальчишка с опущенным лучом вышел на сцену, и фонари рампы осветили его.

По залу прошло волнение. Кто-то засмеялся. Кто-то выразил удивление. Кто-то возмутился. Кто-то пошутил. Ход заседания нарушился.

- Ты, мальчик, кого ищешь? - спросили из президиума.

- Вас, - ответил мальчишка и, быстро оглянувшись, сразил лучом двух оперативников, двинувшихся было к нему. Потом подошёл к самой рампе.

Маленький остаток сил, которым располагал, Игнат вложил в голос. Он не догадался воспользоваться микрофоном и говорил изо всей мочи, чтобы услышали и на галёрке.

- Вы зря тут разговариваете! Кто делать будет? Надо всем идти и спасать, а вы только разговариваете!

Кто-то в зале засмеялся. Кто-то захолопал.

От всех дверей, по всем проходам к сцене бежали оперативники. Сзади по сцене тоже затопали быстрые ботинки.

- Всё зря! - тихо сказал Игнат и передвинул кнопку назад. С лёгким щелчком из ЛУСТА выдвинулся короткий матовый стержень...

Как раз в эту секунду в служебный, вход вбежали оба Малюхиных и великий учёный со своими подушками. Увидев вахтёра и оперативника, которые уже приходили в себя на полу, трое бросились по проходу, ещё надеясь успеть.

Но, как уже сказано, спасатели опоздали. Навстречу им из зала хлынул поток перепуганных людей, пришлось отступить в какую-то нишу, чтобы не смяли. Выбегающие приходили в себя уже на улице и скапливались на гранитной площадке перед театром. Некоторые мужчины пытались вернуться, но поток испуганных был непреодолим.

Люди теснились в коридоре, толкались и напирали, не видя друг друга и, казалось, не чувствуя самих себя. Только трое с двумя подушками спокойно стояли среди этого переполоха в своей нише, ожидая свободы передвижения: ведь всему на свете наступает конец.

Кончился и людской поток. Можно было действовать.

Они не стали заглядывать в зал. Достаточно жутко было и в удалённой от прямых лучей нише. Они сразу приступили к операции. Малюхин-старший выдернул из своих брюк длинный кожаный ремень. Великий учёный прижал к его голове с боков подушки, а папа стянул их ремнём и стал выглядеть так, будто у него болели одновременно и зубы, и уши. Потом они с дядей Севой: обнялись, и бывший десантник, с двумя парашютами на голове, бросился в опустевший зрительный зал, как бросался когда-то в небесную пустоту.

У Евгеша гудело в голове и стучало сердце. Он присел на корточки и закрыл глаза, чтобы не броситься вон.

Дядя Сева, тоже нервничая и тяжело дыша, начал разглядывать нишу, где они стояли, и вдруг гулко захохотал.

- Смотри, малец, куда мы попали! Трансформаторная подстанция!

Евгеша поднял глаза. На двери, у которой он присел, был нарисован человеческий череп, пробитый красной молнией. Самое место, подумал Евгеша, лучше не найдёшь. Но говорить об этом не хотелось.

Папа вышел через минуту. На голове у него всё ещё были подушки, на пальце болтался пузатый портфель, а карман брюк приятно оттопыривался. Перед собой он нёс Игната.

- Нашёл? Выключил? - дядя Сева бросился к нему, снял с пальца портфель.

Папа, конечно, ничего не слышал.

- Ходу, ходу, - он говорил, быстро шагая. - Спрячь портфель.

Дядя Сева сунул портфель под пиджаму и начал, наконец, её застёгивать.

Когда они вышли, толпа людей отшатнулась и расступилась. Вид папы, в подушках и с Игнатом на руках, производил, конечно, организующее впечатление.

Такси, ждало их. Водитель никого не сажал, хотя желающие убраться подальше готовы были разобрать машину.

Трое бухнулись на заднее сиденье, и сотня лошадиных сил понесла их прочь от театра.

- Его спасали? - только и спросил водитель.

- Его, - сказал дядя Сева.

- Конец "большой охоте", - сказал папа. С него сняли, наконец, подушки и принялись приводить в чувство четвёртого пассажира.

- Куда? - спросил водитель.

- Обратно в клинику, - вздохнул дядя Сева. И повернулся к Малюхину-старшему: - Володька, где ЛУСТ?

Папа приподнял Игната, лежавшего у него на коленях, и передал аппарат хозяину.

- Ну, что подушки, держали? - дядя Сева продолжал будить Игната.

- Как видишь, - папа ему помогал. - Но - на пределе. Когда уже за ним нагнулся, думал - упаду.

Немудрено, что мальчишку так срезало.

Игнат в это время открыл глаза.

- Ох, и спал же я, - сказал, он тихо.

- Спать бы тебе полгода, если б не Евгеша, - пошутил дядя Сева. - Прямо как в сказке.

- Женька, - пробормотал Игнат, - как ты меня нашёл?

- Братья Маковы сработали, - шепнул Евгеша. - Они из-за тебя в школу не ходили.

- Выследили, - Игнат был печален. - Я - дурак?

Евгеша кивнул.

- Теперь надо учиться, - сказал Игнат. - Срочно. Я нашёл научную работу. Как раз для меня. И говорить дают. И слушают хорошо...

- Ты помолчи пока, - сказал дядя Сева. - А то ещё умрёшь, а ты мне нужен.

- Зачем?

- Как зачем? Ты же - испытатель прибора, тебе цены нет. Молчи и береги силы для отчёта.

Но Игнат не мог молчать. Он улыбался Евгеше и звал глазами. Евгеша склонился.

- Жека, ты ко мне придёшь?
 Евгеша кивнул.
 - Летать охота, - снова зашептал Игнат. - А тебе?
 Евгеша снова кивнул.
 - Только лётчиком не буду, - Игнат, стал серьёзным. - Заставят яды распылять - куда денешься?
 - А кем же? Что за наука?
 - Социология. Расскажу потом. Приходи в больницу.
 Вдруг заговорил водитель.
 - Вот так веселее! - он кивнул на зеркало заднего вида.
 Пассажиры оглянулись. Потом переглянулись.
 - Что там? - спросил Игнат. Он всё ещё лежал.
 - "Волга" следом, - сказал Евгеша. - Не отстаёт.
 - Оторваться нельзя? - спросил дядя Сева озорно.
 - Не оторвёшься, - водитель усмехнулся. - Окоповцы. - И добавил для Игната: - Достанется тебе, парень.
 - За правду готов пострадать, - ответил Игнат. - Я уже исправляюсь.
 - А мы их перехитрим, - сказал таксист, въезжая во двор клиники. И остановил машину дверь в дверь у входа - больше никому не протиснуться. Папа с Игнатом на руках и дядя Сева с подушками исчезли в приёмном покое.
 - Ребятам привет! - успел крикнуть Игнат.
 Окоповцы забегали у машины, но шофёр делал вид, что копается под приборным щитком, будто налаживая свет, моргал фарами.
 Молодой окоповец застучал в окно. Таксист не спеша опустил немного стекло:
 - Занята машина.
 - ОКОП, - парень показал синее удостоверение. - Ваши водительские права.
 - Вам не могу, - таксист улыбнулся. - Только автоинспекции.
 - Ну, ты даёшь! - парень нахмурился. - Ты знаешь, что преступникам помогаешь?
 - Я больного привёз, - водитель стал суров. - Вот отъеду, сами разбирайтесь.
 Парень было рванул ручку водительской дверцы, но тогда таксист нахмурился и сунул ему под нос красное удостоверение.
 - Ходить в клинику не советую!
 Окоповец пригляделся к красному удостоверению, уважительно хмыкнул и отошёл.
 Из приёмного покоя появился довольный папа, сел рядом с Евгешей.
 - Ну, как он? - водитель тронул машину.
 - Сказали, что ребёнок плохо питался, - ответил папа. - Сказали, что много нервничал. Поэтому и заболел. Отец его уже там сидит. Почти трезвый... Нет, не могу, надо успокоиться. Остановите, пожалуйста. Тут всего пара километров, мы так дойдём. Дойдём, сын?
 Евгеша кивнул.
 - Спасибо вам за помощь, - сказал вдруг таксист и не взял денег. - У вас надёжный сын, Владимир Матвеевич.
 И машина с шашечками на борту умчалась.
 Тут же подъехала "Волга" с окоповцами.
 - Подвезти вас до дома?
 - Спасибо, - сказал Евгеша, - мы прогуляемся.
 Умчались и эти.
 Когда прошли с километр, Евгеша спросил:
 - Что ж они сразу не поймали Игната, если такие ловкие?
 - Вы тоже не лыком шиты, - папа засмеялся.
 - Игнат тебе нравится? - спросил Евгеша.
 - Нравится. Он путаник большой, но в нём есть ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО.
 - А что это?
 - Неужели не знаешь?
 - Я чувствую, а объяснить не могу.
 - А как ты чувствуешь?
 - Н-ну... НИКОГО НЕЛЬЗЯ УНИЖАТЬ... Что ещё?
 - Этого достаточно, - сказал папа. - Не унижать ни человека, ни зверя, ни травку. В Игнате это есть.
 - Но он же боролся ПРОТИВ ЛЮДЕЙ.
 - Не только. И ЗА ЛЮДЕЙ - тоже. Просто он спешит, вот и не получилось. Насильно ведь мил не будешь. Подучится, подрастёт.. Найдёт СВОЁ и род людской не посрамит.

- Он уже нашёл. Социологом будет. Пап, что такое социология?
- Он будет изучать человеческое общество. Он прав. Это - для него... А ты? Всё так же - в десант?
- Уже не знаю. Надо подумать и поискать.
- А что, - сказал папа, - вполне достойное занятие: ИСКАТЬ И ДУМАТЬ. Выходит, ты и в самом деле надёжный сын?
Евгеша пожал плечами.

Конец первой части.

Часть II СПАСАТЕЛИ

-Что за лист на вашем флаге?
-Дубовый. Разве не похож?
-А буквы что означают?
-Управление Охраны Природного Равновесия.
-Что-то не слышал о таком.
-Ещё услышите.

Письмо первое.

Академгородок, 19 декабря. Председателю Томского общественного комитета охраны порядка Дружбину В.И. Заведующему Томским отделом народного образования Сталоцину П.Е.

Уважаемые Владимир Иванович и Павел Ефимович! Во первых, как говорится, строках благодарю вас обоих за участие в моей никудышной судьбе. Я должен покаяться перед вами. Я ехал сюда без охоты и даже с намерением убежать. Но за два месяца осмотрелся и решил, что жить тут можно и даже совсем не плохо. Ребята нормальные, вроде меня, общий язык найти можно. В общем, простите, если чем обидел, и спасибо за вашу заботу.

Во-вторых, выполняю вашу просьбу - рассказать об училище. Конечно, я ещё многого не понимаю, но думаю, что плохому не учат. Хотя со стороны может показаться кое-что наоборот. Например, много занятий по различным боевым видам, как в какой-нибудь шпионско-диверсионной школе. Кому-то это нравится, кому-то - не очень, но говорят, что нужно. Учат управлять любыми машинами, которые умеют передвигаться - колёсными и гусеничными. Работаем с различными механизмами, изучаем их поломки и ремонт. Теорией в этих делах занимаемся мало. Общая и конечная задача - любым путём догнать и победить. Выпускники будут владеть даже лёгким самолётом и вертолётном, фантастика. Не поверил бы, если бы здесь не учился. Но все эти ремёсла - просто "семечки", подсобные навыки против браконьеров и им подобных. Так же, как и система выживания - в тайге, в тундре, в песках, в горах. Всем этим мы занимаемся для отдыха от умственных нагрузок. А главные науки - экономика, экология, социология, основы производств. Три первые науки вам знакомы, а последняя разработана специально для нас. Инспектор УОПР должен знать блок-схему любого производства, опасного для природы, и разбираться в устройстве так называемых "слабых мест" - регуляторов, задвижек, фильтров и тому подобного.

Вы спросите, а где же литература, история, математика и всё прочее, как же наше среднее образование? Нам тут сказали так: "Забудьте слово "средний". Вы все были в школе отличниками и отсюда вы отличниками выйдете. Но не средними, потому что "средний отличник" - глупость, такая же как "средний человек". Вы получите полный объём специальных знаний для вашей работы, а остальное через три года начнёте добирать сами".

Вот и всё, что могу рассказать. Не знаю, может, они загнули насчёт "всех отличников", но ребята действительно собрались один к одному. По два раза объяснять ничего не надо. И все - спортсмены.

К лету буду знать ещё больше. Приеду на практику - увидимся - расскажу. А пока желаю вам поменьше преступников и побольше отличников, пусть даже и "средних".

До встречи. Игнат Эвкалиптов.

Аналитема.

- Темников и Эвкалиптов! Схватка на задержание - пять минут!
Вся 112-я группа, в брезентовых борцовских костюмах, сгрудилась вокруг ковра.
- Мишка! Сгибай Лесину!
- Отхват ему! Входи в клинч!
- Игнат! Не подпускай его!
- Лесина! Достань его подсечкой!

Противники знали друг друга слишком хорошо, никто не мог взять верх.

- Олег Олегович! Опять будет ничья! Неинтересно...

- Ах, так? Потапов! Помоги Темникову!

Теперь против Игната боролись двое. Он вертелся как мог, но вскоре все трое упали и сплелись в клубок, из которого тут же высунулась рука и захлопала по ковру: "Есть!"

- Стоп! - Олег Олегович наклонился, вглядываясь. - Кто провёл болевой? Кто попался?

- Лесина!

- Потапов!

Игнат с Мишей встали раньше Игорька Потапова. Тот сидел и разминал правый локоть:

- Его на удержание не возьмёшь. Его только на удар...

- На удар его лучше не пробовать, - заметил серьёзно Олег Олегович. - Ну, все трое молодцы. Что у нас следующим уроком?

- Фотодело, - откликнулся кто-то вяло.

- Не советую манкировать, - быстро среагировал Олег Олегович. - Весьма нужное умение. Учтите: на втором курсе - кинодело, потом - видеосъёмка, сложность по нарастающей. Так что, если кто чувствует себя неуверенно - не расслабляйтесь. Остальным - самоподготовка.

Толковый человек этот Оля-Оля. Два высших образования. Два первых разряда. Специальностей всяких... Почти Мэри Попинс, только не летает. Да и то, наверно, просто пока скрывает, а курсе на третьем возьмёт да и начнёт показывать. А потом: "Темников и Эвкалиптов, высота три метра над ковром - воздушный бой на задержание!" Но это лирика, а пока надо успеть с вопросом. Игнат тронул групп-мастера за плечо:

- Олег Олегович, можно спросить?

- Давай.

- Кто мы больше - бой-скауты или суперкинды?

Быстрее всех развивается этот Эвкалиптов. Приехал с прозвищем Пенёк, а теперь - выше всех в группе. Рост, реакция, сила, память, быстрота ума - всё при нём. Будет толк.

- Этим бой-скаутам, Игнат, до вас, как... А впрочем... Ребята! Внимание! Есть аналитема. Игнат, можно?

Хитёр Оля-Оля! Как же нельзя, если сам объявил аналитему? Все обернулись к ним.

- Ребята, вот Игнат задался вопросом: кто вы больше - бойскауты или суперкинды?

Короткая пауза - новые слова! - потом общий шум:

- А кто такие бой-скауты?

- А суперкинды - это ничего!..

- Лесина, сам придумал?

Олег Олегович поднял руку:

- Задание до конца недели: прочесть книгу о скаутинге - в библиотеке есть. Проведём семинар. Загляну к вам на самоподготовку.

Он вышел из зала, размышляя, каким способом группа будет изучать скаутинг: читать книгу по очереди, читать её вслух на самоподготовке, демонстрируя картинки через проектор, или сэкономят время по-другому.

Группа тем временем окружила Игната.

- Лесина, ты эту книгу читал?

- Читал.

- Теперь нам перескажешь.

- Ладно.

- Она с картинками?

- Ого!

- Тогда беги за ней! А мы подготовим проектор.

Никто не сомневается в Игнатовой памяти и каждый уверен в своей. Одно слово - отличники. Хотя и хулиганы. Но - бывшие. И отличники, и хулиганы - бывшие. Теперь - нормальные люди при своём деле.

Кто мы?

Книжка была старинная, изданная в начале двадцатого века. Игнат проектировал на стену рисунки, на которых ребята в короткой одежде и с палками маршировали, разводили костры, дрались, не роняя панамок, оказывали друг другу помощь и, в общем, всё - по тем временам - умели. Игнат пересказал их законы, весьма схожие с пионерскими, и добавил к этому свежие сведения из энциклопедии - сколько в мире скаутов, где их штаб-квартиры да какие у них печатные издания.

- И всё? - спросили бывшие отличники-хулиганы. - Какая ж тут аналитема? Ты провокатор, Лесина, тут нечего обсуждать. Нас готовят в супермены, а не в бургеры. Стало быть, мы - суперкинды.

- Вы - хвастуны, - сказал им Миша Темников. - Система выживания у них действительно похожа, и на первом курсе мы от них действительно недалеко...

- Это они от нас недалеко, - ответили хвастуны. - Нечего тут защищать твоего дружка, мы всё равно вас обоих любим.

Игнат хмурился и о чём-то озадаченно думал.

- Ты огорчён? - Миша толкнул его в бок. - А бой-скауты действительно против нас - детский садик.

- В том-то и дело, - пробормотал Игнат.

- Ну а что?

- Я ещё не додумал. Потом.

- Ты давно об этом думаешь.

- Заметно? И что же?

- Голову не сломай. - И Миша сменил тему. - Кстати, тебе письмо. С утра забываю отдать.

Немудрено, подумал Игнат. Весь учебный год спать по шесть часов - при таких нагрузках - сам себя забудешь.

Игнат немного лукавил. Никто здесь вслух на жизнь не жаловался. Наоборот, жаловались, что день короткий. Но это тоже заставляло его задумываться. А Миша - он просто от природы был несколько рассеян, потому что писал стихи.

Письмо второе.

(Сохранена авторская орфография)

Здравствуй дорогой мой сынок Игнат!!

Пишет тебе твой непутёвый папка. В среду получил от тебя открытку с майским праздником за которую тебе большое спасибо. Жаль что мало пишешь о себе. Всётаки уже почти год как ты живёшь в Академ городке. Я даже не представляю какой ты стал. Жаль что не разрешаешь приехать. Я хотел тебе купить чтонибудь из вещей, но боюсь что не угадаю твой размер. Вот приедешь летом тогда тебя оденем. Ты сынок я знаю на меня за всё в обиде, но ты прости меня ведь я уже совсем другой человек. Как говорится лучше поздно чем никогда. Я сначала боялся тебе писать думал не поверишь и будешь смеяться, но это правда. Дело в том что я бросил пить. Это произошло странно, но ты мне поверь. Я сначала сам не верил, но теперь приходится верить. Мы сидели с мужиками так месяца через два после твоего отъезда. Был обед и мы как всегда взяли пару бутылок водки. Для аппетита. Вот видишь сынок я ничего от тебя не скрываю. Хоть тебе и неприятно такое читать, но ты потерпи дальше будет интересно. Мы сидели на складе. Я разлил по стаканам. И тут хлопнула дверь. Входная. Я пошёл и закрыл дверь чтобы не мешали, а стакан поставил на холодильник "Океан" в упаковке на планку. А когда пошёл назад то смотрю воробей. Они всегда по складу летают там кругом щели. Чирик-чирик и к стакану и на лету толкнул его на пол. Пол бетонный стакан разбился и вся моя водка разлилась по полу. Я даже не поверил как такое может воробей, но я сынок сам всё видел своими глазами и мужики могут подтвердить я ведь и сейчас там работаю только больше не пью. Мужики значит смотрят и смеются, а мне почемуто стало не по себе. А Николай Щербинин говорит смехом что это тебе тёзка знак чтобы завязывал. Чтобы пить завязывал. И я сынок завязал. Не со страху, а както по желанию. Бросил я сынок легко не мучился. И не манит. Пива только выпью когда с мужиками и всё. Курить правда бросить не могу. Нет такого воробья. Ты же знаешь что эта привычка курить у меня со службы в Белорусии когда мы там разминировали старые с войны немецкие и наши склады боеприпасов бросить не могу ты уж извени. Как вспомню ребят так курю потому что я живой, а они некоторые остались там навсегда. Я тебе сынок пишу всё как взрослому и надеюсь что ты меня простишь и поймёшь. Ведь мы с тобой на всём свете одни. Мамки нашей совсем след потерялся. Как уехала так с концом. Может её уже и похоронили где без вести не знаю. Вот так сынок люди пьют и пропадают и хорошо что ты не такой и учишься в специальной школе. Я так всем и говорю что Игнат в Академ городке, а соседи не верят он у тебя в спецшколе, а это они думают тюрьма для малолетних. Ты бы написал сынок подробнее чтобы я мог им этим письмом утереть нос. Бросив пить я сынок стал читать журналы и книги из твоей личной библиотеки. Я читаю всё аккуратно и ставлю на своё место и особенно те места где ты подчёркивал. Ты всё очень правильно подчёркивал. Ты у меня всё понимаешь лучше чем по радио. Купил тебе хорошую кровать вместо кушетки стол двухтумбовый новый настольную лампу на гибкой ножке очень удобную для чтения телевизор "Радуга" шифоньер и новые стулья. Себе сынок ничего не покупаю. Мне ничего не нужно. Картинки которыми ты оклеил у себя стену я завесил новым ковриком потому, что из-за них я стал бояться что завтра начнётся война или катастрофа поэтому с каждой полочки и с аванса покупаю понемногу чтобы не создавать паники соль спички свечи и для тебя сахар. Боюсь как бы сахар не поели мыши наставил мышеловок, а приедешь сынок заведём кошку какая тебе понравится. Ты сынок не смейся я сам смеюсь, а поделаться с собой ничего не могу так подействовали твои картинки когда я стал читать и над ними думать. Новостей у нас больше никаких. Евгешу твоего встречал звал заходи в гости,

но он видно стесняется. Да! ещё из-за того скандала с твоим лучевым устройством был исполком. Гаражников обязали восстановить зелёные насаждения и они в марте пригнали ямобур и сажали берёзки. Не знаю как примутся, но много.

Теперь о твоём заказе. Задал ты нам сынок работы. Вот видишь пригодятся для вашего похода мои припасы. И спички и соль и твой сахар. Но теперь деньги мне нужны для другого дела. Я договорился на базе чтобы взять для тебя "Фотоснайпер". Там фотоаппарат и два объектива. Скоро поступят сразу возьму. И Владимир Матвеевич папа твоего друга Евгеша тоже какой-то аппарат хочет ему купить. Конечно нужно в патруле. И плёнку мы закупили вместе на базе потому что в магазинах не было 50 шт. с новыми кассетами. Да! Сынок! Малюхины очень хорошие люди ты с ними дружи. А как Евгеша любит своего отца! Они настоящие друзья. Ну да ладно. Плот конечно будет без единого гвоздя потому что камеры могут проколоться. Доски двадцатку и брусок Владимир Матвеевич выписал у себя на работе. Он переделал ваш чертёж так что теперь вместо 16 покрышек хватит 8-ми. Надо их только обрезать. Он вообще много помогает с Евгешей настоящий мастер и сын такой же растёт. Вещи Евгешины походные хранятся у меня чтобы не волновать свою мать потому что у них в июле будет маленький. Решили назвать мальчика Семой как того воробья из сказки, а если девочка то Олечка. Имена придумывали вместе очень дружная семья. Ну да ладно. Да! Приезжал на мотоцикле из аэроклуба Коля Виш с которым ты летал на планере. Привёз 100м. троса стального тонкого 4мм. и сказал чего будет надо обращайтесь дадим рабсилу. У них закрыли аэродром, но они ищут новую площадку. Коля ездит на мотоцикле по лесам худой и чёрный в лётной кожанке и шлеме. Говорит заново аэродром построим и будем летать. Ещё сынок приходила очень красивая девочка Евгешина подружка, а с ней два мальчика близняшки беленький и чёрненький. Спрашивали когда приедешь и передавали привет. Проявили к вашему походу интерес, но я сказал что плот маленький все не вместится. Сынок! Не надо брать в плавание девочку. Даже если её отпустят родные. Послушайся меня я знаю. С ней была ещё собачка Тузик. Чёрная лохматая очень умная. Вот собачку с собой возьмите, а девочку не надо. Ну вот и все наши дела. Деньги на одежду отложены неприкосновенно ждут тебя.

Крепко тебя целую дорогой мой сынок. Твой папка.

Лето будет жарким.

Пятьсот стояли на плацу, разделённые на три боевые "коробки". Первый курс, под узким флагом - на левом фланге. У второго курса полотнище вдвое шире. У третьего шире ещё на треть. Форма у всех одинаковая - брюки, куртка и панамы из пятнистого непромокаемого брезента. Разные только отличительные курсовые знаки на панамах и рукавах, да и то лишь по цвету: дубовый листок, похожий на сильное дерево под ветром. У первокурсников он, конечно, зелёный, у второго курса - жёлтый, у выпускников, разумеется, красный. Мягкие ботинки на толстой подошве имели вместо застёжек резиновые вставки, как на флоте, для быстроты надевания и лёгкости сбрасывания. В такой форме трудно сохранять позу "смирно", особенно если ты "трудный подросток". Хочется спешить навстречу испытаниям.

Сильный майский ветер, выдувая из Сибири остатки зимы, победно хлопал широким флагом училища, который выносили на плац трое курсантов - по одному от курса. Складывались, вытягивались, трепетали четыре золотые буквы УОПР, дугой охватывающие красный лист на белом шёлке. Метались на своих полотнищах над "коробками" три курсовых листочка - зелёный, жёлтый и красный. Пятьсот пар глаз горели торжеством момента.

Директор училища, кандидат биологических наук Игорь Трофимович Лозовой, не отрывая руку от панамы, скосил глаза на заведующего учебной частью. Ренат Рашидович Городецкий, всего четыре года назад заведовавший в университете социологической лабораторией, стоял по-штатски мешковато, широко улыбался и тоже косился на Лозового.

- Вот у нас и батальон, - услышал Ренат Рашидович сквозь дробь барабана.

- Экобат! - Городецкий любил давать названия.

- А что, завуч, годится! - И дождавшись, когда знамя остановится, а барабан стихнет, директор скомандовал в мегафон: - Эко-ба-а-ат! Вольно!

Две секунды молчания, потом - довольный смешок в рядах: новое определение поняли и, кажется, приняли. Заулыбались и преподаватели с групп-мастерами, стоявшие подле директора и завуча.

- Не ввести ли зачёт по юмору? - быстро спросил завуча Лозовой.

- Нет нужды. К нам без юмора не попадают.

Директор улыбнулся и поднял руку. Стало тихо.

- Учебный год окончен! Впереди каникулы! Поздравляю!

Кто-то из задних рядов скомандовал: "Раз!" и над строем коротко взорвалось: "Ура!"

- Радость вашу, - продолжал директор, - я понимаю так, что каникулы - это не безделье, а как раз возможность каждому работать так, как ему нравится. Ибо едва человек перестаёт работать, как в его повадках появляются обезьяньи признаки. На каком курсе это проходили?

- На первом! - отозвался экобат.

- Не сомневаюсь, что это в вас на всю жизнь, и передаю слово заведующему учебной частью, Ренату Рашидовичу.

Мальчишки в строю заулыбались, и корреспондент, который стоял с блокнотом наготове, сделал запись: "Детки любят завуча". Секунду подумав, он добавил: "Есть, однако, среди этих деток такие молодцы... Хотя даже выпускникам едва по семнадцати лет. Как они здесь любят выражаться: "мы - обыкновенная школа".

- Ребятки! - Завуч машинально шагнул к строю, будто хотел всех своих питомцев погладить по головке. - Я, как всегда, сделаю небольшой инструктаж, поэтому слушайте хорошенько. Для начала - о текущем моменте. Он по-прежнему тревожный. Браконьеры шkodят, предприятия шалют, неорганизованные граждане шютят с огнём - горят леса и степи. Словом, на планете - глобальный беспорядок, и всё это ждёт нашего вмешательства. Поэтому Управление Охраны Природного Равновесия, - он ткнул короткой рукой в сторону четырёх букв на белом знамени, - расширяет свою деятельность. Наше училище, - он снова указал на знамя, чем вызвал улыбки, - скоро перестанет быть единственным в Управлении. Одно такое же училище готовится к открытию на Дальнем Востоке, в другое начат набор таких же сорванцов, как вы, в Европейской части страны. Пока нас батальон, а будет целый экополк! - Он переждал короткое "Ура!" и продолжал: - Управление завязало тесные контакты с родственными организациями обоих полушарий - во многих странах. Недалёк тот день, когда откроется первый в мире Институт Охраны Природного Равновесия, и для выпускников нашего училища там всегда все двери будут открыты настежь: хочешь - учишься, хочешь - получишь консультацию, а то и преподавать там кто-то из вас будет... - Ренат Рашидович перевёл дух. - Это, так сказать, светлое будущее. А на нынешнее лето планы у нас с вами вот какие. Все проведут лето в составе экологических патрулей. Это полновесная производственная практика, о ней надлежит каждому в конце лета привезти отчёт в виде полевого дневника. Вести его можно в любой литературной форме, хоть в стихах, и в любой тетради (удобнее - в карманных блокнотах), но обязательно ежедневно, очень желательно, чтобы подробно, и весьма хотелось бы складного изложения - как у Обручева, Арсеньева, Кусто, Хейердала, Рериха... Словом, не просто описывайте, а ещё обдумывайте, выводы делайте, ищите идеи - и сразу записывайте. Помните, ребятки: хорошая мысль - как дорогой и неожиданный гость. Не предложешь ей сесть - постоит да и уйдёт. И не всегда догонишь. Вот поэтому записывайте сразу и работайте простым карандашом - он надёжнее всего.

Завуч несколько увлёкся технологией: её все давно знали и потому начали переминаясь с ноги на ногу. Он это заметил.

- Что, замучил наставлениями? Тогда слушайте дальше, самую суть. У первокурсников патруль наблюдательный. Это значит, что вы записываете, зарисовываете и фотографируете по пути все нарушения природного равновесия - как естественные, так и рукотворные. Описав, делаете вывод о причинах: "стихийное бедствие", "деятельность человека", "постепенное разрушение" и так далее. И там же пытаетесь определить выход: как восстановить равновесие. Вмешательство в процессы вашей задачей пока не является. Но и не возбраняется. Если вмешались, тоже запишите и сделайте анализ. Вопросы есть?

- Нет!

Они и это уже знали, но понимали, что завуч старается для телевидения, которое впервые их снимает, поэтому терпели.

- Второй курс, - продолжал Ренат Рашидович, - отправляется на созидательную практику. Так сказать, у первого курса - разведка, а у вас - разведка боем. Оформлены будете в егерских и рыбоохранных организациях, ваш заработок они перечислят в специальный фонд УОПР - на исследовательские работы, а от вас, мальчишки, потребуются вся ваша наблюдательность и вся ваша честность. То, что люди - не ангелы, вам хорошо известно.

Экобат засмеялся и задвигался, вспоминая прошлое.

- И то, что лес и реку охраняют сегодня не всегда самые кристальные энтузиасты, тоже не государственная тайна. Но с этими людьми вам предстоит в будущем работать, поэтому сейчас изучайте их, старайтесь понять их поступки умом социолога, старайтесь увидеть в них доброе, учитесь у них доброму и - всё заносите в полевой дневник. Вот тут важная тонкость: необходимо принять все меры к его неприкосновенности. Только напоминаю, - завуч возвысил голос, - у кого министерство обороны превратится в министерство нападения, тот нам больше не друг, не товарищ и не брат. Главная заповедь:

- Живи природно и будь человечен! - грянули пятьсот голосов.

- Ну, молодцы. Вам можно доверить судьбу отечества. А наше отечество...

- Всё человечество!

- Вот и славно. А теперь самое приятное. Мне доверено первым поздравить наших первых выпускников с успешным окончанием училища!

- Ур-р-р-а-а-а!

"Батальонное "ура" - это громко и грозно, - записал корреспондент. - Каково-то будет полковое?"

- Я рад отметить, - продолжал Ренат Рашидович, - что за три года наши выпускники не потеряли ни одного человека, хотя им, первым, было труднее всех. Но, может быть, секрет прочности - именно в трудностях? Жизнь показывает, что так оно и есть. Тогда, мои дорогие, от имени всех учителей ваших обещаю вам, что никогда у курсантов УОПР не будет лёгкой жизни!

"Общий хохот и аплодисменты", - записал корреспондент прыгающими буквами.

- И мы все обещаем вам, нашим первым... орлам, а не ласточкам, что никогда из стен этого училища не выйдет человек, недостойный нашего красного листочка! Обещаем?

- Обещаем!!!

- Дорогие первые инспекторы УОПР! На днях вы разъедетесь по промышленным предприятиям, по лесным хозяйствам, заповедникам - лучше сказать: по жизни нашей многотрудной. Вас пока отчаянно мало, работать придётся тяжело, будут приступы отчаяния и одиночества. Но вы - не гвоздики, навек забитые, чтобы ржаветь. Вы - первые узлы той крепкой сети, которая постепенно станет бронёй планеты. Поэтому постоянно будьте на связи, пишите нам и друг другу, звоните и приезжайте.

- И не переставайте учиться! - крикнул кто-то из мастеров.

- Да! - Завуч рубанул воздух короткой рукой. - Состояния покоя в природе нет. Есть движение - вперёд или назад. Нам выбирать не приходится. Наша задача:

- Спасти планету!

- А потому - только вперёд! Удачи и побед вам!

- Ур-р-ра-а-а!

"Словом, обычный выпуск обычной школы", - записал корреспондент.

Завуч шагнул назад.

- Экоба-а-ат! - загремел голос директора училища. - Смирно!

Игнат вскинул перед собой белый флаг с зелёным листком и сосредоточился, как перед прыжком с парашютной вышки. Сейчас ему надо идти впереди курса, и ребята будут подстраивать шаг под него.

- К торжественному маршу перед выпускниками - первые два курса, напrr-ра - во!.. Шагом... марш!

"Чудо! - записал корреспондент. - Впервые вижу батальон, марширующий совершенно бесшумно. Вот это походочка!"

Невдалеке что-то подобное бормотал в микрофон редактор телевизионных новостей.

Но в ту же секунду из середины первого курса острым металлом зазвенел на ветру голос Миши Темникова:

Через тысячу веков

На тарелке из-под каши

К вам сойдут из облаков

Рас-пра-правнучата наши.

Сто парсеков позади, - подхватили пятьсот глоток, -

И неделя световая.

Вон планета, погляди:

Может быть, она жива-а-ая?

- Вот они, наши шестнадцать лет! - Игорь Трофимович повернулся к завучу.

- Жалко, - Ренат Рашидович вздохнул. - Мы с тобой сначала учились, потом размышляли, теперь сами учим, а подвиги - все им.

- М-да, - Лозовой не мог по-настоящему сосредоточиться на разговоре, потому что держал руку у панамы и наблюдал парад. - Может быть, ты в чём-то и прав...

Тем временем выпускники, которые тоже принимали парад, дружно повернулись направо и пристроились в хвост колонны. Уже их запевала громыхнул ломающимся баритоном:

Мы в Галактике одни.

Где найти живую душу?

Кто сберёт и сохранил

Воздух, воду, сушу?

Сто парсеков, два нуля, - подхватил строй, -

И неделя световая.

Разлюбезная Земля,

До чего же ты жива-а-ая!

- Это ж надо! - Строй прошёл, Игорь Трофимович опустил руку. - Сто парсеков с двумя нулями да ещё световая неделя - на меньшее не согласны! Да-а, подвиги - это для них...

Все учителя пошли за бесшумной колонной к четырёхэтажному учебному корпусу. Там должно было сейчас начаться торжество вручения дипломов.

- Олег Олегович! - Лозовой окликнул ближе всех шагнувшего Пирожкова. - О чём думаешь?

- Страшные мысли, - Пирожков приблизился. - Думаю, в чём смысл существования нашего поколения? Между прекрасным будущим и кошмарным прошлым...

Директор с завучем переглянулись.

- До чего же додумался? - спросил Ренат Рашидович. - Что в жизни всегда есть место подвигам?

- Есть, конечно, - Оля-Оля усмехнулся. - Только в одной побольше, в другой - поменьше... Мы-то с вами готовим, кажется, к подвигам других. Или к героической гибели.

- Это тебя и пугает?

- Так ведь жалко. Любого жалко, а этих - особенно.

- Этих так просто не возьмёшь, - успокоил директор. - Они - как старик Сантьяго у Хемингуэя: "Я предпочитаю быть точным в своём деле, и когда удача придёт, я буду к ней готов".

- И у Симонова, - добавил завуч: - "Из того, кто ничего не любит и ничего не помнит, можно сделать самоубийцу, но нельзя сделать бойца". Наши - отчётливые бойцы!

- А-а-а, это уже из Толстого, - Оля-Оля улыбнулся всё же без особого веселья. - Как русские русских убивали... Спасибо, командиры, вы меня утешили. Однако я для этих ребят ещё кое-что намерен сделать...

Несколько шагов прошли молча.

- Что же? - не выдержал Лозовой.

- Я за них молиться буду.

- Думаешь, поможет?

- Мои молитвы помогут обязательно.

- Почему именно твои?

- Потому что я - атеист.

Динамики в вестибюле ревели во всю мочь. Оркестр исполнял те же "Сто парсеков", только пела Любаша Белкова из подшефного полеводческого интерната и - в ритме вальса.

Игнат задумчив.

- Хороший был вечер, - сказала Любаша.

- Почему был? - Миша засмеялся. - И сейчас хороший. И ветер кончился, как на заказ.

- Да я о выпускном, - Любаша тоже засмеялась. - Мальчишки ваши такие солидные. И музыка хорошая... Игнат, только я не разобралась, кто из вас лучше танцует - ты или Мишутка?

- Что? - Игнат оторвался от каких-то мыслей. - А-а, конечно, я. Только я не стараюсь, поэтому у Миши всегда получается лучше. - И тоже засмеялся.

- Почему же ты не стараешься? - Любаша заглядывала в глаза.

- У меня такой характер.

- Какой?

- Я только там стараюсь, где не получается. А как стало получаться, мне дальше неинтересно.

- Ты делаешь только то, что интересно?

- Он хотел бы, - сказал Миша, - да у него не получается.

- А если получится, - Любаша даже остановилась, - тогда и жить станет неинтересно? То есть - всё на свете?

Игнат ответил не сразу. Он постоял, качая головой, и пошёл дальше. Только через минуту сказал:

- Не знаю. Не думал я об этом. Но занятно. Если осилю, я тебе напишу. Или после практики расскажу.

- Лучше напиши. Так интереснее. Совхоз "Ударный". Ладно?

- Напишем, - пообещал Миша.

- А ты, - сказала ему Любаша, - чтобы привёз новую песенку. - Только не такую строевую, как эти "Сто парсеков". Что-нибудь лирическое.

- Ты строевую заставила переделывать в вальс. Во что же ты превратишь лирическую?

- В колыбельную! И буду петь Игнату. Чтобы спал крепче. Смотри, засыпает на ходу!

- Засыпает? - Игнат снова оторвался от своих мыслей. - Нет.

- А где же ты?

- Вот он я.

- Он уже дома, в Томске, - сказал Миша.

- Его там девочка красивая ждёт, - подхватила Любаша.

- И умная, - добавил Игнат спокойно. - Только не моя и не ждёт. То есть, ждёт, но не меня.

- Это ужасно, - сказала Любаша без всякого сожаления. - Чья же она?
- Она выйдет замуж за моего друга, - ответил Игнат уверенно.
- За Евгешу? - спросил Миша. Игнат кивнул.
- Так ты из-за этого такой смурной? - спросила Любаша.
- Нет! - Игнат наконец улыбнулся. - Если бы из-за этого, я бы об этом молчал, верно?
- А из-за чего?
- Я пока и об этом помолчу. Давно думаю, но ещё не разобрался. Может, и не разберусь. Но надеюсь.
- Когда разберёшься, - попросила Любаша, - напиши мне.
- Напишу.

Любаша шла между ними. Она взяла обоих под руки. Игнат этого не заметил, Миша задрал нос, а она прошла чинно несколько шагов и вдруг: "Хоба!" - поджала ноги, вытянула их перед собой и повисла, как на парашюте. Её не уронили и засмеялись.

- Вот сошлют тебя после училища в деревню, - сказал Миша, - пропадёшь без своего парашютизма.
- Пропаду, - Любаша вздохнула, но продолжала висеть. - А я и в земле копать люблю. Бросаешь зёрнышко - вырастает чудо!
- А в Томске, - сказал Миша, - есть аэроклуб. Да, Игнат?
- Что? Нет, его закрыли.
- Но ведь не совсем? - Любаша приземлилась в огорчении.
- Ребята сами восстанавливают. Может, получится.
- Вот! - Любаша снова повисла. - Туда я и поеду работать! Буду заниматься пригородным полеводством и парашютизмом.

Вдруг она резко встала и всмотрелась в полумрак.

- Мальчики, дальше пойду одна.
- Вот ещё, - сказал Миша. - Последний вечер...
- Там наши механизаторы, - сказала Любаша тревожно.
- Вон те? - Миша тоже всмотрелся. - Всего четверо?

Четыре дюжие фигуры выступили из тени и двинулись навстречу.

- Я вас прошу, - Любаша коротко сжала их локти и выскользнула из своего "парашюта", - не связывайтесь. Они все штангисты.

- Фи, штангисты! - Миша прыснул.
- Мальчики, я приказываю! А то навек обижусь!
- Ладно, до осени, - сказал Игнат, выходя из задумчивости. - Пошли, домой.
- Ладно, до осени, - вздохнул Миша. - Песенка за мной.
- Лирическая! - уже им в спину. - Пишите!
- Стой, питоны! - раздался сзади негромкий басок. - Учить будем!

Бежали сначала небыстро, слушая близкий топот штангистов. Потом оглянулись, чтобы посмотреть, не ушла ли Любаша. Нет, стояла нарочно на свету и наблюдала. Пришлось отказаться от "ученья" и сделать рывок, придерживая пятнистые панамы и не глядя друг на друга.

За квартал до училища пошли шагом, чтобы успокоить дыхание.

- Противно, - сказал Миша.
- Противно, - согласился Игнат. - Зато мне явилась одна мысль.
- Оправдательная?
- Перед кем нам оправдываться? Объяснительная.
- Всё-таки убежали...
- Если мы сильнее их, то наше бегство надо не оправдывать, а объяснять.
- Ну и чем же? Жалостью?

- Представь себе - да. Хорошо вооружённый может убежать не от страха, а от жалости. Чтобы не навредить слишком. Чистая психология.

- Ха-ха! - сказал Миша. - Может, ты и от жалости убежал, а лично я - от страха! Любашкино слово твёрже любого кулака.

- Да-да, верно, - Игнат улыбнулся и тут же вернулся в себя.
- Но всё равно противно, - пробормотал Миша.

Приговор или диагноз?

Уезжали вечером следующего дня. Миша всё страдал, не будет ли их считать слабаками Любаша после вчерашнего убегания. Это словечко - "убегание" - его устраивало больше, чем "бегство".

Но дозвониться до Любашы не удалось: всему училищу вдруг понадобился телефон, и с утра у всех аппаратов толпились будущие герои, сдержанно поругивая подшефных полеводов, которым механизаторы, наверно, не позволяют снимать трубку.

Вспоминая механизаторов, Миша разогревал себя ироническими рассуждениями:

- По двое на одного они все мастера, только потом почему-то притворяются дистрофанами. Ох, повезло вчера мальчишкам, что она не ушла...

И тому подобное.

Пятнистая одежда лежала теперь в рюкзаках, и узнать уопровцев можно было только по мягким движениям да по значку-листочку, переколотому с панамы на ворот рубахи. Игнат с Мишей поклонялись по вокзалу, проводили нескольких своих ребят, которые уехали на более ранних поездах, и наконец сами вошли в желанное купе, где ехал всего один пассажир, который к тому же спал.

Побросав рюкзаки наверх, вышли в коридор.

- Постели надо? - приостановился молодой проводник.

- Зачем? Пол-ночи...

- А они всё равно кончились! - проводник хихикнул и ушёл.

- Странный парень, - сказал Игнат.

- Не страннее тебя, - быстро ответил Миша. И сразу насел: - Не дам спать, пока всё не узнаю.

Говори, чем болен?

- Ладно, - Игнат вздохнул. - Дело общее, давай разбираться. Прямо аналитема. Только сначала вот что: расскажи мне, как ты попал в училище. А потом я.

- Познакомимся наконец по-настоящему, - Миша засмеялся. - А то ведь в самом деле: от подъёма да от боя - всё бегом. Ну, слушай.

РАССКАЗ МИШИ ТЕМНИКОВА

Рос я тихим поэтическим ребёнком. Но во мне водились черти. Я потрясал учителей своих и товарищей своих, читая им наизусть "Руслана и Людмилу", "Беглеца", "Блэк энд уайт", "Суд памяти" и ещё многое. Все эти вещи воспитали во мне обострённое чувство справедливости. Хотя вполне допускаю, что чувство было врождённым, а они его только развили. Рубаи Омара Хайяма воспитали - или развили - моё чувство юмора пополам со скорбью о бессмертии. Там было столько пищи для алчного тринадцатилетнего умишки, что однажды я решился и продекламировал:

Чтоб мудро жизнь прожить,

Знать надобно немало.

Два ценных правила запомни для начала:

Ты лучше голодай, чем что попало есть,

И лучше будь один,

Чем вместе с кем попало.

Это было на открытом уроке литературы. Проверяющим стало интересно и они спросили, знаю ли я ещё из Хайяма. Мне показалось, что со мной заговорили на моём языке, и я сдуру открыл фонтан. Начал с философии бытия:

Я мир сравнил бы с шахматной доской:

То день, то ночь. А пешки - мы с тобой.

Подвигают, притиснут и побьют

И в тёмный ящик сунут на покой.

Они встревожились, а я не заметил и давай сыпать - о любви, о выпивке... Остановили. Поблагодарили. Всё вежливо. Потом отца в школу вызывали. А он у меня человек без проблем, лесоруб с большим таёжным стажем. Знаешь, "эге-гей, привыкли руки к топорам!" Научил меня любить и поэзию, и философию, и свободу, и школу уважать, и родительский покой ценить...

Но черти во мне уже разбудили тайную страсть, а тайные страсти в страданиях только закаляются. Не уловил, правда, как она возникла, но точно помню, что обнаружил её внезапно, готовенькую - когда уже были собраны и вырезки, и выписки, и журналы, и книги. Наш лесоруб живёт не бедно, а книги и прочее, что нужно, завозили в достатке. Смотрю, а я уже и читаю выборочно, и в телепрограмме знаю, что искать. Словом, за год до училища, почти в день своего четырнадцатилетия, я обнаружил, что природа в опасности, что скоро не будет шуметь ветер в кедрах, перестанут падать на землю семена, не будут щёлкать листья осин, кончатся навек подосиновики, исчезнут подснежники, кандыки, жарки, бабочки, снегири и клесты. Останутся только опята на гнилых пнях да дятлы на сушинах, и от них по всей пустыне - сухой долбёж. Видел я раз такую картину в горелом лесу, между нефтепромыслами. А виной тому, как я понял, - машинная цивилизация. Пришёл к выводу, что пора возродить движение разрушителей машин - луддиты, кажется? - и приступил немедленно.

Только, в силу мечтательности и тихости своего нрава, не мог же я схватить зубило, молоток и - вперёд! Я был тонкий и интеллектуальный сын лесоруба. В ту минуту, когда батянька в очередной раз заправлял свой ремень обратно в брюки, у меня родились первые стихи протеста. Форму подсказал великий Хайям:

Привет, товарищ лесоруб!
Ты так силен, и груб, и глуп,
Что превратишь тайгу в пустыню
И сам в пустыне будешь труп.

Зная об успехах дактилоскопии, я надел рукавички, вырезал ножом из альбома для рисования два листа, разделил каждый на четыре части, запечатлел на каждой листовке печатными буквами свой шедевр и незаметно опустил одну в почтовый ящик, который был прибит к магазину, другую - в служебный почтовый ящик на конторе леспромхоза, потом - в свой домашний почтовый ящик, потом - директору леспромхоза и ещё четыре - кому попало наугад.

Для посёлка, где всего четыре тысячи жителей, считая детей и стариков, это обещало скандал. И скандал состоялся. Было расследование. Но так как печатные буквы ни с чьим почерком не сравнишь, дело для первого раза прикрыли, оставив печать подозрения на нескольких сосланных к нам тунеядцах. Впрочем, они вполне успешно перевоспитывались в наших лесосеках и на подозрение обиделись. Меня подозревал один батянька, но допрос провёл без особого пристрастия, потому что суть листовки ему пришлось по душе. Он сказал, что и в самом деле надо выступить на профсоюзном собрании, чтобы кончали рубить подряд и особенно по берегам рек, а то действительно превратим лёгкие планеты в Сахару.

На профсоюзном собрании он выступил с моей листовкой в руках, и многие рабочие его поддержали, но мер никто не принял, потому что план, как всегда, - любой ценой.

Меня, однако, народное понимание воодушевило. Обличительные рубаи посыпались, будто я всю жизнь только их и писал. Например, идею с "товарищем лесорубом" и тайгой я расширил до всепланетного масштаба:

Товарищ! Друг! Ты разве вошь?
По чьей планете ты ползёшь?
Её до смерти закусаешь
И сам же с нею пропадёшь!

После этой листовки следствие возобновилось, разговоры пошли снова о бывших тунеядцах. Те прибегли к круговой поруке и написали возмущённое коллективное заявление. А учительница литературы начала смотреть на меня с испугом и перестала вызывать к доске. Кончалось полугодие, я стал бояться, что не буду аттестован по литературе. И поскольку терять было уже нечего, я принялся свои нападки специализировать. Получалось такое:

Кати, кати, автомобиль!
Твой газ, и вонь, и дым, и пыль
Заносят в наши организмы
Их разрушающую гниль.
Особенно гордился этими оборотами из "высокого штиля": "их разрушающую"!.. Или вот ещё:
Куда порхает самолёт?
Он в небесах дыру пробьёт
И сквозь неё поток нейтронов
На наши головы прольёт.

Тут, конечно, автор загнул по незнанию. Но в принципе, если самолёт заменить ракетой, а нейтроны - общим понятием космического излучения... Короче, не будем придирааться к ребёнку четырнадцати с половиной лет.

Ко всем подобным виршам ребёнок для верности приписывал заглавия: "Долой автомобили!", "Долой самолёты!" И то же самое повторял после стихов, в качестве резюме.

Но чему нас учит революционная теория? Тому, что всякая агитация рано или поздно приводит к практическим действиям. Меня привела рано. Когда по окончании полугодия в моём табеле оказалась безответная пятёрка по литературе, я понял, что не только пролетариат леспромхоза, но и передовая интеллигенция в лице лучших педагогов - на моей стороне.

Я раздобыл большое шило, из кожи от маминог старого сапога сделал к нему чехол и, за неимением самолётов, принялся за автомобили, от которых, как мне уже было известно, происходит самое большое загрязнение окружающей среды. Впрочем, уже неизвестно, кто кого окружает: среда нас или мы её. Моими жертвами становились все подряд лесовозы, стоило им остановиться. Та же участь постигала и самосвалы, которые засыпали песком леспромхозовскую лежнёвку. Больше всех проколов перепадало "уазику" директора леспромхоза, ибо путь мой в школу лежал мимо конторы, а бедная машина по утрам всегда стояла там.

При каждом проколе я подбрасывал листовку, так что ты можешь представить, какой это был адский труд, если кроме всего прочего приходилось ломать голову над непосильной технической проблемой: как справиться с тракторами и прочей гусеничной техникой - ведь там шилом некуда ткнуть...

В этой борьбе прошло почти всё второе полугодие, и попался я сразу на обоих фронтах - и на идеологическом, и на диверсионном.

Батянька ласково попросил в воскресенье заполнить ему красивыми печатными буквами бюллетень "народного контроля". Что-то насчёт плохой работы транспорта. Я это сделал с удовольствием: разоблачение - моя стихия! И ведь заметил, когда писал, что были там и "долгой", и "газ", и "вонь", и "дым", "гниль"... Многое из моих листовок. Заметил, но как-то не уловил опасность. Привык, что ли... А утром в понедельник меня взяли возле "уазика" с шилом в руках. Шофёр молча, даже, знаешь, уважительно привёл к директору в кабинет, а там, кроме директора, ещё профком и мой батянька. Все сидят, головы повесили, а мой тихо так спрашивает: "Сынок, милый, ну зачем же, в самом деле?"

Вот тут уж действительно терять стало нечего, и я начал на них кричать. Я даже орал, потому что целый год подпольной жизни натянул мои нежные нервы не хуже Одиссеева лука. Минут двадцать я излагал таким способом свою точку зрения - на машинную цивилизацию, на гонку вооружений, на развитие химической промышленности, на общественные отношения - всё вперемешку со слезами в три ручья.

Молчали. Не перебивали. На лицах - то ли жалость, то ли страх, то ли вина - не разглядел сквозь слезы. Когда выдохся и осмотрелся, - дверь позади меня нараспашку, и вся контора тут. Лица у всех непонятные, в том же духе.

Директор леспромхоза, Рауп Георгий Степанович, забрал у своего шофёра моё зачехлённое шило и положил во внутренний карман пиджака. Сказал мне тихим таким голосом: "Ты иди, сынок. Иди в школу. Учись хорошенько. А мы что-нибудь придумаем, даю тебе слово. Ты только не коли больше колёса. У нас ведь дети, нам надо их как-то кормить. Иди, сынок". Все расступились, я удивился и пошёл учиться.

А когда учебный год закончился, батянька повёз меня в Академгородок. То есть, сначала, конечно, врачам показывал, но они ничего не нашли. Вот и вся история.

Да, в самолёте, пока летели, глядел я на нефтяные промыслы - чёрные пятна, газовые факелы - и сочинил длинное фантастическое стихотворение, целую поэму. Батяньке отдал на память. Но я её помню. Хочешь? Ну, слушай.

Меня унёс Аэрофлот.
Куда? Вы знаете: туда,
Где в окружении болот
Герои строят города,
Где ослеплённая пурга
Навылет фарой прожжена,
Где, разумеется, - тайга,
Но только снится - тишина.
И стыд не мучает, когда
Герои валят кедрачи
В болото: "Мы здесь города
Зажжём созвездием в ночи!.."
Но городам ещё расти,
А нефть нужна уже сейчас!
Так пусть природа нас простит
И пусть простят потомки нас -
Не за разрушенный вокруг
Экологический баланс,
Не за бегущий мимо рук
В коптящих небо свечках газ,
Не за гусей, которым нефть
Примнилась сослепу водой,
Не за лосей, которых нет
И окружающей средой
Которых больше не назвать.
(Кто сдал и шкуру, и рога,
Тем больше нечего сдавать)-
Ведь мы герои, что с нас взять?
Пускай потомки нам простят,
Что нас не съели комары,
А расплодились в тыщу крат
От сырости и от жары,
Что главной пищей комара

Остался только человек,
Что застит небо мошкара,
Как будто снег,
Что стал как тетерев комар,
Что больше крысы стала вошь...
Мы хоть маленько без ума,
Зато герои - что возьмёшь?!

- Вот тут-то ты как раз и врешь! - сказал Игнат. - Эту фантастику ты наверняка сочинил уже в училище. Больно уж грамотно. Угадал?

- Почти, - признал Миша. - Оформил, закончил - действительно в училище, а начал - в самолёте, честное слово. Тут ведь важно проследить мою историю - от начала до сегодня - ты ведь этого хотел? Могу добавить, что про шило думаю уже меньше.

- Ну да, - Игнат улыбнулся, - теперь ты любую машину и без шила сломаешь! - И сразу стал серьёзным. - Ладно, не будем отвлекаться. Ты сейчас многое для меня прояснил. Послушай теперь мою историю, сравни и сделай вывод.

РАССКАЗ ИГНАТА ЭВКАЛИПТОВА

До пятого класса я был тихим отличником, а потом стал первый в школе хулиган и последний ученик. Притом из идейных соображений. Вот ты вёл агитацию, хоть и шины колол, а я решил сразу применить силу.

Рассуждал так: что вредно природе, вредно и человеку. Вредны машины - долой. Вредна разработка горных пород - долой вместе с экскаваторами, пускай шагают в переплавку. Вреден лесосплав - долой вместе с лесоповалом. Вредна нефтедобыча..., ну, и так далее. При этом я параллельно искал гармонии человека с природой, полного слияния. И даже видел генеральный путь. Никогда не угадаешь, какой. Он противоречит человеческой сущности, но я-то считал это новым уровнем мышления!.. Не угадал?.. Корень зла я нашёл в учении. Учение - вред, неученье - свет. Цивилизацию надо не только остановить, но и отодвинуть назад. Чтобы люди умели читать, писать, считать, но - не надо рекордов. Просто умеренная образованность, достаточная для общения, но не выше разумного предела. То есть, как раз на уровне моих тринадцати лет.

Начал с родной школы. Стал для начала - и для примера - второгодником. Это стоило немалого труда. Как в том анекдоте: "Бороду сбрею, а что с умищем делать?" Употребил умишко на то, чтобы не учиться самому и не давать другим. Средство давления - кулаки, ростом я был - настоящий пенёк, так и дразнили, но в драке преуспел - ой-ой-ой. От восьмого класса и ниже отличники все были мои. В слова я не верил, просто молотил и думал: пусть они из-за меня возненавидят школу, вот и все - необходимый шаг назад. Лишь бы хуже учились.

При этом сильно сам сомневался, здоров ли я психически. Ведь когда один против всех, то по закону человеческого большинства неправ один. Других-то человеческих законов я ещё не знал. Даже к психиатру собирался. Только боялся: вдруг там и оставят. Советоваться с папкой не имело смысла, потому что он тогда больше был занят собой - пьянствовал каждый день. Я его ненавидел за это и жалел: мамка-то наша из дому исчезла и не вернулась, Тоже пьяница была. Мы оба по ней тосковали... Это пьянство меня особенно удручало: родители пьющие - значит поэтому и я ненормальный. Врачи это узнают - упекут в интернат для слабоумных - скучай там среди мычащих и жующих. А раз ученье не представляет для меня труда, значит выход из моего положения - не через медицину.

Понял я, что нужен друг, в котором можно было бы отражаться. Вот как сейчас в тебе. Ты понимаешь. Хотелось такого, чтоб был постарше, чтобы направлял. Но ведь старшим некогда нас замечать. Ученье для них - свет, за борьбу против цивилизации они просто уши надерут. И в школе, и в соседях у меня - одни враги.

Потом всё же откопал Евгешу.

Знаешь, есть в конструкциях такие детали - их не замечают, а без них всё разваливается. И в народе так. Люди особой надёжности. Вот такой Евгеша Малюхин. Совсем был малец, а всё равно... Я ходил в школу мимо его дома, видел его много раз, но - не замечал. И тут придумал задавать всем один вопрос: "Кто в школе самый справедливый человек?" И вся пацанва стала указывать на Евгешу. Конечно, удивлялись: а что это хулиган Эвкалиптов затевает? Но все мною угнетённые указывали на Евгешу даже не без злорадства: смотри, мол, тиран, у кого бы тебе поучиться. А некоторые, врождённые доносчики, как бы продавали: вот его, мол, и обижай, он почти отличник.

Выявил я его перед самыми летними каникулами. Ничего особенного. Худенький и даже застенчивый. Ни силы, ни внушительности. Но всё равно знакомиться по такому делу надо в непринуждённой обстановке... И вдруг повезло: пришлось его спасать. Сразу от четверых пацанов. Они уже дрались, когда я подрос. Евгеша держался достойно, мы победили, они убежали... И тут

выяснилось что он мог запросто расправиться с ними сам, да не захотел, пожалел детей! При нём оказалось такое оружие, что весь наш экобат не страшен. Неважно, что это за штука и как она к нему попала. Благородный Евгеша принял меня за приличного человека и показал эту штуку. Совсем небольшой аппарат, а мог - не поверишь! - остановить, обратить в паническое бегство, даже нокаутировать! Любое количество противников на расстоянии до двухсот метров!.. Ясное дело, я позарился и присвоил.

Что, думаешь, сделал Евгеша? Он и тут повёл себя достойно. Не бросился на меня и жаловаться не побежал. Он мне поверил. Даже стал меня спасать. На этом и подружился.

Аппарат я ему не отдал, а сразу стал применять. И против детей, и против взрослых. Пытался всем внушить, что надо СПАСАТЬ ПЛАНЕТУ. Под конец и самому от него досталось - от аппарата, не от Евгеша. Аж в больницу попал. И друга подвёл, и ещё одному хорошему человеку подпортил жизнь...

Вот кто на самом деле этот Евгеша, от которого я получаю письма и который строит нам с тобой плот.

В больницу я попал первого сентября, а восьмого уже был в училище.

Ну, друг Миша, жду анализа. В чём наше с тобой сходство?

Миша ответил без промедления:

- В том, что оба спасали планету.

- Всё верно, - согласился Игнат. - Теперь вспомни, слышал ли ты в училище слово "спасатель"?

Миша снова не медлил:

- Наверняка. Слово-то ходовое.

- Нет, не так. При каких обстоятельствах и от кого ты слышал в училище это слово?

Миша задумался на пару минут, потом пожал плечами.

- Нет, не помню. Это имеет значение?

- Ещё бы! Сейчас поймёшь. Когда мы начали разучивать твой марш, не забыл? Перед самым Новым годом. Бесшумно ходить уже умели. И вот иду я мягко по коридору, а впереди - Игорь с Ренатом, как Пат и Паташон. А в актовом зале "зелёные" надрываются: "Сто парсеков позади"! Обгоняю тихонько начальство, Игорь как раз говорит завучу: "Понравился нашим спасателям этот марш". Ренат отвечает: "А что, хороший текст." Замечают меня и умолкают. Я им киваю, они - мне, и директор говорит: "Молодец, Эвкалиптов, грамотно ходишь". "Как учили". Он мне: "Передай другу, что песня хороша". "Сделаем". И разошлись. Ты понял?

По широко раскрытым глазам было видно, что Миша понял.

- То-то мы все такие, - протянул он. - Малооткровенные. Думает каждый, что в УОПР набрали сплошь приличных людей, кроме него одного... Так мы все, думаешь... - больные?

- Вот это меня и мучает, - заговорил Игнат горячо. - Каждый считает ненормальным только себя, а на самом деле - ЭПИДЕМИЯ! Все больные - только пацаны, у всех один симптом - спасательство, и особая для нас "психушка": гоняют с утра до ночи, ни минуты свободной, лишь бы отвлечь от мании, иначе начнут сходить с рельсов поезда...

- Однако... - начал Миша.

- погоди! Это только простейшая первая мысль. Ну, собрали, изолировали, режим, а что дальше? Например, вопрос: вылечили наших выпускников или они остались такими же? Отказался каждый из них навек от своего шила? У меня вот и сейчас, после года обработки, полна голова идей: как бы поделить человечество на "чистых" и "нечистых" да что потом сделать с "нечистыми"... Ну, допустим, даже какие-то порошки они нам подсыпают, "умиротворин" какой-нибудь. Ну, выйдем отсюда все, как они говорят, "достойными красного листика". А дальше? Раз в месяц - таблеточку прими? А я сегодня не захочу и... что же завтра? Диверсии на предприятиях, оборванные провода, без вести пропавшие негодяи? И наше дело кругом правое?

Миша хмурился и молчал.

- Наши учителя, - продолжал Игнат, - поголовно имеют социологическое образование. Полно училище психологов. И все мы - объект социального эксперимента. А чем закончится социальный эксперимент - этого зачастую и сам боженька не знает. Когда он нас лепил, разве ожидал, что за выродки из нас получатся? Но тем не менее вспомни вчерашнюю речь Лозового - эксперимент расширяют! Новые училища, даже институт - это как же понимать?

- Не знаю, - бормотал Миша. - Не успеваю думать.

- Это значит, - Игнат был беспощаден, - эпидемия ширится. Спасателей становится всё больше, остановить их появление невозможно - уровень генетический! Регулировать никто не умеет, предсказывать пытаются - безуспешно. А ведь не так уж трудно вообразить, что произойдёт, если через год-два ВСЕ ДЕТИ бросятся... планету спасти!

- Затыкать выхлопные трубы, - Миша качал головой, - прокалывать колёса, отвинчивать гайки...

- Вот это меня и беспокоит, - Игнат придвинулся к Мише плечом. - Хватит ли социологов, если эпидемия взорвётся? Простым-то школьным учителям такое дело не поднять. Да и наши лица ещё неизвестно какие результаты дадут. Тришкин кафтан...

Миша помолчал и решительно сказал:

- Мрачно смотришь. Как старик.

- Возражай.

- У меня ещё нет возражений. Но зато я знаю точно, что самые мрачные мысли посещают человека ночью. Пойдём спать. Полки мягкие, под голову рюкзак, на него носовой платок - всё культурно, как в отеле.

Запрыгнув на полку, он мигом заснул и забормотал что-то в рифму, но нераборчиво. "Счастливец! - подумал о нём Игнат. - В здоровом теле - здоровый сон". А сам никак не мог уснуть, соображая, как это "ночные" мысли могут донимать человека целых полгода, днём и ночью, без результата. И как было бы хорошо, если бы обнаруженное им явление оказалось не заразным. А лучше бы совсем не быть ему болезнью... Но если это не болезнь, то что же? Не рождается ли новая человеческая раса?.. Ничего себе раса! Ему представились толпы мальчишек с шилами и гаечными ключами, с молотками, топорами и ломками, разрушители машин и школ. А себя Игнат увидел посреди площади. На нём пятнистая форма УОПР, бушует метель из листовок со словом "ДОЛОЙ!", а вокруг погром, и голос Любаши резко и зло чеканит явно Мишиного сочинения слова: "Кр-р-ру-гом по-гром! Гро-мим свой дом! Эй, друг! Подъ-ём! Вр-р-раз-нос пой-дём!" Ни Любаши, ни Миши не видно, только незнакомые сорванцы. Игнат не знает, что делать: то ли присоединиться к ним, то ли броситься на спасение трудов человеческих. Выбрал последнее, но его длинные тренированные ноги бежать во сне отказывались, пальцы рук теряли цепкость, и малолетние погромщики легко увёртывались и разбегались, плавно порхали и кружились вместе с листовками... Любашин голосок нежно затянул: "Эпидеми-и-ия, ты - не гармони-и-ия. Эпидеми-и-ия, ты - немой укор. Эпидеми-и-ия, эпидеми-ия, эпидемия - сурьёзный разговор!"

Проснулся в поту. Из динамика над окном нёсся голос известной певицы: "Меланхоли-и-ия..."

Полежал, отдышался и сел. Взял с рюкзака измятый носовой платок, заменявший наволочку, вытер лицо. Осмотрелся.

Миша внизу тихонько беседовал с пожилым соседом по купе.

Игнат мягко прыгнул и поздоровался. Тяжеловесный лысый крепыш протянул руку:

- Рауп. Георгий Степанович. А ты - Игнат, уже знаю. - Он накрыл на столе Мишину руку своей огромной ладонью. - Вот ведь судьба - встретил в поезде крестника!

Что-то было знакомое в его имени, но не вспоминалось. Миша объяснил:

- Помнишь, я тебе ночью рассказывал о директоре нашего леспромхоза?

- Которому ты шины колол?

- Ему, ему! - Георгий Степанович засмеялся. - Я уж думал, не увижу больше, а он вот какой стал! И уже больше не диверсант! Совсем наоборот! И оказывается, вы на плоту поплывёте в нашу сторону. Ему наказал и тебе, Игнат, наказываю: обязательно заруливайте к нам.

- Будем, - уверил Миша. - Только моим не говорите. Сюрприз!

Отодвинулась дверь, заглянул проводник.

- Чаю можно? - спросил Игнат.

- Какой чай?! Томск через час! Постели сдавайте!

- Вот кто больной! - сказал Миша.

Между делом.

В Томск приехали рано. Оставили Раупа на вокзале - ждать поезда до Ягодки, а сами двинулись на трамвайную остановку.

- Между прочим, - сказал Игнат, - трамвай ползёт вокруг, а за эти сорок минут можно дойти по прямой.

- Конечно, - сказал Миша. - Пора и мне, деревне, пройтись по своему областному граду. Памятные места и всё такое...

Особых достопримечательностей по пути не было. Игнат молчал, и Миша старался задавать поменьше вопросов. Только в аллее перед подшипниковым заводом попросил остановиться и начал фотографировать берёзы, бормоча, что иначе в училище никто не поверит: горзеленхоз не знает, что берёза сама формирует свою крону. В аллее гудели пчёлы и мухи, на стволах берёз малиново гноились полосы вытекающего сока, а срезанные ветки аккуратными идиотами были уже увезены.

- Даже раны не замазали, - ругался Миша. - Я до них доберусь.

И опять пошли молча. Мише казалось, что Игнат думает об эпидемии спасательства, ибо он сам теперь думал о ней, а Игнат, столкнув на друга мучительную проблему, впервые за полгода почувствовал облегчение, хотя и не мог понять, почему. Да он и не особенно силился это понять. Родина, которую не

видел целый год, радовалась ему со всех сторон, и мысли о предстоящих встречах заслонили на время весь мир. Разные будут встречи... С отцом и Малюхиными славно и просто: охи, радость и объятия. С великим Дорошенко - сложнее. Очень хочется его повидать, но неловко, неловко... А вот за этим углом - "памятное место" для него одного. Даже возможна встреча, хотя и маловероятна. Как ни обманывал себя сокращением пути, а эту дорогу выбрал из-за Али. Чёрт-те что, думал Игнат, зачем мне так хочется увидеть эту чужую Алю ещё раз?

Единственный раз он видел её в больнице. Приходила вместе с Евгешей. И по их мордашкам всё было ясно - КТО они друг другу. Потом, когда шли пешком на вокзал, чтобы Игнату ехать в Академгородок, Евгеша показал: "Вот здесь Аля живёт. Сейчас она в школе".

А теперь Игнат тем же путём возвращается. С победой? Вроде так. И тайно от себя хочет, чтобы Аля увидела его ТАКОГО. Высокого, могучего и с кошачьей походкой...

Из-под калитки с рёвом выкатился чёрный лохматый комок и ринулся в атаку. Суперкинды мгновенно развернулись навстречу. Пёс не добежал до них ровно столько, чтоб не достали ногой, замолчал, улыбнулся, подмигнул и удалился.

- Да-а-а, - сказал Миша.

- Это Тузик! - догадался Игнат.

- Так вы знакомы?

- Заочно. Может, ещё познакомимся.

Дома отца не застали. Не знал, когда приедет Игнат, ушёл на работу.

Оставили вещи и пошли наугад к Евгеше - вдруг он дома. Свой "Зенит" Миша, конечно, повесил на грудь.

У Малюхиных тоже было пусто.

- Прогуляемся? - предложил Миша.

И тут же начал фотографировать развороченный газон и поломанные кусты боярышника.

- Так, следы от трактора К-700 и от бульдозерного ножа. Наверно, аллею чистили зимой. Этот скот наворотил гору снега, не знал, куда девать, и попёр в декоративную посадку. Жаль поздно, не поймашь...

Ещё через несколько шагов Миша стал ломиться в кабину "МАЗ"а, который остановился у светофора. Шофёр не открыл дверцу, но опустил стекло: "Чего тебе?"

- Почему так чадишь? - рявкнул Миша. - Топливную регулировать не надо?

- Да пошёл ты, - шофёр улыбнулся. - Пац-цан!

Миша его сфотографировал навскидку, забежал спереди и сфотографировал номер машины. Забежал сзади, отснял дым.

- Ты что? - Шофёр забыл про светофор и выскочил из кабины с монтировкой в руке.

- Встретимся в ГАИ! - ответил Миша.

Драться на улице не положено, пришлось удирать. Не догнал.

- Теперь он все отрегулирует, - Игнат засмеялся.

Они вернулись к светофору, чтобы гулять дальше, но когда пошли через перекрёсток, какая-то "Волга" начала поворот и налетела на них. (Иногда ещё попадают такие водители: считают, что можно не пропускать пешеходов, поворачивая на зелёный). Никто не успел испугаться - ни в "Волге", ни вокруг. Игнат был от машины подальше и отскочил, а Мише пришлось подпрыгнуть, и он уселся на капот. При этом он потерял равновесие, повалился на лобовое стекло, и его левый кулак с размаху опустился на нос водителя. Стекло, конечно, остановило кулак, но и само рассыпалось в мелкую крошку.

- А-я-яй, - сказал Миша в дыру. - Вот что бывает, когда нарушают правила.

Водитель в ярости выскочил из машины. Миша передал уцелевший "Зенит" Игнату:

- Подержи, я сам.

Но уже собрались люди, нарушение было налицо, Игнат фотографировал, и нахал воздержался от драки. Однако стал требовать, чтобы ему тут же заплатили за нарочно разбитое стекло.

- Ишь ты! - закричал народ. - Давят детей да ещё деньги требуют! ГАИ-и-и-и!

Нахал сказал: "Ну, ладно" и полез было в машину, чтобы уехать, но Миша вспрыгнул на капот, а Игнат с народом загородили дорогу.

Получился небольшой скандал с участием автоинспекции, составляли протокол, и Миша охал и поскуливал, что сейчас поедет на рентген и будет обращаться в судебно-медицинскую экспертизу, потому что у него наверняка сломано бедро и разбита рука, а также сотрясение мозга, его тошнит. Поддерживаемый Игнатом, он вышел из ГАИ, нахал был вынужден подвезти их до ближайшей поликлиники и по пути всё уговаривал не возбуждать дело, а он в долгу не останется. Сказали: "Посмотрим" и отпустили его, а сами отправились домой.

- Хватит приключений, - сказал Игнат, вталкивая всё ещё хихикающего Мишу в свою комнату. - Лезь на книжную полку и не слезай, пока не вернусь. Придёт папка - скажи, что я у дяди Севы, он знает. Кстати, которое это стекло в твоей коллекции?

- Пятое, а что?

- Круглый отличник, - ответил Игнат и удалился. Миша безропотно полез на книжную полку: чтение ничуть не хуже улицы может удовлетворить жажду приключений.

Как ни верти, путь в НИИЭТО лежал опять мимо Алиного дома. Игнат решил: ладно, туда - пешком, а обратно - вокруг, трамваем Это была поблажка, но он не собрался с силами, чтобы себе отказать, а объяснил тем, что для разминки надо ещё пройтись.

Не удержался и от того, чтобы заглянуть по пути в Михайловскую рощу. Приятно удивился порядку. Даже купеческий фонтан, полвека назад забытый и брошенный, восстановлен и сочится водой. А вот и место, где познакомились с Евгешей. Игнат тогда бил не разбирая, в полную силу. Сейчас бы так не решился, Теперь за каждый удар надо опасаться, рассчитывать. Блаженны уличные драчуны, не знающие, сколько у человека жизненно важных центров, которые нельзя задевать...

У родника, где Евгеша хотел тогда мыться, стояла очередь. Небольшая, семь человек. Подставляли под слабую струю канистры и бидоны. Игнат спустился, спросил. Объяснили, что вода в Томи, оказывается, давно отравлена фенолом.

- Выше нас по Томи знаешь город Кемерово?

- Знаю, - сказал Игнат.

- Оттуда фенол. Аварийные сбросы химкомбината. Фильтры им строить дорого и некогда.

- Разберёмся, - пообещал Игнат.

- Уж ты, пожалуйста, разберись, - очередь засмеялась.

Откуда им знать, что придёт ещё время, и Игнат разберётся?

Потом он скорым шагом прошёл мимо дома Али, но не встретил даже Тузика. И было ему стыдно, будто отнимает у Евгешки. Большой - у маленького. А что отнимает?

Но вот и тихий сквер, где раньше был огромный храм, Суриковым расписанный, взорванный после революции победителями. Теперь здесь высится парус в десять этажей - из напряжённого бетона, тоже с крестами на кровле, только это антенны. НИИ электронно-творческого оборудования. Его ещё прозвали НИИДума - НИИ думающих машин. Игнат здесь никогда не бывал, поэтому вошёл в вестибюль не без робости. И остановился перед прозрачной стеной, составленной из широких полос стекла. За стеной редко мелькали занятые люди. Признаков вахтёра не наблюдалось.

Игнат толкнулся во все по очереди стёкла, ожидая их поворота, но не тут-то было. Тогда ему пришло в голову поскрести в затылке. И тут же откуда-то со всех сторон прозвучал мелодичный женский голос:

- Кто вы и к кому?

Игнат огляделся. Никого. Ладно, не надо поражаться, раз в НИИЭТО попал. Он ответил по возможности без удивления и с достоинством:

- Игнат Эвкалиптов. К Дорошенко Всеволоду Серафимовичу.

- Ваше отчество? - спросил голос. - И не надо так кричать.

- Николаевич, - пробормотал Игнат. Этот голос смущал его и раздражал.

- Прошу подождать, Игнат Николаевич Эвкалиптов.

С полминуты было тихо, потом со всех сторон раздалась знакомая скороговорка:

- Это кто такой ко мне пришёл, долговязый да красивый?! Не говори, что Пенёк, не поверю!

Игнату всё ещё было неловко, что его видят, а он только слышит. Он пробормотал, глядя в пол:

- Да я это, дядя Сева.

- Вот теперь верю! - Голос дяди Севы засмеялся. - Матрёна Спиридоновна, голубчик, будьте так любезны, впустите моего друга, Эвкалиптова Игната Николаевича. Объясните, как меня найти. И прошу вас, запомните его навек, я всегда ему рад.

- Я тоже всегда рада, - возликовал женский голос. - Добро пожаловать, уважаемый Игнат Николаевич!

Одна из стеклянных полос повернулась, открыв сразу два прохода, а под ногами для верности засветился в этом месте пол. Игнат поблагодарил и вошёл, размышляя, где искать эту Матрёну, чтобы узнать дорогу к дяде Севе, который, вообще-то мог бы и сам объяснить. Но тут со всех сторон раздался её голос:

- На правом лифте до седьмого этажа, а там - в любую дверь.

Игнат ещё раз поблагодарил и ещё раз огляделся. Никаких и здесь признаков вахтёрши. Перед ним была широкая лестница наверх, а по обе стороны от неё - две ниши с лифтовыми дверями. Вправо и влево загибался пустой сверкающий коридор. По коридору с тихим урчанием ползло что-то вроде

полотёра или пылесоса. Вверх от ползущего уходил тонкий кабель, который передвигался по длинной шине вдоль потолка. Автоматический уборщик, догадался Игнат и вошёл в правый лифт.

На седьмом этаже он ожидал увидеть такой же коридор с дверями и такого же уборщика на поводке, но, выйдя из лифта, оказался перед единственной дверью, которая украшала собой довольно тесную прихожую с вешалкой в нише и с крохотным столиком меж двух кресел. Весь потолок изливал на Игната потоки солнечного света. Или всего один, но - поток.

- Хм, в любую дверь, - Игнат засмеялся. - И до солнца ещё три этажа. Ничего себе...

И вошёл без стука.

Великий Дорошенко стал после инфаркта полнеть, но было видно, что он работает над собой, могучая фигура неподвижно высилась над электрической плиткой, а ручищи создавали что-то чёрное в стеклянной колбе. Витал кофейный дух. Работа производилась на чертёжной доске, которая была одним краем приколочена к подоконнику, а другим опиралась на два железных ящика, поставленных двухэтажно. В ящиках виднелись мотки провода, мелкие приборы, торчал большой напильник, на отдельной полочке стояли чайные чашки, пакет сахара и стеклянная банка с этикеткой "Рассольник". Из банки торчали ложки, вилка, нож и отвёртка. Всё остальное пространство обширного зала занимали металлические и стеклянные шкафы, в каждом из которых что-то вертелось и мигало. При этом в зале стояла магическая тишина, от которой хотелось прочистить уши.

Дверь за Игнатом скрипнула, и могучая фигура повернула голову.

- Здравсьте, - сказал Игнат еле-еле, подавленный тишиной.

- Явился, разбойник! - Дядя Сева загремел голосом, посудой и единственным стулом. Больше греметь было нечем, а ему, вероятно, хотелось, и он, шагая к Игнату с протянутыми руками, грохнул ногой по открытой дверце одного из мигающих шкафов. Шкаф на несколько секунд зажмурился и, как ни в чём не бывало, замигал опять. Дядя Сева обнял Игната, отпустил, проворно удалился по лабиринту между шкафами, пиная открытые дверцы, принес круглую рояльную табуретку, снова схватил гостя за плечи и усадил. Всё это время говорил без остановки:

- Вырос на полметра! Замечательно! Уже не Пенёк! Для Жерди недостаточно хлипкок, значит... Лесина!? Угадал? Ну, это не обидно. Даже почётно. Меня вот Доктором дразнят, и то терплю.

- Так вы и есть доктор. Технические наук.

Игнат врос в табурет под тяжёлыми ручищами.

- Да они же не в этом смысле! Они имеют в виду, что я нянчусь вот с этим капризником! - Дядя Сева махнул рукой куда-то вглубь, схватил ею попутно свою колбу, а другой рукой выгреб из ящика свои чашечки. Наливая кофе, продолжал извлекать банку с ложками, сахар, непечатую пачку печенья и жаловался дальше.

- Он молчит уже год. Ушёл в себя. Замкнулся. Не в смысле короткого замыкания, а, видишь ли, обиделся. Как будто мы - тоже машины и не имеем права на ошибку.

- Кто это - ОН? - Игнат огляделся.

- А ты спроси сам, погромче: "Как тебя зовут?" Спроси!

Вероятно, продолжалась игра, начатая у входа в институт. Игнат собрался с духом и крикнул, что просили. Слова его тут же погасли, увязли среди тишины, заблудились в мигающем лабиринте. Ни эха, как в вестибюле, ни мелодичного ответа. Посидели с минуту, и дядя Сева проворчал:

- Вот! Вот так - целый год. Только вслушивается. Ждёт от нас чего-то. А мы - тупицы! - не можем догадаться... ЭВМЭП! - Он повысил голос, но лишь слегка, будто обращался к спрятавшемуся человеку. - У тебя характер хуже, чем у женщины!

Ответа на обидный выпад не последовало, но где-то в голове Игната прозвучало: "Сам такой!" Игнат посмотрел на Доктора, тот уже смотрел на него:

- Слышал? "Са-а-ам такой"! И так - целый год.

- Кто же он? - повторил Игнат.

- Один социолог, - сказал Доктор, - считает, что это не он, а она. Ибо полное имя - Электронно-Вообразительная Машина Экспериментального Профиля. Безусловно женское. Но зато в сокращённом виде - ЭВМЭП - оно звучит совсем как мужское. Например, как колхоз. Верно?

- А что она... он... - Игнат запутался. - А что ЭВМЭП умеет?

- Он - писатель, - сказал дядя Сева просто. - Он - Личность. И, подобно всем творческим личностям, обладает, как говорит один социолог, повышенной маргинальностью, то есть...

- Мы это проходили по социальной психологии, - Игнат не утерпел и похвастался, но тут же стало стыдно, и он поперхнулся последним словом.

- У-у-у, - протрубил дядя Сева. - Тебе крупно повезло! Даже не верится... Для чего социальная психология инспектору охраны природы?

- Она всем нужна, - Игнат обрадовался, что можно оправдаться. - Нам же - в особенности. Нам придётся иметь дело с людьми очень разными. Каждая профессия, каждая должность налагает на

человека свой отпечаток, определяет его поведение, привычки... И надо будет к каждому найти подход, потому что ситуации нас ожидают в основном деликатные...

- Здо-о-орово, - протянул дядя Сева. - А ты не врешь? Ведь я тебя прямо сейчас познакомлю с живым социологом. Профессионала тебе не провести.

- Проверяйте, - Игнат улыбнулся.

- Ну-ка, что же такое маргинальность?

- Это повышенная восприимчивость человека к оценке своих действий окружающими.

- В основном верно, - согласился дядя Сева. - А что такое социум?

- Общество!

- А социальная группа?

- Социальные группы бывают разные. Например, большие и малые. Большая - это нация, народ, класс... Малая - семья, бригада, класс...

- Как же это? - дядя Сева хитро сощурился. - И большая -класс, и малая - класс?

Игнат засмеялся.

- Большой класс - это пролетариат, крестьянство, интеллигенция... А малый...

- Ладно! - Доктор захохотал. - Уговорил! Социологу будет о чём с тобой пощебетать. Познакомлю.

- А где социолог?

- Мы вместе работаем. Скоро придёт. А пока рассказывай, - Доктор вспомнил про кофе и подал Игнату чашку.

- Что же рассказывать? Можно много чего...

- Начни с учёбы. Конечно, с учёбы! Социологию изучают, надо же!.. Какие у вас ещё предметы? Это не секретно?

- А почему вы так думаете? - Игнат засмеялся.

- Ну, как же... Всё-таки исправительно-трудовое заведение. Почти закрытого типа.

- А вот и нет! - Игнат почувствовал, что сомнения, которые его донимали, вдруг уступили место УОПРОВСКОМУ патриотизму. - Система обучения у нас самая обычная, только похожа сразу и на лицей, и на суворовское училище. Но летние лагеря не военные, трудовые. И технику осваиваем гражданскую. Сейчас в поход сплаваем и - в лагерь... И впереди у нас не погоны, а вот такой листочек, только красный.

Игнат с полчаса рассказывал о жизни в училище и при этом всё время чувствовал, что старается так всё преподнести, чтобы не создать неприятного впечатления. Стало быть, все страхи и сомнения - от слишком хорошей жизни? А не поделиться ли страхами с дядей Севой? Нет, что-то мешало. Он закончил рассказ так:

- Словом, здесь мы считались трудновоспитуемыми, а там - особоодарённые. По-своему, конечно.

Доктор повздыхал, покачал головой и произнёс задумчиво:

- Да-а-а.

- Хорошо или плохо? - уточнил Игнат.

- Плохо, Игнат. Плохо, что мне уже за тридцать и что я не трудный подросток. Сам бы к вам записался.

И тут Игнат решил.

- Дядя Сева! А если это эпидемия?

- Ты о чём? - Дядя Сева поднял брови. Игнат окончательно понял, почему в это утро ноги сами несли его сюда. Дядя Сева - тот самый взрослый, которого ему не хватало всю жизнь: задать любой вопрос, спросить любого совета - и ничего не опасаться. И он выпалил всё, чем поделился в поезде с Мишей. Закончил так:

- Это не ночные страхи, я проверял... Почему улыбаетесь?

- Я давно улыбаюсь, только внутренне. И ты не обижайся, я улыбаюсь от радости. Я ведь ждал чего-нибудь подобного. Не удивляйся. Когда постоянно имеешь дело с законами природы, постепенно развивается способность к предчувствиям. Только не к мистическим, а к научным. Ведь подсознание человека - это такая же аналитическая машина, как вот этот капризный ЭВМЭП. И работает оно так же: хочет - разговаривает с нами, не хочет - думает. Это зависит от его готовности. Но рано или поздно, по мере созревания решений, оно с нами делится - знай осуществляй! Таково и ваше появление: когда человеческая цивилизация подтолкнула Природу на Земле к самому краю, Природа стала создавать спасателей из самих же людей, форма самозащиты. А из кого же создавать, как не из детей?! Ведь дети - все гениальны! И каждый - по-своему, ты правильно сказал. Можешь не беспокоиться о взрыве спасательства. Он будет протекать достаточно медленно - бывают в природе и медленные взрывы. И твоё беспокойство - это тоже самозащита Природы - уже от спасательства. Предусмотрительность, понимаешь? Возможно, вам с Мишей придётся этим взрывом управлять. Чтобы и планета не погибла, и цивилизация уцелела. В Природе всё мудро. Наша задача - только прислушиваться, присматриваться... Вот мой ЭВМЭП - боюсь, он Природе не угоден...

- В Природе всё мудро, кроме Человечества, - сказал угрюмо Игнат. - Мы - Её ошибка. Спасательством, наверно, уже не исправишь...

- А давай не только надеяться, но и стараться. Ведь если Человечество возникло, значит, в этом была природная необходимость. Ибо ничего в Природе не делается зря. Давай думать: зачем мы? Не являемся ли мы инструментом самопознания Природы? Ведь если так, то всё становится на свои места. Мы оказались на самом переднем крае развития Природы. Естественно, что самые большие трудности - все наши. Человечество мудреет. Медленно, кругами, возмутительно медленно, если учитывать краткость жизни одного человека, но всё же мудреет. Короче, всё не так хорошо, как нам хочется, но и не так худо, как нам кажется. Держи марку, мой мальчик. Ваши экобаты скоро будут для человечества нужнее всех вооружённых сил.

Под эти слова и вошёл социолог. Вошла. Красивая и молодая.

- Конечно, - сказала, - там, где собираются хотя бы два мужчины, все разговоры сводятся к силам и вооружениям. И это при даме! Как не стыдно...

- Мы при вас не будем, - Игнат вскочил. Доктор уже принимал у дамы портфель. Доктор сказал: - Дама имеет в виду не себя.

- Я имею в виду несчастную обиженную машину, - сказала дама и мягко положила руку на ближайший шкаф. Как на головку младенца.

- Может быть, - предположил Игнат, - ей не нравится, что её называют машиной?

- Это для любителей плохой фантастики, - сказал дядя Сева. Он сказал это сердито. Вероятно, из-за того, что Игнат выразился об этих шкафах в женском роде. - ЭВМЭП слишком умён для плохой фантастики.

- Да, - кивнула красивая социолог, - Она достаточно умна.

- Но Она - женщина, - сказал Игнат.

- Ого! - Глаза социолога красиво округлились. - Доктор! Этот юноша пойдёт далеко.

- Даже дальше, чем ты думаешь, - в голосе дяди Севы появилась нежность, только вот к кому? - Рабочее место этого юноши - вся планета.

- Пока только одна страна, - скромно поправил Игнат.

- И скромненько! - мгновенно отметила дама. Дядя Сева с готовностью захохотал, и Игнат понял, к кому у него нежность. Ведь великий до сих пор не женат... А великий уже хлопотал с колбой, вытряхивая кофейную гущу, включал электроплитку, мыл чашки и через форточку выплёскивал воду в пространство над городом. По его требованию Игнату пришлось коротко повторить свой рассказ об училище и о будущей работе. Социолога, однако, это не удивило. Она сказала:

- Я немного в курсе. Мы с вашим Пирожковым учились вместе. И на семинарах иногда встречаемся.

- Что же ты не рассказывала? - дядя Сева, похоже, обиделся.

- Ты не спрашивал. А к случаю не приходилось. Тут вот с этим ребенком хлопот полон рот, - снова погладила по головке машину.

- Ну, мне пора, - Игнат поднялся. - Я ещё найду, дядя Сева.

- Зайди непременно! У меня к тебе есть дело. - Тут дядя Сева спохватился и смутился. - Боже мой, я же вас не познакомил!

Оказалось, что социолога зовут Марина Михайловна. Она тоже будет рада видеть Игната вновь, чтобы передать привет Олегу Олеговичу.

У двери Игнат вспомнил голос отовсюду.

- А вахтёрша меня просто так выпустит? Или надо что-то сказать?

Доктор и социолог дружно засмеялись.

- Матрёне-то? - переспросил дядя Сева. - Привет передай.

- А где она сидит?

- Если серьёзно, - дядя Сева перестал смеяться, - тогда запоминай хорошенько и будешь ходить ко мне запросто. Нам держать вахтёра стыдно, раз мы сочиняем думающие машины. Автомат у нас на входе, простенький робот. Фото, пьезо, ферро и немного механики. Делай так. Вошёл в фойе: "Здравствуйте, Матрена Спиридоновна". Уходишь: "До свидания, Матрёна Спиридоновна". И всё. Раз ты у неё в памяти, она откроет.

Доктор проводил гостя за дверь, вызвал лифт и, пока ждали, пожаловался:

- Когда ты уехал, мы ЭВМЭПа как раз отладили. И всё было нормально. Сперва фельетоны писал, потом фантастику. А в марте замолчал - и до сих пор. И между нами какие-то нелады.

- Всё проходит, - сказал Игнат.

- И это пройдёт, - согласился дядя Сева. - Приходи чаще, в самом деле. Ты освежаешь. Кажется, и машина как-то иначе замигала...

Диверсия на стапеле.

С высокого обрыва открылся вид на несколько изгибов реки и на новый мост, по которому, как муравьи по рабочей тропе, бежали автомобили. Всюду, как водомерки, сновали по мутной, ещё высокой воде моторные лодки, некоторые стояли на якорях, и рыболовы, наверно, сердились на снующих. А на берегу, за забором водной станции, кипела жизнь, тоже какая-то муравьиная. Соломинки-мачты, соломинки-вёсла, травинки-снасти, личинки-фляги с горючим. До самого верха долетал запах бензина и ацетоновой краски, взрывались треском "вихри" и "ветерки" на лодках, отрывающихся от земной тверди.

Два крупных объекта выделялись в лодочном муравейнике. Недалеко от берега покачивалась красавица яхта с высокой мачтой, с каютой о двух окошках. На неё с маленького ялика поднимались два муравья, третий им помогал. Хотя река в разливе и казалась внушительной, всё же морская красotka была здесь не дома. Куда более речным выглядел стапель. Четыре выловленных в реке бревна лежали на равном расстоянии друг от друга. Их концы уходили в воду. На каждом бревне располагалось по четыре автомобильных камеры, так что всего их было шестнадцать. Все камеры были накачаны и связаны между собой. Крайние камеры, кроме того, были защищены снаружи надетыми на них половинками покрывок. Всю эту конструкцию строители плота уже начали обшивать дощатым коробом, причём ОБШИВАЛИ в прямом смысле этого слова: сверлили в досках отверстия и связывали их верёвкой. Впрочем, пока что за плотом присматривал сторож, постоянно отгоняя любопытных. Сами же строители ещё стояли на краю обрыва и оглядывались.

- Красота, - сказал Миша и щёлкнул затвором "Зенита".

- Вроде ничего не растащили, - оценил увиденное Николай Игнатьевич.

- Да что там растаскивать? - возразил Игнат. - Доски и верёвки.

- Просто любопытствуют, - согласился с ним Владимир Матвеевич.

- Доски - новые, а верёвки - крепкие, капроновые, - сказал Евгеша веско. Он первым шагнул вниз по тропе, размахивая сумкой с инструментами и декламируя:

- Я строю кораблик из лёгкой коры - для трудных походов, нелёгкой игры!

- Сам сочинил? - спросил папа.

- Мне такое слабо. В книжке детской прочёл.

- Зато по существу, - успокоил Миша. Навстречу им, задыхаясь, медленно поднималась группа молодых в ярких куртках.

- Я бы и на яхте не поплыл, - выкрикивал отрывисто самый долговязый. - А на плоту - тем более мерси боку! Плывите сами!

- Плавает мусор, - быстро сказал Миша.

- Вот пусть и плавает, - долговязый ответил так же быстро, и группа заржала.

- Люди на судах ходят, - сказал Миша. - Но ты даже плыть не сможешь.

- Чего-о-о? - долговязый был на голову длиннее Миши.

- Пинка с бугорка! - Миша остановился.

- Отставить! - Игнат оттеснил Мишу и бросил долговязому: - Дыши глубже.

Сзади выкрикивали, но пятеро мужчин даже не оглянулись.

- До темноты три часа, - сказал Владимир Матвеевич. - У нас коловорот и дрель. Успеем закончить сверловку и начнём вязать настил.

- Как быть с палаткой? - спросил Николай Игнатьевич. - Сейчас поставим или после спуска?

- Какой в ней вес, - начал рассуждать Владимир Матвеевич.

- Пока мачта лежит, наденем на неё палатку. Поставим палатку, хорошенько натянем ванты - это на стапеле удобнее, чем на воде. И рундуки удобнее монтировать, когда палатка на месте: по ней примерим, а потом забросим стенки на крышу - и можно работать.

- Не повредили бы палатку, - Николай Игнатьевич кивнул назад, - вот такие деятели.

- Сторож присмотрит. - Игнат вождьенно поглядывал на скользкое тело яхты. Миша это заметил.

- Неплохая посудина, командор.

- Вот я и думаю, - Игнат кивнул. - Надо предложить, чтобы ввели в учебную программу парусную навигацию.

- Только факультативом, - быстро уточнил Миша. - А то и так от нашего расписания в глазах рябит.

Тропа сделала последний поворот среди молодой зелени и вывела их к воротам лодочной станции.

- Здорово, корабель! - приветствовал их сторож. - Гости у вас.

Гостей было двое. Гостья улыбалась издали и махала рукой. Это была Аля. Игнату стоило труда не вздрогнуть. Второй гость тоже улыбался. Он махал хвостом и скалил острые зубы.

- Здравствуй, Аля, - сказал Владимир Матвеевич, - здравствуй, Тузик. Как дела?

- Гуляли, - сказала Аля, - увидели плот, решили, что ваш.

Тузик кивал.

Аля смотрела на Игната. Евгеша смотрел на неё. Игнат смотрел себе под ноги. Миша за лапу здоровался с Тузиком.

- Ты в самом деле из далёкой Шотландии?

Терьер кивнул.

- В поход с нами пойдёшь? - спросил Игнат. Тузик снова кивнул, но посмотрел на хозяйку. Игнат тоже взглянул на Алю. Она прыгнула с плота. Хоть и выросла, а ему. Лесине, только по плечо. Зато стала ещё красивее. Серьёзная такая девушка, хоть и улыбается. Спросила терьера:

- Тебе с ними хочется?

Тузик кивнул.

- Мне тоже хочется, - она не стеснялась и вообще всё делала просто. - Но мне нельзя. Женщина на борту приносит несчастье. - И серьёзно улыбнулась.

- Вот это человек! - Николай Игнатьевич пришёл в восторг. - Сама всё знает!

- На то она историк, - сказал Евгеша грустно.

- Ладно, - сказала Тузику Аля, - поживём немного без тебя. - Она повернулась к Игнату: - Вы долго там пробудете?

- К середине июля вернёмся, - Игнат присел и пожал Тузику лапу. - Спасибо. Дай Бог тебе здоровья.

Тузика подмигнул и помчался вокруг плота сам с собой наперегонки, лихо прыгая через брёвна.

- Чёрная собака спасает от вора и грозы, - сказал Евгеша.

- От вора - понятно, - сказал Николай Игнатьевич, - а как же от грозы?

- Грозу отводит, - объяснил Владимир Матвеевич. - Но это пока тайна природы.

Миша вскинул "Зенит", ловя чёрную собаку в объектив. Все прочие стали разбирать инструменты и такелаж. Сторож сдвинул на затылок капитанскую фуражку и начал давать советы. Это были не бог весть какие советы, но они не мешали работать, и корабельщики кивали. Возможно, сторож когда-то служил на море или много о нём мечтал. В любом случае он имел право на высказывания, потому что охранял плавсредства.

Когда стало немного темнеть, трое с яхты осторожно вытащили свой крохотный ялик на берег. Захлестнули причальную цепь за специальный трос, навесили замок и с вёслами подошли к стапелю.

- Прими, Макарыч, - старший протянул сторожу вёсла.

- Держи конец, - сторож подал Евгеше верёвку, которую поддерживал, и ушёл с вёслами к сараю.

Старший яхтсмен обошёл и внимательно осмотрел плот. Его товарищи, один с бородкой, другой только с усами, шли рядом, как привязанные. Что-то тихо обсуждали.

- Как будете спускать? - спросил старший Владимира Матвеевича.

- Помочью, - ответил за него Эвкалиптов-старший.

- Это как? - не понял усатый, самый молодой из яхтсменов.

- Раньше в деревнях так дома строили, - объяснил ему бородач. - Все соседи к одному собираются и - погнались! А потом - застолье за счёт хозяина. И никакого другого расчёта. Красивый был обычай!

- А ваша яхта из чего сделана? - спросил старшего Игнат.

- Стеклоткань и эпоксидная смола, - ответил усатый. - Год работы.

- Вроде тоже в поход готовитесь, - сказал Владимир Матвеевич. - Далеко?

- До Ленинграда, - сказал Старший. - До Питера.

- Это как же? - Николай Игнатьевич даже бросил долото.

- Обычно, - старший яхтсмен пожал плечами. - Из Томи - в Обь, из Обской губы - в Карское море, там - налево, - яхтсмены дружно рассмеялись, - Северным морским путём до Двины и - по Беломоро-Балтийскому каналу - прямо в Питер. За навигацию успеет. Прошлым летом наши уже ходили.

- А обратно? - спросил Игнат.

- Поездом.

- А яхта?

- Продадим в Питере. И путешествие окупится, и на дорогу хватит.

- Лихо! - оценил Миша. - А не жалко яхту?

- Вопрос сложный, - старший яхтсмен улыбнулся. - Вам ведь тоже будет жалко бросать плот.

- Хоть он и не стоит ничего, - добавил усатый.

- Всё стоит труда и времени, - осадил его старший. И, простившись, повёл свою команду к воротам.

- Пора собираться и нам, - сказал Владимир Матвеевич.

- Оставляйте инструменты, - подошёл Макарыч, - я уберу.

Жил он прямо на лодочной станции, в небольшом домике. Инструменты отнесли в железный контейнер, где уже лежали снасти, палатка и доски для рундуков.

Тузик вознамерился было остаться при ценностях, но Аля кое-как убедила его, что Макарыч справится один.

Едва ступили на тропу, Игнат воскликнул:

- О-о-о, смотрите!

Сверху стремительно неслась крупная фигура в развевающемся плаще. Мощное дыхание доносилось издали.

- Дядя Сева! - Евгеша обрадовался и побежал навстречу. Аля посмотрела мальчишке вслед и чему-то незаметно вздохнула.

Евгеша добежал до великого и растворился в вихре его плаща. А мощная фигура, не сбавляя скорости, продолжала низвержение по тропе. У места встречи Малюхин-младший был возвращён пространству и снова обнят, вместе со всеми.

- Я успел! - сказал дядя Сева, отдышавшись. - Где оно?

И корабельцы повели его к плоту и уже в сумерках, при свете прожектора, подробно показали конструкцию. Все их идеи были одобрены, только в дополнение к швартовочному концу была предложена трёхлапая кованая "кошка", принесённая Доктором под мышкой. Подарок сдали под охрану Макарычу и возобновили восхождение.

Всеволод Серафимович быстро устал, взял Игната под руку, и постепенно они отстали от группы, заинтересованно и тихо о чём-то беседуя. В конце разговора дядя Сева незаметно передал Игнату небольшой предмет, перестал проявлять признаки усталости, и они пошли быстрее.

На троллейбусной остановке старшие остались, а мальчишки отправились провожать Алю и Тузика. Пёс вертелся, мешал разговору о поэзии, невпопад подмигивал и мотал головой, разнообразно повизгивая. Все решили, что он важничает из-за своего включения в экипаж, и по очереди вежливо отмахивались. Тогда Тузила обиделся и убежал вперёд. А когда прощались у Алиной калитки, он к ним не вышел.

А поздно ночью в квартире Малюхиных зазвонил телефон.

- Дежурный райотдела милиции. Просим принять участие в опознании. Сейчас за вами подъедут.

Евгеша напросился вместе с отцом.

В милиции им предъявили к опознанию их сумку с инструментами и кое-что из такелажа, в том числе якорь, подаренный Доктором. Предъявили и похитителей. Тех самых, с которыми Миша чуть не подрался. Мотив преступления - месть. За что? За невежливый разговор Миши. Они тогда не ушли с обрыва, а наблюдали за обидчиком и за обстоятельствами строительства плота. И в три часа ночи не поленились, нагрязнули.

Сторож тут же сидел, давал показания.

- Задумался на минутку, вдруг - шум. Выскочил - они ломают кладовку. Положил всех носом в песок, потом вызвал милицию.

- Ты, Макарыч, опускаешь подробности, - сказал дежурный. - Ты вот признай, что спал беспробудно, а задержание произвела собачка. Притом не твоя, а совсем чужая.

- Ну и не совсем она чужая, - Макарыч обиделся. - Ее хозяйка нарочно оставили, чтобы охраняла плот. Из-за неё и расслабился.

- Маленькая собачка? - спросил Евгеша. - Чёрная-лохматая?

- Порода собаки - шотландский терьер, - уточнил дежурный. И с усмешкой добавил: - Чисто сибирских кровей.

- А где он?

- Как только нам их сдал, сразу убежал куда-то. - Дежурный снова усмехнулся. - А мы ему хотели медаль. "За спасение утопающих".

- А разве кто-нибудь тонул? - спросил Владимир Матвеевич.

- Они порезали вам камеры. Вот этим ножом. А чей нож - не признаются.

Преступников было трое, и их не было жалко. Пускай отработают свои пятнадцать суток на благоустройстве родного города, а экипаж тем временем закончит работы на стапеле и поднимет вот этот спасённый, якорь.

Евгеша молча смотрел сквозь дверную решётку на бессмысленных злодеев. Они молча смотрели на него. Потом долговязый пообещал:

- Увидимся, пацан!

Прощай, Луст...

Отплывали через неделю.

Успели за это время завулканизировать порезанные камеры и поставить весь такелаж.

Успели познакомить Мишу с городом и посетить развалины аэроклуба, где в пустых старых сараях лётчики и парашютисты перебирали остатки матчасти, справедливо именуя их шурушками. Посчастливилось даже увидеть Виша, их крёстного небесного отца. Вообще-то встретить его запросто было невозможно, потому что он, не слезая с мотоцикла, гонял по окрестным лесам, подыскивая варианты для нового аэродрома и попутно добывая какими-то неправдами запасные части к списанным

грузовикам и тракторам, оставшимся от увезённого аэроклубовского имущества. Судьба привела друзей на клубовский двор как раз в тот момент, когда Виш, фигурно ругаясь, ремонтировал что-то в мотоцикле.

- Ну что, друг Малюхин, в шестом классе будешь? Евгеша кивнул, пожимая широченную замасленную ладонь.

- Это хорошо. Через два года мы всё тут восстановим, и ты как раз вырастешь. Полетаем, да?

- Полетаем! - Евгеша хотел спросить, узнаёт ли Виш Игната, но тот, как всегда, опередил.

- Вот это ты вырос! За один год! Только как зовут... погоди, не говори... - Он всмотрелся, но не в лицо Игната, а куда-то в пространство. - Эвкалиптов... Игнат! Точно?

Потом ему представили Мишу. Потом оказалось, что он знает об училище, в котором они учатся. Тем не менее было задано множество вопросов и даны советы - как лучше распределять время и как вести полевой дневник, как тренировать реакцию и даже как управлять плотом. Виш знал всё и, возможно, даже больше. За разговором не заметили, как он затянул последний винт на мотоцикле.

- Ну-ка, р-р-разбегайсь!

Он схватил мотоцикл за рога, крутнул рукой, нажал ногой, и мотор затрещал. Виш сразу сел верхом, рванул с места, как заправский гонщик, задрал в небо переднее колесо, чуть не взлетел, но передумал, крутанулся на месте и подъехал к гостям на присмирившем звере.

- Ничего! На этой технике ещё можно ездить!.. Но мне пора. Когда вернётесь, заходите. Повнимательнее там!..

И умчался.

Это Виш дал им вулканизатор и кусок сырой резины, чтобы отремонтировать плот.

- Мировой мужик! - сказал Миша. - Любаня в него влюбится.

- В него все влюбляются, - сказал Евгеша...

Николай же помог и плот в воду столкнуть. Лихо съехал с обрыва на своём "иже", когда все уже выбились из сил.

- Ну-ка, ещё раз!

Подхватил посередине, оторвал плот от брёвен, качнул вправо-влево - поехало! Все прочие только помогали.

- Ну, повнимательнее там!

Пожал всем руки и умчался вверх по обрыву, на одном колесе.

- Почему он так говорит? - спросил. Миша.

- "Повнимательнее"? - Евгеша засмеялся. - Это авиационный термин. Раньше говорили "счастливых посадок", а теперь - вот так.

Больше Виш не появился.

Отплывали ясным утром. На берегу стояли родители, Аля и четверо завидующих - чёрный брат Валера, белый брат Вадя, рыжий Витюшка и стриженный Веник. А также великий и грустный Дорошенко, только что уничтоживший мосты.

Незадолго до отплытия он уединился с Игнатом на плоту. Между ними состоялась тайная беседа, в результате которой Всеволод Серафимович взял что-то из рук Игната и забросил далеко в реку. Потом оба сошли в надувную лодочку и вернулись на берег. Потом были объятия и рукопожатия, потом команда отбыла в своей лодочке на плот и подняла сначала белый флаг с красным листочком, потом - якорь, потом - парус, потом - руки - на прощанье.

Далеко впереди белели паруса яхты, которая ушла получасом раньше.

Тузик прыгал вокруг Миши и радовался, что он теперь моряк. Миша целился Игнатовым "фотоснайпером" в провожающих. У рулевого весла Евгеша спрашивал Игната:

- Что он бросил в воду?

- ЛУСТ, - отвечал Игнат спокойно.

- Он сошёл с ума? - спрашивал Евгеша.

- Он сказал, что я сошёл, - отвечал Игнат. - Он ещё тогда, когда якорь принёс, отдал мне ЛУСТ, а я поносил-поносил и сегодня говорю: "Не надо, дядя Сева. Если что, мы и без него управимся". Он сказал, что в таком случае его не получит никто.

- Почему? - спрашивал Евгеша.

- Потому что ни милиции, ни армии он не доверяет. Они к нему весь год пытались подкатиться.

- Армия?

- Милиция... Армия пока не знает.

- А я слышал, уже есть такое оружие.

- Не верь.

- Жалко, - говорил Евгеша. - Может, нырнуть?

- Акваланг нужен, - отвечал Игнат. - Бог с ним, с ЛУСТом.
- Жалко, - вздыхал Евгеша.
- Он сказал, - добавил Игнат, - дословно так: "Кто-то когда-то снова изобретёт этот ЛУСТ и отдаст его армии, может быть. Но это буду не я. Горжусь этим и не боюсь громких слов".
Миша тем временем сменил объектив и сфотографировал экипаж плота на фоне провожающих.
Если бы он догадался пошарить "снайпером" по кромке обрыва, то обнаружил бы там ещё трёх провожающих, которые по очереди смотрели в бинокль на то место, откуда ушёл плот, рисовали на бумажке схему и о чём-то сдержанно совещались.

Пираты без опыта.

А на третий день их догнала моторная лодка с мощным двигателем. Она промчалась совсем рядом, метрах в пяти, и трое в штормовках с наброшенными капюшонами внимательно посмотрели на них сквозь тёмные очки.

Тузик долго и яростно лаял вслед.

- Ишь, как спешат, - сказал задумчиво Миша. Он успел их сфотографировать.

Игнат смотрел вслед лодке, пока она не ушла за поворот, и тогда сказал Мише:

- Уйди-ка в палатку. Возьми "снайпер" и приготовься. Мне кажется, они сейчас вернутся. Тогда снимай издали, чтобы успел убрать аппарат...

- Понял, - Миша кивнул. - Придётся вырубать, длинный - мой.

- Как уж выйдет, - Игнат подошел к Евгеше-рулевому. - Если будет драка, не ввязывайся. Твоё дело - держать Тузика.

- Вот выбросили ЛУСТ...

- Да, кстати, - Игнат повысил голос, чтобы слышал и Миша в палатке. - Если пойдут на таран, близко к воде не стойте. Приказ.

- Есть, командор, - отозвался Миша. - Будем заманивать противника в глубь территории.

Засмеялись все, даже Тузик.

- Не отходи от меня, смотри, - сказал ему Евгеша. Тузик кивнул.

Прошли поворот. Навстречу ползли только две баржи с песком, толкаемые буксиром.

- Зря боялись, - сказал Евгеша.

- Не бойлись, а готовились, - поправил Игнат. И объяснил:

- Они хотят без свидетелей. Сзади нас пусто. Проверяют спереди.

- Тем хуже для них! - сказал Евгеша. Голос его дрожал.

- Лесина! - позвал Миша из палатки. - Я тут плёнку меняю, намотай мне на руки одеяло.

- Последи, - сказал Игнат Евгеше и скрылся в палатке. Пока они возились, Евгеша оставил весло и скользнул к столу. Выбрал самый большой из складных ножей, спрятал в карман и мигом вернулся на место.

Игнат вышел из палатки и стал убирать всю посуду в ящик под столом. Исчезновение ножа он, конечно, отметил и протянул руку:

- Давай ножик спрячем.

Евгеша мотнул головой.

- Во-первых, - сказал Игнат, - мы их к себе не пустим. Во-вторых, у тебя Тузик - полон рот ножей. - Тузик кивнул и оскалился. - А в-третьих, на нож в драке не надейся: могут самого же им порезать... Ну, давай, давай.

Евгеша протянул ему нож и тут увидел, как из-за следующего поворота вылетела моторная лодка.

- Миша! - окликнул Игнат.

- Вижу, командор. Снимаю.

Лодка шла с высоко задранной носом. Прямо на плот.

- Так и въедут на палубу, - сказал Миша. Он уже стоял рядом с Игнатом.

Тузик, рыча и дрожа, прижался к Евгешину ноге.

"Спустишь осторожноенько в воду, - раздался над ухом горячий шёпот. Милиза! Тут как тут, коварная! - Нырни под плот, там полно места для головы. Если что - не найдёт никто".

Надо же такое сообразить, подумал Евгеша мельком. И тряхнул головой: "Отстань, некогда!".

- Евгешка, уйди от воды! - напомнил Игнат, коротко оглянувшись.

Евгеша оставил весло и подбежал к столу. Тузик был рядом.

Когда нос лодки навис над плотом, нападающие выключили мотор. Удар был не силен, но передняя часть плота осела, и Евгешу подняло. Он увидел троих, уже без очков, со снятыми капюшонами. Они не выходили из лодки. Долговязый поднял руку, и Евгеша увидел в ней ЛУСТ!

В следующую секунду ему снилось, что он летит, долго-долго-долго летит в облаках, не представляя, где верх, где низ, не видя ни крыльев, ни приборов. Потом облака разорвались, и стала быстро

приближаться земля. Он попытался выйти из пикирования, но не мог найти ручку, чтобы потянуть её на себя, как учил Виш, "плавно, но энергично". Стало ясно, что он не в кабине, что у него не раскрылся парашют, что надо сжаться, зажмуриться, хотя бы защититься руками...

Потом был удар о землю.

Евгеша долго-долго ждал смерти, почему-то не чувствуя боли, пока не понял, что он не разбился и даже, кажется, ничего не сломал.

Он попробовал шевелиться и тут же услышал, что его зовут. Притом не по имени, а вообще:

- Ребята, вставайте! - Это был голос Игната. - Подъём, команда!

Евгеша открыл глаза и увидел ящик для посуды. Прямо перед лицом. Сообразил, что к чему, и вскочил, готовый драться, с гулом в голове и с болью где-то на лбу.

Рядом блаженно спал и чуть перебирал лапами Тузик.

Евгеша бросился на помощь Игнату и увидел, что Миша, не совсем ещё проснувшийся, держит на излом руку долговязого, а Игнат приводит в чувство остальных двоих.

- Ты как, шевелишься?

Евгеша кивнул.

- Хватай руль, чтобы к берегу не прибило. Плот стремительно сносило на стену прибрежного тальника. Там можно было застрять.

Евгеша заработал веслом, благо за три дня освоил эту снасть.

Под ногами начал оживать Тузик. За палаткой шлепки сменились стонами, потом ругательствами.

- Но-но, без мата! - раздался голос Миши. - Здесь дети!

Гм, подумал Евгеша, кто здесь дети? "Молодец, - явилась Милиза. - Если бы полез под плот, точно утонул бы".

Тузик очнулся, вскочил и зарычал. Плот выносило на середину реки, а на плоту шёл допрос.

- Вы где взяли этот прибор? - спрашивал Игнат.

- На удочку поймали.

- А зачем напали на нас?

Молчание.

- Объясню, - говорил Миша. - Обиделись за первую встречу. Потом ещё за милицию. Правильно?

Молчание.

- Думали, вам всё можно, - говорил Миша.

Молчание.

- Неужели вам никто ещё ни разу не давал по рогам?

Три яростных взгляда.

- Что же с вами делать? - спрашивал Игнат.

Молчание.

- Предлагаю, - говорил Миша. - Отпустить. Прямо сейчас. Но без лодки.

- Кто вы хоть такие? - спрашивал Игнат.

Молчание.

- Р-р-р, - предложил Тузик.

- Согласен, - сказал Игнат. - В следующий раз каждому камень на шею и - за борт. Надо выполнять пиратские законы. А пока... Плавать умеете? Ах, да, вы же и нырять умеете... Давайте, ребята, за борт.

- Ладно, - процедил долговязый. - Увидимся.

- Не дай вам Бог, - сказал Игнат.

- Вы поймите, - сказал Миша, - по закону вас надо повесить. Но ведь нам негде, поэтому будем топить.

Долговязый оскалился и молча прыгнул в воду. За ним - остальные.

- Евгешка! - воскликнул Миша. - А ты всё сфотографировал?!

- Для отчёта, - пробормотал Евгеша. - Вам же некогда...

- Я горжусь знакомством с этим человеком! - провозгласил Миша, схватив "снайпер", чтобы сфотографировать уплывающих. Те отворачивались, даже ныряли.

- Думаешь, попробуют ещё раз? - спросил Игнат.

- Не думаю, - ответил Миша. И повернулся к Евгеше: - Давай посидим. Ноги-то дрожат?

Евгеша кивнул и сел рядом с ним на палубу. Спросил Игната:

- Как же ты их?

- Против знакомого оружия... - Игнат усмехнулся озорно, совсем как год назад усмехался Пенёк. - Луч-то плоский. Я упал чуть раньше. Вас он срезал, а когда выключил и вылез из лодки, я сбил его ногами. ЛУСТ отобрал, а дальше - игра в "замри", даже драться не пришлось.

Игнат положил аппарат на палубу, сел с ними рядом.

- А ты отказывался, - напомнил Евгеша.

- Я бы его и сейчас... - Игнат потянулся к ЛУСТу и сердито посмотрел на Мишу, который молниеносно перехватил прибор и отодвинулся.

- Не надо, - сказал Миша. Он разглядывал прибор с несколько потрясённым видом. - Такой маленький, а такая сила. Инфразвук? Значит, вот ты чем гонял тогда...

- Не надо, - попросил, морщась, Игнат. - Мне холодно это вспоминать. Брось его за борт, в самом деле.

- Э, нет! - Миша вскочил и унёс оружие в палатку. Быстро вернулся и сообщил: - Я положил его в свой спальник. Не прячу, но прошу, ребята, не бросайте в воду. Это бесхозяйственно.

- Ага, - Игнат опять поморщился, - в кулацком хозяйстве и пулемёт...

- Игнат, - попросил Евгеша, - мне тоже его жалко. Пусть лежит.

Несколько очень долгих минут Игнат молчал, после чего произнёс короткую речь.

- Знаете, мне кажется, что этот ЛУСТ за мной гоняется. Он нашёл меня год назад и стал мне подсказывать. Он уже дважды нашёл меня теперь и один раз даже успел подсказать.

- Но ведь по делу! - перебил Миша.

- Можно и не послушаться, - Евгеша вспомнил свою надоедливую Милизу.

- Погодите, - остановил их Игнат. - Ты, Миша, ещё его не знаешь. Он всегда подсказывает по делу. Он и этим троим подсказал по делу. По ИХ делу, понимаешь? Он и Евгешей год назад командовал. Было, Евгеша?

- Пытался, - уточнил Евгеша.

Игнат нахмурился, но продолжал - Мише:

- Он и тебе ещё подскажет, погоди... Я не буду его выбрасывать, ладно. Только обещай, что ты вспомнишь мои слова, когда он за тебя примется. Обещаешь?

- Я не очень понял, - сказал Миша.

- А ты это почувствуешь, - успокоил Игнат. - Он сан влезет тебе в руки и сам включится. Понимаешь?

- Не очень.

- А ты, Евгеша?

Евгеша кивнул и сказал:

- Всё равно, не надо выбрасывать.

- А ты что посоветуешь? - Игнат погладил Тузика. - Оставим ЛУСТ?

Пёс энергично замотал головой.

- Предлагаешь выбросить? - спросил Евгеша. Тузик кивнул.

- Два на два, - подытожил Игнат. - Ничья.

- А раз ничья, - быстро сказал Миша, - не будем к нему прикасаться, пока что-нибудь не случится в чью-нибудь пользу.

На том и порешили.

Пиратскую лодку столкнули с плота и привязали к правому борту. С двумя лодками по бортам плот теперь мог внушить уважение любому скептику - хоть долговязому, хоть ещё какому.

Увы, встреча с опасным скептиком была близка.

Героиня и браконьер.

Чтобы запастись смородиновым листом для чая, пришлось причалить к берегу. Игнат оставил команду следить за газовой плиткой, а сам спрыгнул на песок и полез на невысокий яр, где смородины было видимо-невидимо. Ещё раньше кустов достиг Тузик и скрылся, даже не обернувшись на призывы с плота.

- Соскучился по тверди, - сказал Миша.

- Может, ему не хватает витаминов, - предположил Евгеша. - Поест нужной травки и вернётся.

Уже спустился с букетом Игнат, уже букет разделили на мелкие пучки и развесили их по леерам, чтобы сохли, уже надоело отмахиваться от комаров, а мазаться репеллентом не хотелось, - Тузик не появлялся.

- Сбегаю поищу, - сказал Игнат.

В эту секунду долетел отдалённый лай.

- Он что-то нашёл! - Игнат спрыгнул на землю и исчез в кустах.

Чай со смородиновым листом уже хорошо заварился, когда они вернулись с добычей.

- Вот так нас и сними! - крикнул с яра Игнат. - Подробности потом, а то комары заели.

Он поднял перед собой что-то бело-серое и как бы скомканное, а Тузик застыл рядом в позе победителя.

- Заяц, что ли? - спросил Миша, снимая.

Добытки спустились, отвязали плот и оттолкнулись от берега. Миша, сменив оптику, фотографировал мёртвого зайца на палубе и скрежетал зубами.

- Этого паразита, этого выродка... Самого бы так!..

Правая передняя и левая задняя лапы зайца были стянуты тонкой блестящей проволокой. Можно было подумать, кто-то нарочно устроил такую пытку, чтобы бедный невинный зверь умер медленно и мучительно. Шкура на обеих лапах была содрана до костей, Евгешу от вида голого мяса впервые замутило.

- Зачем это? - спросил он, теряя голос.

- Это петля, - объяснил Миша. - Вид промысла. Ставится зимой на тропе. Даже медведя так ловят - тросом. Только нормальный охотник весной все петли снимает. Или затягивает. А этот, подлец...

Тузика нравственные вопросы не беспокоили. Он толкал Игната лохматым боком и указывал глазами на свою добычу. Она не успела испортиться и, следовательно, была пригодна в пищу.

- Миша, - сказал Игнат деликатно, - сволочь эту не поймать нам уже, а чтоб добро не пропало, надо его Тузику сварить и - в пакете за борт. На пару дней хватит.

Тузик удовлетворённо кивнул и толкнул боком Мишу.

- Ладно, - сказал Миша. Он взял нож и ловко снял с зайца шкуру.

- Таёжник, - сказал Игнат уважительно.

- Ты ведь тоже так умеешь, - сказал Миша. Но было видно, что он сам в этом сомневается.

- Курс выживания, - пробормотал Игнат. - Я знаю, КАК, я даже сниму, когда потребуется, но чтобы ТАК снять, надо вырасти в тайге.

Миша улыбнулся, довольный, и сказал, разделявая зайца, что у Игната всё ещё впереди, что какие его годы, что не боги горшки обжигают и что-то ещё снисходительно-утешительнее. Приятно, когда тебя обоснованно уважают. А за таёжные навыки Мишу уважали все. Он и с рыбой управлялся виртуозно - что ловить, что готовить. И травы знал - что для чая, что от хвороб...

Шёл пятый день плавания. До цели оставалось дня три, настроение было бодрое, а после зайца - и немного злое. В этом настроении Миша и углядел через "снайпер" браконьера.

Они выплывали из-за поворота, а за поворотами Миша всегда ожидал снять "что-нибудь внезапное" и потому стоял с аппаратом наизготовку. На этот раз, едва он успел нажать спуск, впереди блеснуло, и по воде метнулся звук ружейного выстрела.

- Охота запрещена, - цедил Миша, снимая ещё и ещё, надеясь поймать в кадр лицо. Но брезентовая фигура нырнула в кусты, так и не оглянувшись.

- Нас не видят, - цедил Миша. - Это плюс.

- Зря ты так думаешь, - сказал Евгеша.

- Я возьму его, - сказал Игнат. - Давай к берегу!

- Он сам придёт, - сказал Миша, не отрываясь от видеоискателя. - Там что-то упало в воду и плывёт к нам. А мы ЧТОТУ поможем.

"Что-то" имело большую для кошки, но явно кошачью голову. Оно плыло к плоту с уверенностью отчаяния. Широко открытые глаза вспыхивали на солнце то голубым, то красным - жутковато, но красиво.

- Сима? - Евгеша бросился к борту. - Сима!

Игнат, Миша и особенно Тузик смотрели потрясённо. Происходило невероятное.

Мокрый зверь с трудом вылез на плот. Он был меньше рыси, но больше самой большой домашней кошки. И хвост у него был короткий, как у рыси, хотя и не было кисточек на ушах. Шерсть тоже была не рысья, не пятнистая, а белая всюду, кроме лап и головы, где она была чёрная. Можно было бы признать в звере огромную сиамскую кошку, если бы не кожаные перепонки между лапами, как у белки-летяги.

- Чо попало, - пробормотал Миша.

- Это наша Сима! - повторил Евгеша и стал гладить двумя руками зверя от головы к хвосту и по лапам, чтобы скорее стекала вода. Справа от зверя образовалась розовая лужица.

- Ты ранена! - воскликнул Евгеша. Зверь кивнул.

- М-да, - сказал Игнат. - А я не верил...

Он принес аптечку и занялся правым бедром, откуда сочилась кровь. Зверь покорно позволял себя лечить, только тревожно поглядывал в сторону берега.

- Женька, - сказал Миша, - давай-ка отрулим на середину реки.

Они вдвоём взялись за весло и успели отогнать плот изрядно, когда раздалось пенье лодочного мотора.

- Ну, готовься, - процедил Миша. - Браконьеры так просто не отступают. Игнат, ты его прими, а я из палатки сделаю фото на память. Пойдём, киса.

Кошка охотно ушла с ним.

Миша завозился в палатке, а Игнат подошёл к Евгеше и подмигнул. Потом выразительно кивнул на палатку.

- Не стой на линии огня, - предупредил Миша. Что он имел в виду, съёмку?

Игнат помог Евгеше развернуть плот веслом вперёд, чтобы Миша мог снимать через вход.

Лодка мчалась прямо на плот.

- Ишь, - раздался Мишин голос, - замаскировался!

Лицо брезентового человека в лодке было скрыто накомарником. Миша всё же сделал пару снимков. Игнат перешёл на нос, Евгеша снова оказался в тылу.

Браконьер не стал въезжать на плот. Он сбросил газ, отвернул и ухватился рукой за борт трофейной лодки. В случае конфликта взрослый человек сам исключал рукопашную. Из миролюбия или в надежде на ружьё?

- Привет, парни! - сказано было приветливо, но с властью в тоне.- Путешествуете?

- Экологический патруль, - Игнат указал на флаг УОПР.

- А что это? - гость мельком взглянул на флаг.

- Управление Охраны Природного равновесия, - оказал Игнат.

- Браконьеров ловим! - Миша высунулся из палатки и хлопнул затвором "Зенита".

- И фотокарточку пришлешь? - брезентовый спросил с еле уловимой тревогой, но больше - с вызовом, а скорее даже - с угрозой, хотя и не изменил приветливости тона.

- Давай адрес! - Миша появился весь: "Зенит" на груди, левая рука в кармане брюк, надетых впервые за весь поход. Брезентовый оглядел их сквозь свой накомарник.

- Неплохо вы загорели.

- Это через сетку кажется, - сказал Игнат.- Она же чёрная.

- Возможно... Ну, какие успехи?

- Да ничего, - Миша не скрывал агрессивности. - Вот лодку у пиратов конфисковали. А у тебя ружьё конфискуем.

- Вот это, что ли? - брезентовый взял двустволку, которую нарочно оставил на виду. - Это фоторужьё.

Видишь, фотоаппарат, телеобъектив... И совмещено со спуском. Давлю на спуск и - снимаю!

- А следом - выстрел, - сказал Миша. - Уже видели.

- Да оно не заряжено. Хочешь, тебя сниму?

Миша метнулся в палатку. Ружьё уставилось на Игната.

- Слушай, - сказал брезентовый, - к вам моя кошка случайно не попадала?

- У нас, - сказал Игнат. - Лечим. Будет свидетелем.

-Эта моя кошка! - крикнул Евгеша.- Её зовут Сима! Она умеет летать!

- Всё верно, - сказал брезентовый. - Летает. Только я всё-таки первый, парни. Надо отдать. Так полагается.

- И ружьё заряжено, - добавил за него Игнат. Тузик тихо зарычал у ног Евгеша.

- Ты догадливый, - сказал браконьер. И повысил голос для Миши: - Эй, ты, в палатке! Давай сюда зверя!

Из палатки высунулась рука с ЛУСТом, и браконьер, выронив ружьё в трофейную лодку, повалился на борт.

- Вырубай! - Игнат прыгнул вперёд, поднял пирата за шиворот, сорвал с него шляпу с сеткой. -

Снимай!

- Кадр бесподобный, - комментировал Миша, наводя "Зенит".

- Ружьишко заberi, хорошее ружьишко. И вяжи его, на вот верёвку. Скоро посёлок, сдадим участковому.

- Если он сам не участковый, - пошутил Игнат. И сказал уже серьёзно, вертя в руках уникальное ружьё: - Вот тебе и наблюдательный патруль... Сплошная свалка... О-о, посмотри, какой кронштейн! Отливка...

Миша взял у него ружьё, а в это время брезентовый, начиная приходить в себя, ещё в полусознании, перевалился в свою лодку и отчалил. Невыключенный мотор постукивал на холостом ходу.

- Держи! - Миша прыгнул к борту, весь вытянулся, но не достал. - Брать его надо! Давай ЛУСТ!

Евгеша, которому он передал было прибор, уже начал его поднимать, но Игнат остановил:

- Не надо. Чёрт с ним.

- Ох, зря, - матёрый таежник Миша неподдельно огорчился. - Не знаешь ты настоящих браконьеров. Хуже любого хищника. Он теперь не отстанет.

Как бы в подтверждение из лодки раздалась брань.

- ЛУСТ уже управляет тобой, - сказал. Игнат.

- Так ведь правильно управляет, - вмешался Евгеша.

- Против ружья мы бы не справились, - сказал Миша. - Он наверняка хорошо стреляет.

- Эй, вы! - Лодка браконьера подошла близко. - Отдайте ружьё!

- Конфисковано! - ответил Миша, покачивая в руке ЛУСТ.- Назовите адрес и фамилию, получите фото и квитанцию.

Вслед за длинной руганью до них долетело требование вернуть накомарник.

- Катись! - рявкнул Миша и поднял "фотоснайпер". Брезентовый быстро отвернул лицо, взревел мотор, и лодка стала удаляться вниз по течению.

- Вот теперь мы сами приплывём ему в лапы, - сказал Миша.

- Почему ты не бросил ему шляпу? - спросил Игнат, разряжая двустволку.

- С ними - только так, - Миша сощурился. - Или всё или ничего. Дети природы, вроде волков, я же говорю. Только меры не знающие. Хищник убивает сколько надо, а эти - сколько смогут. Не дети природы - выродки. Худшее от зверя и худшее от человека. За пределами разума. Они теперь всё валят на химию: она, мол, губит больше. Но они-то от этого не чище...

- Эту речь, - сказал Игнат, - я занесу в полевой дневник. Она тебе обеспечит высший балл за практику.

Миша оттаял и улыбнулся.

- А что, валяй! Речь действительно получилась. Только я её уже не повторил бы. Вдох кончился. А про одного такого нелюдя я могу рассказать вам ЛЕДЕНЯЩУЮ ИСТОРИЮ.

Из палатки, прихрамывая, вышла Сима. Легла на солнышке, подставила ему раненный бок. Тузик осторожно приблизился и лёг рядом, разглядывая чудо природы. Кошка что-то промурчала, он кивнул подполз вплотную и начал сильным, неожиданно длинным языком зализывать ей рану.

Команда, любясь, села к столу.

- Расскажи о ней, - попросил Миша Евгешу.

- Об этом уже писали, - сказал Евгеша. - Она жила с нами, потом очень захотела летать, ушла из дому и научилась. Больше мы её не видели.

- Ба! - Миша вдруг вспомнил. - "Сиамская рысь-летяга"! Это она и есть?

Евгеша кивнул.

- Так это же из сказки про этого...

- Про Пегасика, - напомнил Игнат.

- Сам знаю, я же поэт... Про воробья Сёму, про мальчика Евге... Женька, слушай, так это про тебя?!

- Боже мой, - Игнат рассмеялся. - До чего же ты отвлечённый. Я ведь тебе в поезде рассказывал.

- Да мы совсем о другом толковали, - перебил Миша. - Тогда важнее была эпидемия, другого я не замечал... Вот это да-а-а... Значит, в той сказке... всё правда?

Пришлось в два голоса подтвердить, что "Пегасик" - не сказка, а "сказочно правдивая история", то есть всё с натуры. Вот и живая героиня лежит, можно потрогать.

И Миша подошёл и погладил. Обоих - и Симу, и Тузика. Все трое остались довольны.

На следующее утро Сима стала беспокоиться. Она то бегала у борта, глядя на берег, то тёрлась о Евгешины ноги.

- Сойти хочешь? - спросил Евгеша.

Кошка кивнула.

- Ты ведь болеешь.

Кошка повела головой из стороны в сторону.

- Королева в изгнании, - сказал Миша.

- Что? - Евгеша не понял.

- Этот так говорят, - объяснил Миша. - Каждая кошка - королева в изгнании.

- Может, останетесь, ваше величество? - спросил Евгеша. Сима покачала головой. При этом она с зажмуренными глазами тёрлась ласково о Евгешу боком и мурчала.

- Посёлок на правом берегу, - сказал Миша. - Нам причаливать к левому. И подальше. Так?

Кошка кивнула.

Ночью Евгеше приснилась Коварная Милиза. Села перед ним, огромная, взяла на колени сиамскую рысь-летягу, стала её гладить и приговаривать: "Отпустил, глупый, Симу... А мог бы шапку из неё... Она же всё равно браконьеру достанется..." Сима грустно кивала и мурчала. "Авось не достанется, - возразил Евгеша. - Теперь учёная, поди". Сима опять кивала и мурчала, как заводная игрушка. Тут Милиза сбросила её с колен и озабоченно сказала: "Ты прав, шапка - это суета. Как бы вместе с этой шапкой голову не потерять. Браконьер вам отомстит. Это ружьё у него не последнее. В дурную историю ты плывёшь". "Ну и что?" "А то, что надо подумать и о родителях. Если ты - с помощью браконьера - отправишься на дно, то кто будет заботиться о твоих престарелых родителях?" "Они не престарелые". "Так будут, глупый ты человек!" "Ну и что теперь?" "А то, что не мешало бы тебе заболеть". "Зачем это мне болеть?" - спросил Евгеша, хотя уже сам всё понял. "Ответа не будет, - Милиза усмехнулась. - Из ближайшего посёлка на первом попутном катере - обратно в Томск. Скажем, с сильной головной болью..." "Сейчас ты у меня отправишься..." - Евгеша начал искать ЛУСТ. "Испугать хочешь? - Милиза обиделась.

- Ну, смотри. Я уйду. Пускай тебе твой ЛУСТ помогает жить. Он и маму твою, и папу, и Алю - больше моего любит..." "Убирайся!"

- Женька, ты чего бунтуешь? Пусти! - Миша отодрал его руки от своей шеи, и Евгеша после этого почему-то сразу уснул и до утра больше не беспокоился.

Леденящая история.

Наутро пили чай и рассуждали о мирах. Тузик хрустел заячьей косточкой и время от времени кивал, когда, по его мнению, говорили что-нибудь дельное.

Начал разговор Миша. Он повздыхал и пробормотал:

- После этих драчек мы уже совсем свои. Ты скажи, Лесина, могу ли я задать тебе при Женьке... и при Тузике... деликатный вопрос?

Игнат посмотрел на него внимательно и кивнул.

- Сегодня ночью, - сказал Миша, - когда Женька меня чуть не задушил, я не спал и видел, как ты плачешь. Ты задираешь голову, но они всё же текли и блестели, а ты их вытирал и шмыгал носом. Не было?

- Было, - Игнат улыбнулся без всякого смущения. - Только голову я задираю не из-за слез. Наоборот. Я смотрел на звёзды и расстроился, что никогда нигде ТАМ не побываю. Даже где-то рядом, в Сибири, не могу мать родимую найти, что там звёзды... Они будут всегда, а мы... Это страшно. Самые страшные, самые обидные слова...

- Какие? - спросил Евгеша.

- ВСЕГДА и НИКОГДА, - Игнат махнул рукой.

Тузик печально кивнул, и глаза его увлажнились. Некоторое время все молчали, потом Миша с некоторой злостью сказал:

- Что там звёзды... У себя на Земле полно миров, и не в каждый войдёшь...

- Везде не побываешь, - сказал Евгеша.

- Нет, не это, - сказал Миша. - Ты о других странах, да? А я - о мирах. Даже у нас на плоту - и то разные миры. У тебя, Женька, аэроклуб: авиация - это отдельный мир, не всем доступный. У Тузика с Симой - свой мир. Вчерашний наш браконьер - тоже особый мир.

- Параллельные миры, - сказал Игнат. Тузик решительно кивнул. Кивнул и Евгеша.

- Те трое на яхте, - продолжал Миша - тоже особый мир. Не каждый ведь поймёт, зачем надо летом, в свой отпуск, тащиться в Ледовитый океан, мучиться с парусами, однообразно питаться, видеть бедную природу...

- С ними более-менее понятно, - вмешался Игнат. - О них сказано: "У каждого барона - своя фантазия".

- И "каждый по-своему с ума сходит", - добавил Миша. Тузик кивнул.

- И сколько всякого буквально рядом с собой, - сказал Миша, - мы никогда не увидим и не узнаем.

- Не забудь рассказать нам "леденящую историю", - напомнил Евгеша.

- О, это, кстати, тоже о параллельных мирах, - сказал Миша. - И о том, что всё параллельное когда-нибудь хоть раз обязательно пересекается. Я, правда, на этом пересечении не был, мне батянька рассказывал. А касается это особого мира - АНТИЛЮДЕЙ..

В нашем леспромхозе крысы донимали. Никакому вору столько не украсть, как они съедали. Крупа, мука, сахар, печенье, масло, сыр, колбаса - это пустяки. Они съедали мясные консервы! Из жестяных банок! Они в промтоварном складе прогрызли бетонную стену и ели ковры, меха, одежду и обувь. Лоскутка не оставалась. Никакая отравка их не брала, а котов они сами жрали - только подавай.

Тогда пошли к Ефимычу. Он в соседней геофизической конторе охранял склад взрывчатки. Сказали: "Ефимыч, дай гексогена". Он, конечно, стал смеяться: "Думаете, как старый человек, так и обмануть легко? Вы гексогеном поднимете на воздух весь леспромхоз, а крысы останутся живёхоньки. Не думайте, что мы газет не читаем: вон на атолле Бикини - атомную бомбу рванули, а крысам хоть бы чо". Ему говорят: "Ошибаешься ты, старик, потому что не всё знаешь о гексогене. Он не только взрывчатка, он ещё сильный яд". Ефимыч отвечает: "Почему же не знаю? Год назад у меня щенок лизнул кончик детонирующего шнура - и отдал богу душу. Но против крыс вам и этот яд не поможет". "Что же нам делать?" Тогда старик назначает себе премию в сто рублей и за эти деньги берётся известить всех крыс в посёлке. Само собой, премию ему дают. Тогда он разбирает в складе пол и роет яму. В яму ставит железную бочку, чтобы края - вровень с полом. На бочку пристраивает вертушку из двух досок - как лопасти водяной мельницы. И получается охотничья снасть, которая называется падалка. Крыса ступает на доску за приманкой, которая привязана к оси вращения, доска опускается, и она летит в бочку.

- А в бочке вода! - догадался Евгеша.

- А в бочке сухо, - продолжал Миша, - и уже сидят другие крысы, которые упали туда раньше. Жестокий бог Ефимыч приготовил крысам более страшную судьбу. Они сидят и смотрят друг на дружку. Грызть нечего: бочка - не консервная банка, не поддаётся. Зубы растут и чешутся, в желудке сосёт, - и

они съедают тех, кто слабее... Чтобы их слишком много не набиралось, Ефимыч на несколько дней притормаживает падалку... И вот через месяц у него осталась одна крыса. Самая способная к выживанию. Она съела всех, с которыми попала в бочку. И тогда ей была дарована свобода.

- Бр-р-р, - сказал Евгеша. - Это за что же?

- Не за что, а для чего, - уточнил Миша. - Дело в том, что обычно крысы друг друга не едят. Но если одна втянулась, ей другой пищи не надо. К тому же она после бочки уверена, что все крысы хотят съесть её. И она становится крысиным каннибалом - ест своих. И до самой своей смерти она другим крысам жизни не даст. Ефимыч сказал, что зовут её КУНЧО.

- Почему?

- Да кто же знает? Кунчо - и всё.

- Что же было дальше?

- Дальше просто, - сказал Миша. - Кунчо прогнал из поселка всех крыс. И ушёл за ними сам. Больше они не появлялись.

- Да, - сказал Игнат, - история леденящая. А при чём тут параллельные миры? С крысами человек всю жизнь...

- Я ещё не дорассказал, - ответил Миша. - Самое страшное впереди... Примерно через два года, когда о крысах и думать забыли, приехала в леспромхоз бригада вербованных, на лесоповал. Никто не обратил внимания - мало ли их приезжает. Но через три дня от всей бригады остался только один человек, тракторист. Остальные уехали. Наши и этому не особенно удивились, они всякого навидались с этими вербованными. Определили того тракториста в другую бригаду и дело с концом. Однако через месяц там решил увольняться бригадир, друг моего отца. Кадровых рабочих терять - совсем другое дело, и Рауп, директор, в это дело углубился. Оказалось, новый тракторист бригадира загрызает. Вроде все его претензии правильны, вроде от инструкций отступает не он, а бригадир, но работы в бригаде не стало. Трактор почти никогда не работает, потому что у тракториста всегда увёртка: то чокер не по норме изготовлен, то рукавица у чоководчика дырявая, то инструкция со стены вагончика потерялась, то ещё что по мелочам. Ну, лишь бы не работать. Бригадир это надоело, но когда он попытался перевести того типа в помощники вальщика, тип стал пугать его судом да так умело, столько всего насобирал, что бригадир подал заявление.

- Может, он был друг леса? - предположил Евгеша. - Деревья жалел?

- Он был браконьер, - сказал Миша. - Пока трактор простаивал, он сетку вязал, петли делал - готовился. А по выходным - промышлял. И не попадался.

- А что же бригада? Не могли его - того?

- Вот тут ты, Женька, прав, - Миша засмеялся. - Приехал Рауп в лесосеку, собрал бригаду: "Что ж вы, кадровые пролетарии, даёте бригадира в обиду?" А мужики-то и не знали ничего. Хитрый тип ел бригадира всегда с глазу на глаз. А тот гордый, не жаловался. Да, может, и боялся... Там же на месте постановили типа из бригады убрать, и уж тут любые законы против права бригады бессильны. Но в леспромхозе директору пришлось его оставить - на это закон нашёлся. Определили его на новый автобус-вездеход водителем: был у типа инженерный диплом и несколько разных удостоверений - насобирал за долгую жизнь, в том числе и водительское. Машину ему нарочно дали новенькую, только что полученную, чтобы ему не к чему было придраться. И он её, правда, соблюдал: курить в салоне запрещал, с грязными ногами не пускал и все гайки вроде подтягивал. А работа снова не идёт! Как ехать далеко, так чего-нибудь да нет. То в путёвке штамп нечёткий, то народу слишком много набилось, то двигатель надо греть, то гайки подтягивать, то масло другое в картере... И придраться опять не к чему: он кругом прав, перед ним - буква. Водил машину с такой осторожностью, что быстрее пешком дойти. А уж отработать лишний час - ты ему сперва на этот час оформи все документы и вывеси приказ... Не выдержал и директор: надо ведь работать! "Духу твоего, - говорит, - чтобы не было в леспромхозе! Вот тебе твоя трудовая книжка!" А тот книжку не берёт: "Не имеете права. По судам затаскаю. У меня всё про вас записано". Безгрешных директоров не бывает, у безгрешного дело не пойдёт, поэтому Рауп на обострение не хочет и спрашивает: "Чего ж тебе надо?" "Переведите сторожем в геофизику, к Ефимычу на склад, я там уже договорился". Перевели. Ефимычу и в самом деле требовался напарник. А через неделю старик позвонил Раупу и спрашивает: "Степаныч, у нас в посёлке крысы водятся?" "Нет, Ефимыч, дорогой, до сих пор тебя добром вспоминаем". "Неправда, Степаныч, забыли вы моё добро. Теперь мне конец". И положил трубку. Рауп сначала не придавал значения: знал, что Ефимыч любит образно выражаться. А через час всё-таки позвонил на склад: "Что у вас там такое?" И слышит, Ефимыч еле языком ворочает, с натугой так отвечает: "Всё, доедает он меня". И - короткие гудки. Тут наш директор заволновался, сам сел за руль и - туда. Хорошо, что по дороге подхватил нескольких геофизиков. Когда приехали, а дело было в мае, рядом со складом только один сторож, карабином угрожает. Они: "Где Ефимыч?" "Весь вышел". А сам брючный ремень Ефимыча дожёвывает. "Я бы, - говорит, - и тебя, директор, съел, да ты, молодец, догадался парней с собой прихватить - столько для

меня многовато. Но ты погоди..." Выплюнул пряжку в грязь, карабин под ноги швырнул... Геофизики на него сразу бросились. А он топнул ногой и обернулся огромной крысой. Геофизики, конечно, не испугались, хотели затоптать, но крыса сказала: "КУНЧО!" И ушла в дыру под складом, кое-как протиснувшись. Тут только директор вспомнил, где он раньше слышал фамилию этого людоеда - Кунчин!

Евгеша слегка побледнел. Миша с Игнатом смотрели на него: верит ли?

- Да-а, - сказал Игнат, - такое перед сном слушать...

- Крыса-оборотень? - спросил Евгеша, будто самого себя. - Что-то очень похоже на сказку.

- А то, что твоя кошка научилась летать, на сказку не похоже? - Миша явно приготовил такой ответ заранее. - То, что вы мне про Пегасика наговорили - разве не сказка?

- Так это чудеса нормальные, - Евгеша возражал уверенно. - Очень захочешь - можно полететь. Душу во что-то вложишь - оно оживёт - это ведь известно. А чтобы крыса в человека превращалась - это просто какая-то ерунда.

Миша хитро молчал, поглядывал на Игната. Тузик сильно сомневался и покачивал головой со страхом в отважных глазах.

- Правильно, Евгеша, - сказал наконец Игнат. - Это просто байка.

- Это не байка, - поправил Миша. - Это легенда. Даже, если угодно, притча. Здесь важна не та правда, в которую легко поверить, а та, которая даёт самое яркое представление. Ты ведь теперь представляешь, какими бывают убеждённые антилюди?

Евгеша кивнул. Всё было ясно: кто ест людей, против того борись. Узнать античеловека, разумеется, легко: он похож на крысу.

- Но важнее всего, - сказал Игнат, - КАК с ними бороться.

- ЛУСТАми! - Этот вопрос был для Миши решён. - Лучшего оружия нет!

- Если бы всё так просто, - Игнат покачал головой. - Я о другом думаю. Если бы антилюдьми можно было отделить от человечества, всё можно было бы решить и ЛУСТАми. Но ведь они - растворены. Как ты их... даже угадаешь, не то что отделишь?

Игнат замолчал и посмотрел на Мишу с ожиданием.

- Н-ну, пока не знаю, подумую. Ты не отвлекайся, развивай дальше.

- Да что дальше, - Игнат вздохнул. - Я сам не знаю... Раз они растворены в человечестве, то я опасюсь, что почти любой из нас может в определённых условиях стать оборотнем... Непонятно? Я не могу это объяснить. Я это чувствую. Очень многие люди от рождения готовы к этому, только не всем предоставляется случай.

- Значит... - начал Миша.

- Надо, чтобы случай не предоставлялся, - сказал Игнат. - А для этого ВСЁ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО должно жить...

- По-человечески? - спросил Евгеша. Тузик уверенно кивнул. Игнат кивнул тоже.

- Дело за малым, - сказал он всё так же грустно. - Направить всё человечество в нужную сторону.

- Но этой стороны никто не знает, - сказал Миша.

- Вот именно, - согласился Игнат. - А если бы кто и знал, никакие ЛУСТы не смогли бы помочь.

- Человечество не остановишь и не свернёшь, - Евгеша вдруг чётко вспомнил прошлогодний разговор. - Но направлять его - можно и необходимо!

Игнат, Миша и Тузик посмотрели с уважением.

- Так и сделаем, - сказал Игнат.

- Веслом от нашего плота, - сказал Миша.

Тузик решительно кивнул. Он верил в силу весла.

Абордаж на курорте.

Настало новое утро, и река вынесла плот к курорту, который больше походил на табор кочевников. Он издали известил о себе дымами костров, потом выполз из-за поворота во всей красе, парой километров ниже посёлка Чажемто, но на другой стороне реки.

- Остановка "Минводы"! - объявил Миша голосом автобусного кондуктора. И пояснил: - Так тут объявляют капитаны теплоходов. Официальной остановки нет, но людям надо - высаживают. И забирают тех, кто отлечился.

- Ты здесь был? - спросил Евгеша.

- Бабушка моя лечила поясницу... Помогло.

- И всё было вот так же? - спросил Игнат.

- Почти. Лечебница так и стояла недостроенная. Значит, врачей и сейчас не бывает. Палаток вроде больше стало. Тогда было около сотни. И кабинок поднастроили. Ванны в них, ребята... И деревянные, и из плёнки, и просто ямы. Жуть... А вот автолавка - та же самая, я номер почему-то запомнил. Паршиво у них с продуктами. Словом, сервис по-дикому.

Миша указал, где ошвартоваться, чтобы не мешать теплоходам, и они с удивлением увидели среди нависших веток талины знакомую яхту, которой давно полагалось рассекать полярные воды. Судно было привязано к двум деревьям и напомнило едкому Мише крейсер "Аврора" на вечной стоянке. Только на палубе никого не было, и флаги не развевались.

- Повнимательнее, ребята, - напомнил Миша. - Встреча с недругом очень даже возможна.

- Надо осмотреть этот дикий курорт, - сказал Игнат. - Кажется мне, антисанитария полная.

- Абсолютная! - подтвердил Миша. - Ни туалетов, ни мусорных ям, ни водопровода для питья. Лечебная вода бьёт струёй из трубы и содержит родон, сероводород и что-то там ещё. Научно называется - сеноман. Геологи оставили, а народ сорвал заглушку. Едут со всякими болезнями, а поскольку врачебного контроля нет, то и неизвестно, сколько вылечилось, а сколько... Словом, один этот курорт стоит целого отчёта.

- Евгеша, - попросил Игнат, - вы с Тузиком подежурьте, а мы быстренько всё осмотрим, кое-кого опросим, кое-что отснимем и вернёмся. Если опасности нет, пойдёте вы.

- Под горячим душем постоите, - сказал Миша. - Он для здоровых полезный, от него сон крепче.

- Да я не жалуюсь, - сказал Евгеша, и все засмеялись. - Ну, идите, только не очень долго.

- Бойтесь? - спросил Миша.

- Нет, - Евгеша хмуро мотнул головой, потому что боялся. - Просто будем за вас беспокоиться. Да, Тузик?

Пёс кивнул.

- За нас не беспокойтесь, - сказал Игнат. .

- И не забывай, ЧТО у меня в спальнике, - шепнул Миша. Они спрыгнули на берег и тут же наткнулись на обмотанный мохнатыми полотенцами экипаж яхты.

- Вот нас и догнали, - сказал довольно резко бородатый.

- Здравствуйте, - сказали Игнат и Миша.

- Привет, - ответил их капитан и тут же обратился к своим:

- Без двигателя и думать забудьте.

- Да где ж мы возьмем головку блока? - иронично спросил капитана третий яхтсмен, теперь совершенно заросший. И с той же иронией обратился к Игнату: - У вас случайно нет с собой головки блока для волговского мотора?

- Ого-го! - сказал Миша.

- А что случилось? - спросил Игнат.

- Случилось непоправимое, - заросший продолжал иронизировать. - Забыли на реке про воду, и головку повело.

- Заклинило движок, - поправил бородатый.

- Не это важно, - огрызнулся заросший. - Важно, что кое-кто не решается продолжать поход без мотора.

- Тогда как наши предки... - вставил бородатый.

- Наши предки были богатыри, - перебил их капитан уже с яхты. - А кое-кто, как ты изволишь выражаться, несёт ответственность... Короче, незачем выносить сор из избы.

- Из кают-компаний! - с пафосом поправил заросший.

- Докатились! - рявкнул капитан и скрылся в каюте.

- Докатились! - рявкнул вслед ему бородатый. - Интересно, как ты обратно пойдёшь без мотора?

Все незадачливые полярники скрылись в каюте, и спор продолжился там.

- Не дай Бог нам, - сказал Игнат.

- Не даст, - Миша засмеялся. - Мы не бароны, мы без фантазий. Нам бы только планету спасти...

- Пошли скорее, - Игнат обнял его за плечи. - Катер-то из Ягодки нам когда ждать?'

- Рауп обещал сегодня-завтра и далее, - сказал Миша. - Отсюда до Ягодки всего тридцать кмэ.

Они ушли и отсутствовали совсем не долго, минут двадцать. Евгеша только и успел, что поупражняться немного с ЛУСТом. Разумеется, он его не включал. Просто порегулировал на ощупь ширину луча и подвигал пальцем над кнопкой, имитируя разные режимы. При этом вспоминал, как после первого полёта на планере закрывал глаза в автобусах, в троллейбусах и на каждое качание, на каждый толчок и поворот реагировал правой рукой, будто держал ручку управления. А пассажиры косились, как на психа, и однажды какая-то участливая гражданка справилась насчёт здоровья.

Тузик во время этих упражнений держался у противоположного борта и косился неодобрительно, даже начинал качать головой, когда встречал Евгешин взгляд.

А через двадцать минут примчался Миша, переложил багор поближе к борту, велел Евгеше держать ЛУСТ наготове, но скрытно, и прыгнул обратно на берег. Там развязал и отмотал причальный трос, оставив только одну петлю, и так стоял, держа конец в руке, готовый мгновенно пустить плот по течению.

- Где Игнат? - спросил Евгеша.

- Там наш враг, - сказал Миша, - торговал среди болящих стерлядьё. Лов её, ты знаешь, запрещён. Мы сфотографировали. Он сейчас гоняется за Игнатом, потому что "Зенит" - у Игната. А я побежал готовиться к отплытию. - Миша засмеялся. - Не беспокойся, Игнат его сделает. А брать нельзя - толпа за него: им же рыбки охота, а никто больше не продаёт...

Бесшумно примчался Игнат с фотоаппаратом в руке, сказал: "Пошёл!", и его босые пятки стукнули о палубный настил. Тут же схватил багор, начал отталкиваться от берега. Миша с тросом прыгал уже вслед уплывающим.

Прошло почти полминуты, пока из кустов появился брезентовый. Он чуть не упал с разгону в воду, поглядел на уплывающих, ослабилась и исчез в кустах.

- У него, конечно, лодка, - сказал спокойно Миша. - Будет abordаж.

- Бог не выдаст, свинья не съест, - так же спокойно ответил Игнат.

- Крыса, - поправил Миша.

- Да ведь не похож он на крысу, - сказал Игнат. - Красивый мужик. Точно, Евгеша?

Евгеша кивнул.

- Может, мне сесть в лодку да протаранить его? - размышлял Миша вслух. И сам себе возражал: - Нет, он наверняка управляет лучше.

- Примем здесь, - процедил Игнат. Он слушал вспыхнувший впереди треск лодочного мотора и быстро менялся в лице. Евгеша вспомнил, что так же было, когда брезентовый направил на него ружьё. Не страх и даже не злость, а что-то спокойное и неотвратимое, чему Евгеша, не найдя слов, дал длинное название - "пощады не будет". Против трёх неопытных пиратов его лицо таким не становилось. Тогда на нём была скорее - игра.

Лодка браконьера мчалась, чуть приподняв нос. Она была похожа на торпеду, управляемую смертником-камикадзе.

- Я же говорил, что они не отступают, - медленно проговорил Миша.

- Я постараюсь один, - сказал ему Игнат. - Так мне способнее.

- Я знаю, - сказал Миша.

- А ты смотри по обстановке.

- Понял, - Миша обернулся к Евгеше и подмигнул. Евгеша тоже понял: если не получится у обоих, можно включать ЛУСТ. Он боялся, что будет стрельба. Больше всего боялся стрельбы. Он представлял, что пуля ударит его именно в глаз, и это было противно.

У его ног тихо рычал Тузик.

- Возможно, он опять с ружьём, - сказал вдруг Миша.

- Здесь не решится стрелять, - ответил Игнат.

- Не знаешь ты их, - повторил Миша. - Женька! Залезь в палатку, чтоб ты его видел, а он тебя - нет.

- Мудро, - сказал Игнат, не оборачиваясь. - Лучше всего - ложись.

- Приказ, - добавил Миша строго.

Евгеша всё исполнил и замер, лёжа рядом с Тузиком у палаточной щели.

Лодка врага была уже ближе двадцати метров. Евгеша видел, как оттуда поднялось ружьё, как дважды блеснуло, и в палатке стало светлее и запахло горелым. Он видел, как Игнат и Миша упали, и рука его сама включила прибор. Тузик метнулся в атаку, но упал, сражённый лучом страха.

Однако с пиратом ничего не случилось. Он как ни в чем не бывало въехал на плот и выпрыгнул из лодки, оставив там дымящееся ружьё. В ту же секунду мелькнули длинные ноги Игната, и брезентовый рухнул навзничь, громко стукнувшись о палубу головой. Он резво вскочил, отбил первый удар Игната, но от второго звериная злость выплеснулась из его глаз, они стали пустыми и бессмысленными, он опустился на колени и рухнул прямо на лицо к ногам готового драться Евгеша.

- Миша! Конец!

Миша, всё ещё готовый нанести свой удар, нырнул в палатку, вылез оттуда с верёвкой, и вскоре связанный по рукам и ногам пират был не опаснее своего ружья.

Он действительно красавец и атлет, подумал Евгеша. В беспомощности лицо его было добродушным и внушало симпатию. Выдали только глаза, когда он их открыл.

- Гадёныши, - было первое, что он сказал, и в голосе его звучало раскаяние. - Ох, напрасно я вас не убил.

- Ещё скажи, что целился мимо, - Миша усмехнулся презрительно.

- Пожалел, - каялся пират.

- Не надо, - ответил Игнат сухо и официально. - По пробойнам в палатке легко определить линии выстрелов. Просто вы не учили, что мы умеем уклоняться.

Пират смотрел на его губы и было видно, что не понимал.

- Да у него уши закупорены! - Миша присел и стал извлекать вату из одного уха пирата. Заодно ощупал карманы и извлёк какой-то документ.

- Так вот почему ЛУСТ его не взял! - понял Евгеша.
- Грамотный, - процедил Миша, раскрывая документ. - О! Ты не угадал, Лесина! Он не участковый. Инспектор рыбоохраны. Нештатный. Хор-рош, гражданин Кун... - Миша поднял глаза. - Ребята! Вы знаете, как его фамилия? Кунчаев! Вопросы есть?
Евгеша даже отступил.
Тузик ощетинился и зарычал.
Игнат протянул руку за документом.
- Гм... Похож... Но - не похож...
- Как говорится, внешность обманчива, - Миша засмеялся с тихой яростью и вытащил вату из второго уха пирата. - Дай-ка ЛУСТ, Евгеша, проверим, так ли он нечувствителен к инфразвуку...
Миша отошёл, насколько позволял плот, и поднял оружие. Тузик метнулся к Евгеше и спрятался за него.
Пират заметался в путях, явно желая превратиться в крысу.
- Не надо пыток! - Игнат шагнул к Мише и отобрал прибор. - Я же предупреждал, что ОН будет тобой управлять!
Миша смутился и пробормотал:
- В самом деле... Слушай, брось его за борт!
- Вот теперь не-е-ет! - Игнат засмеялся так заразительно, что улыбнулись все, кроме пленного. Игнат сунул оружие в карман и произнёс приговор: - Будет в училище музей трофеев. Это - первый экспонат.
- Только аккумулятор вынуть, - напомнил Евгеша. И все, кроме пирата, опять улыбнулись. Миша тут же нахмурился.
- Ладно, Кунчо, пока что благодари Игната. Уж ты бы нас не пожалел... А срок я тебе обещаю. Свидетелей трое, а четыре дырки в палатке я сейчас сфотографирую. И тебя - на фоне..
- Свидетелей четверо, - поправил Евгеша. Тузик решительно кивнул.
- А он в крысу не превратится? - спросил Евгеша серьёзно.
- Пожалееет, - процедил Миша.
- Между прочим, лоцман, - сказал Игнат, - нас не пронесёт мимо устья?
- Какого устья? - Миша всё ещё хмурился.
- Да Ягодки твоей.
- Черт побери, - сказал Миша. - Из-за этого... не поработали толком на курорте... Ладно. Ягодка впадает вон за тем поворотом. Оставим плот в устье и сбегает обратно на его моторке.
- А его? - спросил Евгеша.
- Этого рыбоинспектора? С Тузиком побудет. Тузила, посторожишь?
Тузик обиженно отвернулся и отошёл к борту.
- Ладно, - Игнат улыбнулся, - что-нибудь придумаем. В крайнем случае...
Частые свистки впереди не дали ему договорить. Из-за поворота выскользнул катер-водомер.
- А вот и решение всех проблем! - объявил Миша. - Гарантирую, что и мой батянька там на борту. Наверняка Рауп ему проговорился.

Ещё три письма.

Пос. Ягодка, 21 июня. Здравствуй, Аля!

Как обещал, пишу тебе сразу из конечного пункта. Здесь всё Ягодка - и речка, и посёлок, и леспромхоз, и даже детский сад "Брусничка" и столовая "Малина".

Доплыли хорошо, весело. Все здоровы. Только мы с Тузиком немного соскучились по дому.

Всю дорогу фотографировали, рыбачили и загорали. Тузик съел целого зайца. Встречали нашу кошку Симу. Ту самую, из книги, которая (не книга, конечно, а кошка) гонялась за воробьем Сёмой и Пегасиком. Она очень выросла и действительно стала летягой, даже Миша поверил.

Видели живого браконьера. С виду нормальный человек.

Я узнал страшную притчу, но писать её здесь очень длинно. Расскажу, когда вернусь. А ты посмотри в своём справочнике с именами, есть ли такое человеческое имя - Кунчо.

Ты беспокоилась, не заражусь ли я спасательством от Игната и Миши. Я не заразился. Как собирался стать лётчиком, так и собираюсь. У них свой мир, у меня - свой. Но я им завидую. Они - настоящие Люди. Это не громкое слово. Есть ещё антилюди. Я расскажу тебе, когда приеду. Я видел одного.

Здесь нас ужасно стараются накормить. Игнат станет толстый, как директор леспромхоза, я стану длинный, как Игнат, а Миша не изменится, потому что он местный, ему можно отказываться. А завтра мне конец - они собираются крупно отпраздновать мой день "р". Жаль, что нет тебя, посмеялась бы.

Ну, всё. Подробности прочтешь в моём полевом дневнике, но в кое-какие страницы обещаю не заглядывать. Ещё привезу кучу интересных книг, тут отличный книжный магазин. До свидания. Евг.

Ягодинский ЛПХ, 22 июня. Дорогой папка!

Третий день, как мы на месте, и я спешу сообщить тебе новость. Она печальна, но приятна для нас обоих. Нашлась мама. Я был у неё в больнице. Больница называется ЛТП, ты знаешь, что это такое. Мама здесь уже год, она лечится прилежно и выздоравливает. В июле её освобождают, т.е. выписывают. Я дождусь её здесь, приедем вместе. Она в норме, не испугаешься. Приготовь всё, что надо. Я очень-очень хотел бы, чтобы всё у нас стало хорошо.

Остальное - нормально.

Обнимаю, Игнат.

Папка, постарайся, приготовься, мы должны сделать всё, чтобы... В общем, ты понял.

Ягодка. 22.06. Привет, Любаня!

Столько событий, что писать стихи и возлагать их на музыку было как-то недосуг. Сражения с подводными пиратами, дружеские встречи с летающими зверями, абордажные схватки, писк пищалей и лязг ятаганов, опасные десанты и питание подножным кормом, страшные пытки летающих кровососущих, бессонные ночи у руля, при тусклом свете звёзд и далёких маяков, среди оживлённо снующих рудовозов и танкеров чудовищного водоизмещения... В общем, представляешь, какое кошмарное было путешествие. А ведь ещё надо было загорать, считать деревья на берегах (точнее сказать - количество топляков на погонный километр) и фотографировать следы экологической шаловливости наших позорных соплеменников и присматривать где-нибудь пещеру почище, чтобы от них переселиться. Правда, немного отдохнули на роскошном сеноманском курорте - как раз в конце похода очень недоставало для пошатнувшегося здоровья родоново-сероводородных ванн. А пошатнулось оно оттого, что всю дорогу на вёслах. Этого ты представить не можешь. А весло-то - одно на троих. Правда, очень большое, можно управлять целым Человечеством.

Но я не жалуясь, родные и знакомые встретили очень тепло, особенно бывшие одноклассницы. Оркестр, цветы (список - на отдельной бумажке), речи (опубл. в местной прессе). Плот наш и одежду растащили на сувениры. Ходим, прикрываясь тем листочком, что у нас на значке. От стыда за нас он из зелёного стал красным.

Как там твои механизаторы? Если скучают, то передай им привет и напони, что и самое длинное лето когда-нибудь кончается. Так что встретимся и станцуем. Не с ними, конечно, и не под "Сто парсеков", а под лирику, которой теперь, на досуге, свободно буду заниматься целую неделю, до отъезда в училище.

Жму вашу крепкую пять и - напоследок - новость, для тебя могущая быть интересной. Известно из самых первых рук, что аэроклуб в Томске - специально для тебя - через год-два заработает вновь. К тому времени я - по требованию всего родного леспромхоза - буду проживать в Ягодке, а ты будешь иногда пролетать и качать мне серебряным крылом. Авось когда-нибудь и прыгнешь. Можно даже без парашюта, я поймаю.

Желаю тебе отличиться на практике как по верхкам, так и по корешкам, а я пошёл поздравлять Евгешу - днём рождения и прибавлением семьи (только что телеграмма: сестрёнку ему родили), а Игнашу - восстановлением семьи (подробности - устно, он сам). До встречи в прекрасном и сложном будущем.

Ваш М.

Приписка.

Любаша, это я. Миша напомнил твой вопрос, на который я не смог ответить перед отъездом: интересно ли мне будет жить, если смогу заниматься только тем, что интересно? Теперь готов ответить. Жизнь - это так интересно, что не надоест никогда. Даже если меня расстреливать, мне, оказывается, и это интересно. Главное - чтобы не сумели расстрелять!

До встречи. Игнат.

Ещё приписка.

Длиннущее получилось письмо! Зато с первого раза. Евгеша на коротенькое, в полстранички, извёл целую тетрадь. Но это удел гениев. Он мировой парень, я расскажу тебе о нём.

Ваш М.

АВТОРСКОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ

Друг читатель! Если тебе небезразлично, что стало со спасателями дальше, найди продолжение "Лучей страха", оно называется "Неоткрытые законы". Правда, это роман для совсем взрослых: чтобы его читать, нужны ещё более крепкие нервы, чем у тебя сейчас. Решишься - тогда, как говорит Миша Темников:

ДО ВСТРЕЧИ В ПРЕКРАСНОМ И СЛОЖНОМ БУДУЩЕМ!

О Г Л А В Л Е Н И Е	Стр.
Часть I. ОДИН ПРОТИВ ВСЕХ	
"Голос моря"	1
Искушение	5
Испытание	7
Визит мести	10
Опасная встреча	12
Катастрофа	14
Спасти преступника	19
Зачем человеку небо?	25
Совещание в ОКОПе	26
Зачем человеку небо? (Продолжение)	28
"Большая охота"	34
Часть II. СПАСАТЕЛИ	
Письмо первое	39
Аналитема	39
Кто мы?	40
Письмо второе	41
Лето будет жарким	42
Игнат задумчив	45
Приговор или диагноз?	46
Между делом	52
Диверсия на стапеле	57
Прощай, ЛУСТ...	60
Пираты без опыта	62
Героиня и браконьер	64
Леденящая история	68
Абордаж на курорте	70
Ещё три письма	73